

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет
(МГОУ)

На правах рукописи

Кирсанова Мария Михайловна

Неологические сочетания и их интерпретация как прагматический источник
обогащения словарного состава французского языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.05 – Романские языки

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Скуратов Игорь Владимирович

Мытищи – 2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования неологических сочетаний.....	15
1.1 О неологии и ее объектах	15
1.2 Понятие «неологизм», проблема термина	17
1.3 Термин «неологическое сочетание», теоретические аспекты.....	22
1.4 Понятие «интерпретация языкового знака»	27
1.5 Особенности фразеологического знака, теоретические аспекты.....	31
1.6 Особенности прагматического направления в современном французском языкознании	40
1.7 Параметры прагматической информации в прагмалингвистическом исследовании фразеологического знака неологического сочетания	45
Выводы по Главе 1	48
Глава 2. Образные неологические сочетания.....	51
2.1 Публицистические метафоры, теоретические аспекты	51
2.2 Способы интерпретации образных неологических сочетаний	55
2.2.1 Публицистические метафоры, созданные по концептуальным моделям	55
2.2.2 Публицистические метафоры, созданные без модели	66
2.2.3 Публицистические ономастические метафоры	69
2.2.4 Метонимия и метонимические выражения	73
2.2.5 Антономазия и антономастические комплексы.....	79
2.3 Эвфемистические образные неологические сочетания «langue de bois», способы интерпретации.....	85
2.4 Иронично-эвфемистические неологические сочетания, способы интерпретации	94

Выводы по Главе 2	100
ГЛАВА 3. Игровые неологические сочетания	105
3.1 Языковая игра и игровая неология, теоретические аспекты	105
3.2 Способы интерпретации игровых неологических сочетаний	108
3.2.1 Вербальная декомпозиция устойчивых сочетаний.....	108
3.2.2 Игровые искажения лексико-фразеологической сочетаемости	121
Выводы по Главе 3	132
Заключение	135
Список литературы	143

Введение

Французский язык эволюционирует в своем употреблении и как каждый естественный живой язык непрерывно продуцирует новые синтагматические последовательности слов, используя для этого все свои ресурсы как системы. Публицистика служит тем естественным «полигоном», в котором непрерывно продуцируются новые полилексичные номинации новых смыслов. Тексты газетных изданий и публицистическая литература в жанре «политическая книга» демонстрируют высокую частоту использования полилексичных инноваций, которые далеко не всегда имеют лексикографическую фиксацию в толковых или в каких-либо специальных словарях, что создает сложности при их переводе.

Настоящее междисциплинарное исследование посвящено прагматике неологических сочетаний французского языка и основано на синтезе интерпретационных подходов с использованием методов и понятийно-теоретического аппарата лексикологии, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Целесообразность правильной интерпретации новых сочетаний слов во французских публицистических текстах обуславливает одну из важных задач лексикологии, связанную с развитием теории неологии и методологических подходов их исследования.

Объектом диссертационного исследования являются неологические сочетания – инновационные фразеологические синтагмы, образные полилексичные номинации, функционирующие во французских публицистических текстах различных жанров, изданных в период с 2010 по 2020 год.

Предметом исследования являются прагмасемантические особенности неологических сочетаний и способы, применяемые отправителем речи для интерпретации плана выражения и плана содержания фразеологического знака неологического сочетания.

Степень разработанности темы исследования. В отечественном и зарубежном романском языкознании нет комплексных исследований, посвященных инновационным фразеологическим синтагмам французского языка как новым образным полилексичным номинативным единицам новых смыслов социально-политических явлений. Большинство научных трудов, разрабатывающих общую теорию неологии, посвящено исследованиям различных аспектов неологических монолексичных единиц языка. Неологические сочетания расширяют теоретическую и терминологическую базу концепта языковой действительности «неологизм» и исследуются в трудах лексикологов-романистов Ж. Прюво, Ж.-Ф. Саблероля [Pruvost, Sablayrolles 2003, 2016], С. Межри [Mejri, 2011], И. В. Скуратова [Skouratov, 2016].

Вопросы прагма-семантических особенностей языковых стилистических средств разрабатывают в своих трудах такие ученые-языковеды, как: Н. М. Наер [2011], М. Р. Желтухина [2003], Э. В. Будаев, А. П. Чудинов [2006], Н. И. Клушина [2008], Н. А. Сегал [2017], Л. В. Порохницкая [2013], О. Л. Михалева [2009], О. С. Сахно [2018], М. Бонном [Bonhomme, 2005], А. Орак [Orak, 2010], А. Криег-Планк [Krieg-Planque, 2004]. Создание инновационных образных полилексичных единиц французского языка различными приемами игры слов и игры со словами изучается в работах Р. Галиссона [Galisson, 1993], К. Ворже [Vorger, 2011], Ж.-Ф. Саблероля [Sablayrolles, 2009, 2015, 2017]. Несмотря на значительный объем функционирующих в современной французской публицистической литературе неологических сочетаний и интерес к этим дискурсивным фактам с точки зрения прагматики речи, этот сегмент неологической лексики французского языка на момент проведения настоящей работы не подвергался в научной литературе комплексному и прагматическому анализу как объект самостоятельного исследования. Изучение неологических сочетаний на материале современного публицистического дискурса позволяет выявить функциональную направленность и прагматический потенциал данного

фрагмента языковой системы, обогащающего фразеологический пласт словарного состава французского языка.

Актуальность темы исследования обусловлена:

- прагмалингвистическим подходом, основным исследовательским принципом которого является антропоцентризм;
- неразработанностью ряда положений теории неологии полилексичных образных номинаций;
- целесообразностью правильной интерпретации значений обширного корпуса неологических сочетаний в современных публицистических текстах, включающей адекватное декодирование авторских прагматических интенций.

Гипотеза исследования: неологические сочетания, номинирующие социально-политические явления в публицистических текстах, отражают в структуре значений идеологически мотивированные авторские прагматические интенции, что позволяет рассматривать этот сегмент неологической лексики как множество идеологически обусловленных иносказательных суждений.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- 1) впервые применяется синтез прагмалингвистического и когнитивно-дискурсивного подходов к анализу фразеологических знаков неологических сочетаний;
- 2) представлена авторская типология неологических сочетаний по способам, применяемым отправителями речи для интерпретации их фразеологических знаков;
- 3) разработана терминологическая база, углубляющая понятие «неологическое сочетание»: метатермины «образное неологическое сочетание», «игровое неологическое сочетание», «эвфемистическое неологическое сочетание языка политико-административной власти “langue de bois”», «иронично-эвфемистическое неологическое сочетание»;

4) обозначены и детализированы прагматические функции неологических сочетаний с точки зрения прагматики речи адресанта и характера воздействующего эффекта в тексте при восприятии адресатом.

Цель работы – выявить прагмасемантические особенности неологических сочетаний и характер интерпретационных процессов порождения их фразеологических знаков на материале современных публицистических текстов.

Задачи исследования включают разработку следующих вопросов:

1. Применить термин «неологическое сочетание» к инновационным фразеологическим синтагмам, несвободным сочетаниям слов, сложным существительным, выполняющим номинационную функцию в современных французских публицистических текстах различных жанров.
2. Выявить наиболее продуктивные образные стилистические средства – риторические фигуры, используемые отправителями речи как способы интерпретации фразеологических знаков неологических сочетаний.
3. Выявить и классифицировать приемы языковой игры на лексико-семантическом уровне – игровые техники как способы интерпретации фразеологических знаков неологических сочетаний.
4. Установить прагматические особенности неологических сочетаний в публицистических текстах различных жанров и охарактеризовать прагматические функции классифицированных типов неологических сочетаний.
5. Обобщить полученные результаты, представив классификацию способов интерпретации фразеологических знаков неологических сочетаний и прагматических функций классифицированных типов неологических сочетаний.

Теоретическую базу настоящего исследования составили положения научных трудов, которые разработали отечественные и зарубежные лингвисты в таких направлениях языкознания, как:

– теория неологии: Н. А. Катагощина [2012], В. Г. Гак [1978], Н. З. Котелова [1978], И. А. Цыбова [1996, 2010], С. И. Алаторцева [1999], Г. В. Овчинникова [2000, 2020], Л. Б. Гацалова [2005], Н. Н. Лопатникова [2006], И. В. Скуратов [2006, 2015, 2016, 2017, 2018], И. Г. Живутская [2011], Л. Гильбер [Guilbert, 1975], А. Рэй [Rey, 1976, 1995], Ж. Прюво и Ж.-Ф. Саблероль [Pruvost, Sablayrolles, 2003, 2016], С. Межри [Mejri, 2005, 2011] и др.;

– теория прагматического интерпретирующего подхода к исследованию языковых структур: И. П. Сусов [2006], В. И. Заботкина [1985, 2014], В. З. Демьянков [1989, 1994], Л. П. Рыжова и В. Р. Богданова [2018], М. Б. Бергельсон [2007], О. Дюкро [Ducrot, 1969, 1972, 1989], Ж. Мешлер и А. Ребуль [Moeshler, Reboul, 1994] и др.;

– теория фразеологической образности и фразеологического значения: Е. С. Кубрякова [1981], В. Н. Телия [1986, 1996], А. Г. Назарян [1987], Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых [2000], Е. А. Юрина [2005], И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд [2008], А. П. Василенко [2009], И. И. Синельникова [2013] и др.;

– теория текста: Ш. Балли [1961], В. Г. Кузнецов [2017], Е. Л. Туницкая [2010], Е.-Ю. Гросс [Grosse, 2001];

– теория образных средств иносказания: Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [2006], М. Р. Желтухина [2003], М. Н. Левченко и Е. В. Кутинова [2017], М. Н. Наер [2011], Н. А. Сегал [2017], О. С. Сахно [2018], Л. В. Порохницкая [2013], М. Бонм [Bonhomme, 2005, 2017], А. Криег-Планк [Krieg-Planque, 2004, 2017], А. Орак [Horak, 2011] и др.;

– исследования приемов языковой игры при создании номинативных новообразований: В. С. Виноградов [1978], Е. М. Александрова [2012], Е. И. Куманицына [2006], Л. В. Рацибурская и В. А. Торопкина [2016], Т. В. Первак [2016, 2018], Ж. Женет [Genette, 1982], Р. Галиссон [Galisson, 1993], Ж.-Ф. Саблероль [Sablayrolles, 2009, 2015], К. Ворже [Vorger, 2011] и др.

Данное исследование также основывается на теоретических положениях, разработанных в трудах таких ученых-языковедов, как А. А. Потебня [1976], Ф. де Соссюр [1977], Э. Бенвенист [Benveniste, 1974], Ч. Моррис [1983], С. И. Походня [1989], К. М. Шилихина [2011, 2014], О. А. Крюкова [2019], Н. А. Фененко [2006], В. Н. Абабий [2019], Е. С. Бугрышева [2020] и др.

Материалом для исследования послужили неологические сочетания, выявленные в корпусе публицистических текстов статей ежедневных изданий: «Le Monde», «Le Figaro», «Libération», «Courrier International»; еженедельного сатирического издания «Le Canard enchaîné», «политических романов» и «политических эссе», изданных в 2010–2020 гг., авторы которых – авторитетные политические журналисты, политологи, ученые, писатели, издатели: М. Онфрей (M. Onfray), С. Фонтенель (S. Fontenelle), М. Шолле (M. Chollet), О. Сиран (O. Cyran), Л. Де Кок (L. De Cock), Р. Кайроль (R. Cayrol), Ж. Катремер (J. Quatremer), В. Жовер (V. Jauvert), А. Мэнк (A. Minc), Л. Дюбрэй (L. Dubreuil), Д. Майяр (D. Maillard), К. Барбье (C. Barbier), М. Дармон (M. Darmon) и др. Материал исследования был отобран сплошной выборкой из 4200 страниц печатных текстов и составил более 1100 неологических сочетаний, номинирующих явления социально-политической сферы.

Методы исследования. В диссертационной работе в соответствии с поставленными задачами и с учетом языкового материала наряду с общенаучными индуктивным и дескриптивным методами были задействованы такие методы анализа, как 1) сплошная выборка для отбора и фиксации языкового материала; 2) прагматический анализ языковых средств и внеязыковых факторов, релевантных для адекватного декодирования значений неологических сочетаний; 3) контекстуальный анализ публицистических текстов для корректной реконструкции авторских номинативных интенций; 4) элементы когнитивного моделирования процессов порождения образных единиц; 5) элементы

лингвокультурологического анализа ономастических единиц и трансформированных паремий, фразеологизмов, прецедентных выражений; б) компонентный анализ при сопоставлении сем эвфемизируемых понятий и их эвфемистических замен и при выявлении сочетаемостных возможностей лексических компонентов неологических сочетаний; 7) количественный анализ при классифицировании языкового материала.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные результаты и сделанные выводы вносят вклад в теорию неологии, существенно расширяя и углубляя знания о неологических образных полилексичных номинациях. Результаты проведенного исследования позволяют под новым углом зрения дифференцировать иносказательные суждения в публицистическом дискурсе.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее положений и материалов в вузовских курсах по лексикологии, при подготовке семинаров по неологии, по фразеологии, по медиалингвистике и политической лингвистике на материале французского языка, при написании курсовых и выпускных квалификационных работ по лексикологии, а также в практике преподавания французского языка в средних общеобразовательных учреждениях.

Апробация настоящего исследования. Основные результаты исследования изложены в семи статьях общим объемом 4,6 п. л., три из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, и отражены в докладах на конференциях: «Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации» (Москва, МГОУ, 26–27 июня 2018 г.); «Наука на благо человечества – 2020» (Москва, МГОУ, 20–24 апреля 2020 г.); «Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов» (Москва, МГОУ, 30 июня 2020 г.); «Дискурсивные практики в современном мире» (Москва, МГОУ, 27 ноября 2020 г.); а также в выступлении на Научном саммите с международным участием «Язык. Культура, Общество», посвященном 90-

летию МГОУ и 75-летию Института лингвистики и межкультурной коммуникации (Москва, МГОУ, 14–15 апреля 2021 г.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Неологические сочетания рассматриваются как инновационные фразеологические синтагмы, сложные существительные, находящиеся в начальной стадии существования в языке, возникающие и используемые в публицистических текстах для образной номинации новых социально-политических явлений.
2. Интерпретация фразеологического знака неологического сочетания адресантом / автором трактуется как творческий процесс и результат выбора языковых образных средств, однозначно выражающих сложный смысл новой социально-политической реалии сквозь призму авторских прагматических номинативных интенций.
3. Адресант интерпретирует фразеологический знак неологического сочетания, используя либо риторическую фигуру (чаще – метафору), либо прием языковой игры на лексико-семантическом уровне.
4. Неологическое сочетание в публицистическом тексте является прагматически обусловленной языковой единицей, мотивированной авторскими номинативными интенциями и программируемым автором воздействующим рецептивным эффектом в тексте.
5. Идеологически мотивированная авторская оценочная модальность определяет выбор способа интерпретации фразеологического знака неологического сочетания адресантом и формирует характер иносказания как эвфемистической функции неологического сочетания.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и определяется поставленными исследовательскими задачами. Научная работа в объеме 160 страниц состоит из введения, трех глав основной части, каждую из которых завершают выводы, заключения и списка литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного

исследования, определяются его объект, предмет, цель и задачи, излагаются теоретические основы и перечисляются использованные материалы, устанавливаются методы исследования, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность проведенного исследования, рекомендации по использованию результатов диссертации, приводятся данные об апробации работы.

Первая глава «*Теоретические основы исследования неологических сочетаний*» посвящена основным понятиям теоретической и методологической базы исследования. Анализируются существующие в научной литературе взгляды на структуру неологии и на проблему определения понятий «неологическое сочетание», «фразеологический знак», «интерпретация языкового знака». Формулируются теоретические положения, составляющие основу настоящего исследования.

Во второй главе исследования «*Образные неологические сочетания*» анализируются способы интерпретации фразеологического знака неологического сочетания при помощи различных риторических фигур.

Предложен метатермин «образные неологические сочетания», объединяющий номинативные неологические фразеологические синтагмы, фразеологические знаки которых интерпретируются отправителем речи при помощи риторических фигур.

Образные неологические сочетания классифицированы по способам, применяемым авторами-публицистами при интерпретации их фразеологических знаков:

- 1) по актуальным базовым концептуальным метафорическим моделям;
- 2) без использования концептуальных метафорических моделей, при помощи: интертекстуальных аллюзий и прецедентных феноменов, относящихся к энциклопедическим и фоновым ситуативным знаниям;
- 3) ономастических метафор;
- 4) метонимических выражений;
- 5) антономастических комплексов;

б) перифразирования.

Предложен метатермин – «эвфемистические неологические сочетания» для неологических сочетаний, выполняющих эвфемистическую функцию в тексте. Исходя из авторских прагматических номинативных целей и способов, которыми авторы интерпретируют фразеологические знаки неологических сочетаний, эвфемистические неологические сочетания предложено разделять на «эвфемистические неологические сочетания “langue de bois”» и «иронично-эвфемистические неологические сочетания».

Прагматические функции неологических сочетаний предложено рассматривать в двух ракурсах: 1) функции авторских номинативных намерений, закладываемые во фразеологическое значение неологического сочетания, и 2) функции фразеологического знака неологического сочетания при его восприятии адресатом в тексте.

В настоящей главе обобщены и систематизированы результаты анализа прагматических функций различных типов образных неологических сочетаний в публицистических текстах.

Третья глава «Игровые неологические сочетания» посвящена анализу прагма-семантических особенностей неологических сочетаний, фразеологические знаки которых интерпретируются различными приемами языковой игры на лексико-семантическом уровне. Предложен метатермин «игровые неологические сочетания» применительно к инновационным фразеологическим синтагмам, полилексичным инновациям, фразеологический знак которых интерпретируется их создателями различными приемами языковой игры на лексико-семантическом уровне.

Для описания игровой техники, трансформирующей устойчивое сочетание слов, предложен термин «вербальная декомпозиция» (или в таксономии Р. Галиссона вербальный палимпсест на лексико-фразеологическом уровне).

Установлены способы интерпретации игровых неологических сочетаний, основанные на различных игровых техниках, нарушающих лексико-фразеологическую сочетаемость:

- а) соединение синапсией (термин Э. Бенвениста);
- б) оксюморонные конструкции;
- в) нарушение тенденции потенциальных сочетаемостных предпочтений одного из лексических компонентов в сочетании.

Предложен метатермин «иронично-эвфемистические неологические сочетания» для авторских ироничных иносказательных суждений, отражающих в прагматическом компоненте фразеологического значения разную степень авторского ироничного отношения к эвфемизируемому социально-политическому явлению (от доброжелательно-снисходительного до злой иронии).

Сделаны выводы относительно способности исследованных типов неологических сочетаний служить эвфемистическими выражениями языка политико-административной власти “langue de bois” или иронично-эвфемистичными суждениями в публицистических текстах различных жанров.

Уточнены и детализированы прагматические функции игровых неологических сочетаний в публицистических аналитических текстах.

В заключении кратко отражены полученные результаты диссертационной работы и намечены области их применения в дальнейших исследованиях.

Список литературы включает научные труды на русском, французском и английском языках по теоретической проблематике, а также лексикографические и иные источники, непосредственно связанные с объектом диссертационного исследования и насчитывает 201 наименование.

Глава 1. Теоретические основы исследования неологических сочетаний

1.1 О неологии и ее объектах

В лингвистической науке язык рассматривается как сложная динамическая, многоуровневая и многоаспектная система, находящаяся в постоянном движении, развитии, самосовершенствовании. «Язык является не продуктом, а производством, рождением» [Рикер, 1995, с. 139]. Процессы, пополняющие словарный состав языка, издавна оцениваются как прогресс языка, его обогащение, которое, по мнению Н. З. Котеловой, выражается в появлении «новых слов, новых значений слов, новых выражений и устойчивых сочетаний» [Котелова, 1978, с. 5]. Введенное Фердинандом де Соссюром структурное понимание языка как системы знаков и отношений диахронии и синхронии позволило рассматривать факты диахронического плана как события в системе. «Диахронический факт – это инновация, вытекающая из слова (одного или нескольких) и становящаяся фактом языка» [Рикер, 1995, с. 46].

В современной лингвистике не существует однозначного определения термина «неология». Для настоящей диссертационной работы наиболее значимыми представляются определения термина неология, разработанные Н. З. Котеловой, В. Г. Гаком, А. Реем, Ж.-Ф. Саблеролем.

Так, Н. З. Котелова предлагает осмыслять термин «неология» как науку (logos) о новом (нео), о разнообразных новых явлениях в языке, таких как возникновение:

- 1) новых свойств у старых слов, терминологизацию слов, изменения их стилистической окраски;
- 2) новых форм словоизменения и сочетаемости;
- 3) новых лексико-грамматических функций слов и т.д. [Котелова, 1978, с. 17–18].

По мнению В. Г. Гака, в сферу неологии входит выявление путей опознания новых слов и значений, анализ факторов их появлений, изучение моделей их создания, разработка принципов отношения к ним (их принятие или нет) и их лексикографической обработки, а также исследование того, как усваивается (социализируется) неологизм языковым коллективом. Ученый подчеркивает, что лексическая неология занимается изучением способов расширения номинативных средств языка, к которым относятся процессы создания новых лексических единиц путем словообразования и сочетания слов, семантического переосмысления и заимствования [Гак, 1978, с. 37–40].

Согласно словарю *Le Petit Robert*, «неология» – это 1) создание новых слов в языке с целью его обогащения и 2) процесс самообогащения языка посредством деривации, словосложения, заимствований, калькирования и других всевозможных способов [Rey-Debove, Rey, 2012, p. 1682].

Ж.-Ф. Саблероль считает, что термин «неология» многозначен и означает как процессы создания и проникновения в язык новых лексических единиц (слов и выражений), так и изучение этих процессов и их результатов [Sablayrolles, 2017, p. 10].

В настоящем исследовании неология рассматривается как естественный процесс, способствующий пополнению состава языка номинативными монологичными и полилексичными единицами, и как самостоятельное направление научных исследований, анализирующих структуру этих инноваций и причины их возникновения в словарном составе языка.

Объекты неологии – неологизмы располагаются на пересечении с другими разделами языкознания, такими как фонология и морфология при изучении формы лексических единиц, с семантикой и прагматикой с точки зрения значения и смысла, с синтаксисом в рамках комбинаторики. Неология как область лексикологии широко открыта и другим областям научного знания: психологии, политологии, культурологии, социологии и т.д.

1.2 Понятие «неологизм», проблема термина

Неологизмы явно отражают неразрывную связь, существующую между мышлением и языком. Каждое новое понятие, порожденное практикой человека во многих областях его деятельности, обязательно получает название в языке [Лопатникова, 2006, с. 86].

Проблема термина «неологизм» остается одной из самых дискуссионных в неологии. Связано это с тем, что восприятие понятия «неологизм» постоянно изменяется.

В отечественной лингвистике понятие «неологизм» традиционно трактуется как слово или оборот речи, созданный для обозначения нового понятия [Горшков, 1979, с. 159].

Большинство исследователей считают, что самый большой пласт неологических языковых единиц составляют те, которые обозначают новую реалию и понятие. Подобный взгляд на сущность неологизма отражает так называемую денотативную концепцию неологизмов. Данная теория представлена в «Словаре лингвистических терминов» А. С. Ахмановой [Ахманова, 2005] и во многих других работах. Но новое в жизни языкового сообщества необязательно влечет за собой появление в языке новых слов, «новые реалии и ситуации могут обозначаться старыми словами и сочетаниями слов» [Котелова, 1978, с. 13].

В отечественной лингвистической литературе приводится совокупность критериев, каждый из которых можно рассматривать как подход к определению специфики неологизмов:

- 1) диахронический – появление единицы языка в последние годы позволяет считать ее неологической;
- 2) лексикографический – единица считается неологической до того момента, пока не произошла ее фиксация в словаре;

3) систематической нестабильности – языковая единица признается неологизмом, если в ней явно выражена нестабильность формы или новая семантика;

4) психологический – восприятие пользователями единицы как новой позволяет считать ее неологической [Скуратов, 2006, с. 59–60].

Понятие «неологизм» исторично и относительно [Алаторцева, 1999, с. 88]. Критерий «недавности» возникновения в языке, характеризующий неологичность языковой единицы, является ключевым в неологии. Однако в литературе остается открытым вопрос определения длительности периода времени, в течение которого языковая единица считается неологической. По мнению В. И. Заботкиной, чтобы проанализировать динамику вхождения неологизма в систему языка, оптимально наглядным является 30-летний период как довольно короткий отрезок времени в плане исторического языкового развития, позволяющий проследить процессы конвенционализации неологизма и изменения его прагматики в этом процессе [Заботкина, 1985, с. 102–103]. Следует отметить, что каждый исследователь неологизмов сам определяет границы синхронного временного среза для области своего исследования. В настоящем исследовании отобранным материалом являются сверхсловные инновации, возникшие во французском языке после 2010 года (т.е. на синхронном временном отрезке, охватывающем период около 10 последних лет).

Критерий «лексикографической зафиксированности», как характеристика неологичности языковой единицы, нам видится спорным, так как на сегодняшний день издаются в большом количестве разнообразные авторские тематические словари и различные электронные словари, реагирующие достаточно быстро на изменения в составе языка, фиксируя новые слова, новые значения и сочетания слов. И. А. Цыбова считает, что «невхождение языковой единицы в словари, т.е. пропуск такой единицы,

может быть или случайным, или сознательным. Тем не менее, на практике этот критерий применяется» [Цыбова, 2009, с. 376].

Критерий «новизны восприятия» неологизма является психологически важным и ключевым в неологии. Новая языковая единица сохраняет ощущение новизны «*sentiment de nouveauté*», свежести, необычности «пока коллективное языковое сознание реагирует на нее, как на новую» [Заботкина, 2014, с. 102]. Однако этот критерий не имеет достаточной конкретизации, а при анализе – «не может измеряться количеством и не имеет формализованных характеристик» [Лыков, 1976, с. 100]. Исходя из того, что ощущение новизны при восприятии языковой единицы носителями языка субъективно и неоднозначно, С. И. Тогоева предлагает считать неологизмом языковую единицу, ранее не встречавшуюся в индивидуальном языковом опыте носителя языка [Тогоева, 2000, с. 88].

Языковая единица не может постоянно восприниматься новой и свежей. Для определения новаций, в полной мере соответствующих данному критерию, в литературе применяются термины «окказиональные» и «индивидуально-авторские» неологизмы. На сегодняшний день определение окказиональности является одним из самых спорных в теории неологии.

С. И. Алаторцева определяет основные признаки, позволяющие определить единицу языка как окказиональную:

- 1) состояние временности, переходного этапа существования в дискурсе;
- 2) формальная достаточность однократного употребления в дискурсе;
- 3) потенциальная способность вхождения в языковую систему оценивается с большой долей вероятности [Алаторцева, 1999, с. 75–84].

К признакам индивидуально-авторских неологизмов С. И. Алаторцева относит:

- 1) выполнение в дискурсе помимо номинативной еще и экспрессивной и эстетической функции;
- 2) контекстуальный характер;

3) малая доля вероятности потенциальной способности вхождения в систему языка [Алаторцева, 1999, с. 85].

По мнению И. Г. Живутской, окказиональные единицы языка не являются неологизмами. Утверждение лингвиста исходит из того, что неологизм – это диахронное понятие в языке, а окказионализму всегда присуще синхронно-диахронная диффузность [Живутская, 2011, с. 8].

Г. В. Овчинникова обращает внимание на то, что в специальной литературе окказиональные образования часто приравнивают к авторским неологизмам. По мнению ученого, «авторские неологизмы могут включать и окказионализмы, если те не войдут в нейтральную лексику» [Овчинникова, 2020, с. 220].

Как правило, новая единица возникает в языке при острой необходимости выразить новый смысл. Поскольку новое характеризует актуальное состояние мира, неологизмы, по мнению Н. А. Фененко, можно определить через признак «актуальное настоящее» [Фененко, 2006, с. 19]. Языковой опыт носителя языка, выражается в структурированных языковых выражениях, в отборе необходимых языковых единиц для выражения требуемого смысла, так как от структуры наименования зависит полнота и правильность передачи информации, выраженной в языковой форме. Поэтому, «для более адекватного отображения, воспроизведения и закрепления новых идей и понятий, язык и лексика вынуждены перестраиваться и пополняться новыми элементами» [Левицкий, 2009, с. 352].

Таким образом, неологизм порождает прагматическая номинативная потребность отобразить новое восприятие окружающей действительности и фиксировать в языке изменения картины мира на синхронном отрезке времени.

Традиционно в научной литературе неологизмы разделяют на:

1) лексические – это вновь образованные или заимствованные слова;

- 2) семантические – это новые значения ранее известных слов;
- 3) индивидуально-стилистические или окказиональные, которые создаются авторами как выразительные средства в определенном контексте и не рассчитаны на распространение и закрепление в общем языковом употреблении [Горшков, 1979, с.159].

Н. З. Котелова называет «лексическими новшествами» слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенный период времени в определенном языке, не существовавшие в предшествующий период в том же языке [Котелова, 1978, с. 22].

Е. В. Розен предлагает называть «семантическими неологизмами» случаи «регулярного использования традиционного слова в каком-либо новом значении» [Розен, 2000, с. 64]. Следует отметить, что семантическая неология объединяет монологичные и полилексичные языковые единицы, получившие на современном синхронном временном срезе новое, переосмысленное значение или приращение значения.

В современных отечественных исследованиях по лексикологии «неологизм» трактуется как новация лексико-фразеологического состава языка, представляющая собой сложное, многозначное и многоуровневое явление, феномен национального языка и культуры. Исходя из такого понимания неологизмов, неология условно структурно разделяется на лексическую (новые слова), семантическую (новые значения) и фразеологическую (новые сочетания слов) [Алаторцева, 1999; Гацалова, 2005; Скуратов, 2006].

И. В. Скуратов акцентирует внимание на том, что в научной литературе для обозначения новых явлений на всех языковых уровнях помимо термина «неологизм» применяются и практически эквивалентные ему термины «инновация» и «новообразование» [Скуратов, 2017а, с. 25].

В лингвистической науке разработке теоретических и практических вопросов лексической неологии посвящено абсолютное большинство исследований [Алаторцева, 1999, с. 62]. Проблематика неологии во

фразеологии затрагивается исследователями в совокупности с семантической неологией [Скуратов, 2006; Сенько, 2007; Sablayrolles, 2017; Сахно, 2018].

А. Рей высказал оригинальную точку зрения на структуру науки о неологизмах, предлагая разделить неологию на формальную, семантическую и прагматическую [Rey, 1995]. В объем формальной неологии французский языковед объединяет все процессы, результатами которых является применение грамматических правил к морфемному закону языка. Формальные неологизмы – это новые слова, образованные при помощи аффиксации, словосложения, аббревиации. В структуру семантической неологии А. Рей объединяет все неологизмы без исключения (формальные неологизмы, созданные морфологическим, синтагматическим путем, акронимы, аббревиации, заимствования), при условии наличия у них определенных черт, указывающих на изменение значения. В прагматическую неологию А. Рей предлагает объединить объем неологизмов, форма которых обусловлена отношением к процессам коммуникации, а также исследования проблематики принятия этих неологизмов языковым сообществом в зависимости от их индивидуально-творческого потенциала [Rey, 1995].

1.3 Термин «неологическое сочетание», теоретические аспекты

Как известно, одной из основных проблем фразеологии является типология ее единиц. Термин «фразеологическая единица», как самый распространенный термин в отечественной литературе по фразеологии, введен В. В. Виноградовым для общего названия всех явлений, относимых к фразеологии.

Учитывая то, что в отечественной лингвистической литературе сосуществуют различные классификации единиц фразеологии, обоснованные различными теоретическими подходами, целями и задачами их авторов, в настоящей работе при наименовании языковых единиц фразеологического уровня языка, вслед за Н. В. Шанским, будем придерживаться широкой

трактовки термина фразеологическая единица, отождествляя с ним такие термины, как фразеологизм, фразеологический оборот, фразеологическое сращение (идиома), фразеологическое единство, фразема, фразеологическое сочетание и фразеологическое выражение (паремия) [Шанский, 2010, с. 25].

Понятие «нового во фразеологии» Е. В. Ганапольская формулирует как «неоднословные выражения, значение которых не вытекает непосредственно из значений составляющих их компонентов», и которые обладают «одновременно и новизной формы, и новизной значения» [Ганапольская, 2010, с. 187–189].

С. Межри отмечает, что понятие «полилексичность» на эпистемологическом уровне заполняет терминологическую лакуну, которая из-за отсутствия адекватного термина оставляла немнолексичные (неоднословные) единицы за пределами лексикографического поля, даже если само понятие имплицитно присутствует в таких терминах, как оборот речи, перифраза и синтагматическое образование (*locution, périphrase, formation syntagmatique*) [Mejri, 2011, p. 33].

Результаты компьютерных корпусных исследований, в частности, проведенных в таких лабораториях как LADL (Лаборатории Документальной и Лингвистической Автоматики) и LLI (Лаборатории Компьютерной Лингвистики), однозначно свидетельствуют о количественном превалировании во французском языке единиц в форме полилексичных последовательностей над монолексичными. Такой количественный результат, по мнению С. Межри, свидетельствует о проявлении принципа языковой экономии, посредством которого язык реализует все свои возможности как неисчерпаемого источника продуцирования синтагматических единиц, где каждая свободная синтагматическая последовательность, теоретически, претендует на то, чтобы стать устойчивой [Mejri, 2012, p. 6].

Понятие «неологическое сочетание» объединяет полилексичные номинативные единицы, несвободные сочетания слов, находящиеся на

начальной стадии существования в языке и вызывающие у носителей языка ощущение новизны означающего и означаемого.

И. В. Скуратов разработал основные критерии определения неологического сочетания:

- 1) сочетание, содержащее неологизм в своем составе;
- 2) новое сочетание, состоящее из слов, давно существующих в языке, обладающее характеристиками, потенциально способными создать новую устойчивую единицу;
- 3) сочетание, полученное в результате переосмысления уже существующей лексической единицы.

Соответствие сочетания слов хотя бы одному из трех приведенных критериев позволяет рассматривать сочетание слов как неологическое [Skouratov, 2016, p. 63–64].

Следует уточнить, что в первом критерии речь идет о формальном неологизме, в котором есть признаки структурной нестабильности или который является заимствованной языковой единицей.

Концепт «неологическое сочетание» объединяет полилексичные единицы, соответствующие хотя бы одному основному критерию определения неологического сочетания по И. В. Скуратову. Монолексичные единицы (слова) исследуются семантической неологией как источники полисемии. В отличие от монолексичных единиц, полилексичные единицы (неологические сочетания) прагматически мотивированы потребностью автора в создании однозначной номинации, предполагающей отсутствие двойственности интерпретации при восприятии адресатом.

Обширное множество неологических сочетаний (*association syntagmatiques innovantes*), представляющих собой инновации в области сочетаемости, позволяет делать вывод о легитимности исследования их в объеме сочетаемостной неологии (*néologie collocationnelle*) [Mejri, 2011, p. 33].

Объектом настоящего исследования являются неологические сочетания, рассматриваемые как факты публицистического дискурса,

несвободные сочетания слов, инновационные фразеологические синтагмы, обладающие новой формой и новым прагма-семантическим значением.

В представленной работе не рассматриваются неологические сочетания, номинирующие понятия из различных областей науки, технологий и какой-либо профессиональной деятельности, которые представляют собой объект самостоятельных исследований в области теории неологии терминов.

По способам образования Л. Гильберт разделил неологизмы на четыре типа: 1) фонологические; 2) семантические; 3) заимствованные; 4) синтагматические, т. е. создаваемые путем комбинации существующих в языке знаков [Guilbert, 1975].

Ж. Прюво и Ж.-Ф. Саблероль, опираясь на идеи Ж. Турнье [Tournier, 1988], разработали типологию процессов создания новой лексики во французском языке, дифференцируя их на внутриязыковые и внешние [Tournier, 1988; Pruvost, Sablayrolles, 2003]. Во внутриязыковой матрице ученые первоначально выделили морфо-семантические, синтактико-семантические и морфологические процессы [Pruvost, Sablayrolles, 2003, p. 118], [Pruvost, Sablayrolles, 2016, p. 115]. Позднее Ж.-Ф. Саблероль дополнил сводную матрицу процессов создания неологизмов французского языка четвертым внутриязыковым типом – фразеологическим [Sablayrolles, 2017, p. 77]. Внутриязыковые фразеологические процессы Ж.-Ф. Саблероль рассматривает как способы создания новых фразеологических синтагм, способных стать новыми выражениями, терминами, концептами в различных тематических сферах.

Таблица 1 отражает классификацию процессов создания новой лексики французского языка, разработанную Ж.-Ф. Саблеролем [Sablayrolles, 2017, p. 77]. Для настоящего исследования особый интерес представляет фразеологическая внутриязыковая матрица, состоящая из двух способов создания неологических полилексичных единиц – креативность (*création*) и искажение (*détournement*).

Таблица 1 – Tableau récapitulatif des matrices [Sablayrolles, 2017, p. 77]

M a t r i c e s i n t e r n e s</br>	Morpho- sémantiques	Construction	Affixation	préfixation	<i>détatouer</i>		
				suffixation	<i>stetuesque, hitiste</i>		
				dérivation inverse	<i>turbuler</i>		
				parasynthétique	<i>désidéologisé</i>		
			Flexion			<i>ils closirent, la représaille</i>	
			Composition	composition par synapsie	<i>voiture-bélier lanceur d'alerte</i>		
				composition savante hybride	<i>batracianophile e-commerce, sapologe</i>		
			Composition par amalgame	fracto- composition	<i>téléspectateur</i>		
				compoaction	<i>mobinaute, dircab</i>		
				factorisation	<i>optipressimiste</i>		
	mot-valise	<i>peopolitique</i>					
	Imitation et déformation			onomatopée coupe ou paronymie	<i>[ça a fait]dzoing la nesthésie, infractus</i>		
	Syntactico- sémantiques	Changement de fonction	conversion	<i>la glisse, la gagne</i>			
			conversion verticale	<i>liste chabadabada, un ex</i>			
			déflexivation	<i>le manger, le preurer</i>			
			combinatoire syntactique ou lexical	<i>ironiser un texte encourir la liberté</i>			
		Changement de sens	métaphore	<i>souris (informatique)</i>			
			métonymie	<i>sac à dos (touriste)</i>			
			autres figures	<i>escorteuse (call-girl)</i>			
	Morpho- logiques	Réduction de la forme	troncation	<i>blême, p'tit déj</i>			
siglaison ou acronyme			<i>LMD, AHIN, ECUE</i>				
Phraséo- logiques	pragmatico-sémantique	détournement	<i>être les dindons de la crise</i>				
	création	création	<i>ne pas faire du huit mégabits</i>				
Matrice externe				emprunt	<i>break, cool</i>		

Термин «креативность» в отечественной литературе разработан Е. О. Опариной как «способность формировать новые понятия и языковые смыслы, исходя из уже имеющихся» [Опарина, 2000, с. 157].

Ж. Прюво и Ж.-Ф. Саблероль трактуют понятие креативность (*création*) более узко, рассматривая ее как процессы создания новых выражений при помощи фигур речи, чаще метафор.

Изучению способов интерпретации новых языковых единиц путем искажений (*détournement*) устоявшихся выражений посвящен параграф 3.2.1 третьей главы исследования. Процессы интерпретации неологических сочетаний при помощи риторических фигур исследуются во второй главе настоящей работы.

1.4 Понятие «интерпретация языкового знака»

Проблема интерпретации рассматривается различными научными направлениями как одна из фундаментальных проблем методологии науки, семиотики, философии языка, теории коммуникаций и т.д.

Проблематика интерпретации восходит к Платоновским идеям интерпретации текстов. Термин «интерпретация» является ключевым в философской герменевтике и применяется для обозначения и метода, и эксплицитно поставленной проблемы. Герменевтика (от греч. *hermeneuticé* – «толкование») – «наука о правилах трактования, родилась, прежде всего, в экзегетике библейских текстов, а затем и текстов светских» [Рикер, 1995, с. 97]. Герменевтика трактует интерпретацию как деятельность личности, посредством которой осуществляется диалог с действительностью с целью выработки своего мнения и его выражения, и как результат этой деятельности в форме фиксированной, высказанной рефлексии [Слабухо, 2008, с. 33–34].

Субъективный подход к изучению интерпретации не ограничивает ее как проблему поиска аутентичности понимания смысла и законов его текстовой организации, а пытается раскрыть отношения интерпретирующего субъекта с действительностью (реальной, идеальной, культурной, субъектной). Интерпретация, как субъективный процесс на

уровне личности, – это и процесс интерпретирования, и его результат, представленный как обобщение, вывод, сформулированное суждение, личная точка зрения на проблему и т.д.

В семиотике функцию интерпретации выполняет другой знак (или совокупность знаков), который сохраняет за собой возможность заменить интерпретируемый знак [Алексеева, 2003, с. 102].

Трактовка модели языкового знака и его значения стала отправной точкой в построении лингвистических теорий, разрабатывающих методы анализа языкового материала. В современной лингвистике существуют два основных подхода к прагма-семантическим исследованиям – французский и англо-саксонский, которые основываются на двух различных интеллектуальных (семиотических) системах, сложившихся в различных национальных научных традициях. Различие французской и англо-саксонской «версий» прагматики основывается на различном понимании значения лингвистического знака.

Французская лингвистика принадлежит интеллектуальной системе, зародившейся в греко-римской традиции, эволюционировавшей через этапы средневекового тривиума (логика – грамматика – риторика) к сравнительно-историческому языкознанию и структурализму в языкознании начала XX века.

Бинарная семиотическая модель знака по Ф. де Соссюру рассматривает «знак» как двустороннюю психическую сущность – единство означающего и означаемого, а «значение» как результат категоризации. Модель знака Ф. де Соссюра (Рисунок 1) стала базовой семиотической моделью французского структурализма, но не утвердилась как определяющая в становлении лингвистической прагматики. Однако концептуальный аппарат и исследовательские методы французского структурализма, основанного на принципах инвариантности, системности и иерархичности организации языка, служат универсальным и традиционным методологическим фундаментом представления научного знания при разработке

западноевропейскими франкоговорящими учеными новых направлений в лингвистике, в том числе и лингвопрагматического.

Другая интеллектуальная система, базирующаяся на семиотической модели трихотомии языкового знака (Рисунок 2), принадлежит «англо-саксонской традиции, и ее «возраст» едва превышает одно столетие» [Анисимова, 2018, с. 5].

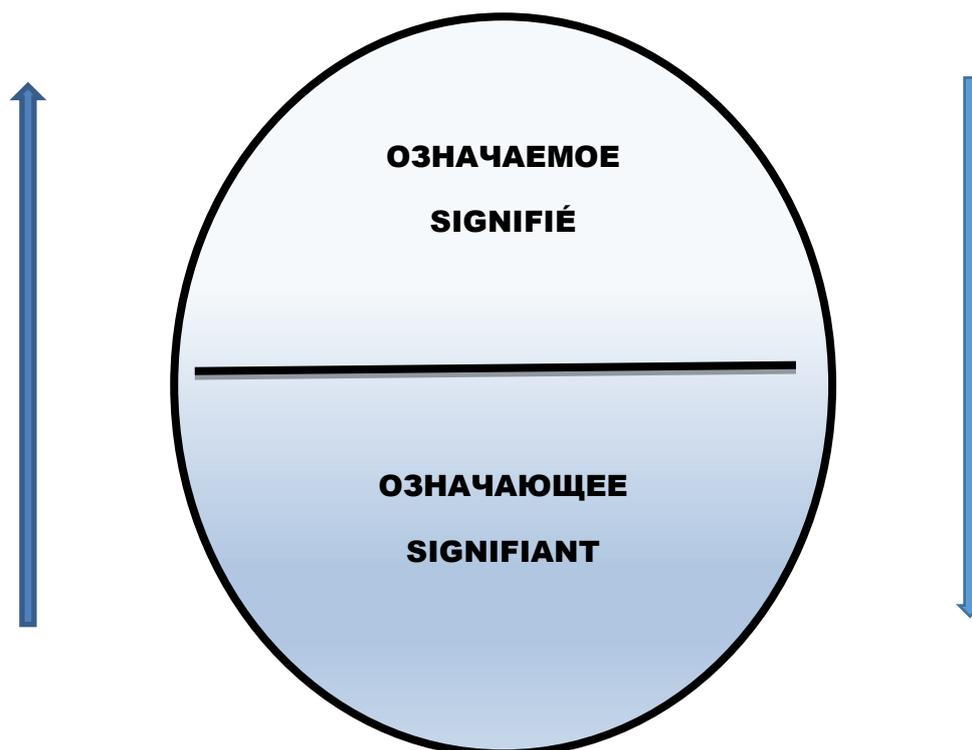

Рисунок 1 – Схема семиотической бинарной фигуры по Ф. де Соссюру.

Триадическая модель знака, ставшая базовой для англо-саксонской и американской версии лингвопрагматики, восходит к идеям философии прагматизма, господствовавшей в США в конце XIX – начале XX века, главный принцип которой – рассмотрение значения с точки зрения возможных последствий, практических результатов, которые могут произойти при выборе действия, направленного на достижение пользы и успеха. В отечественной традиции также преобладает подход, идущий от семиотической триады Ч. Пирса: область семантики – изучение отношения

знака к денотату или сигнификату. Область смысла оставляется прагматике и психолингвистике [Анисимова, 2002, с. 9].

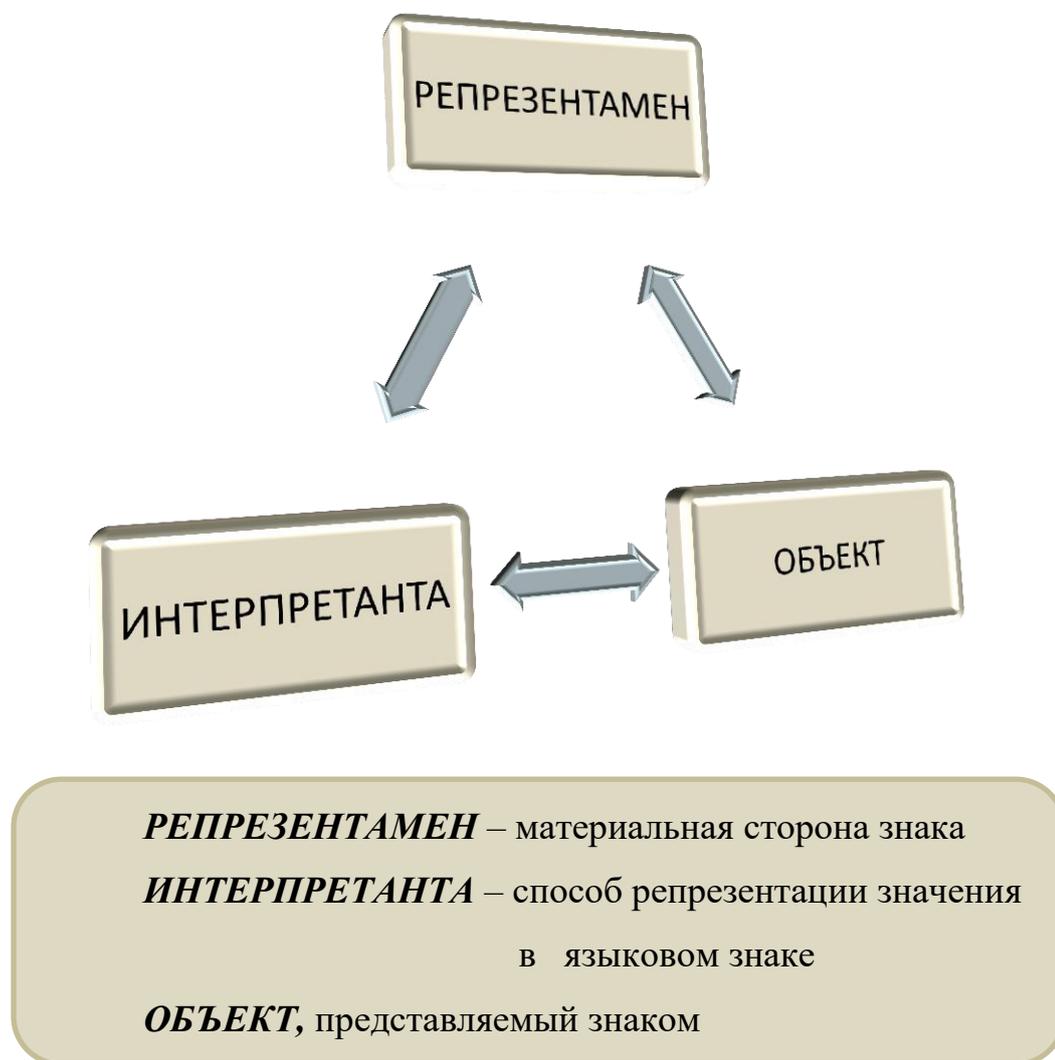

Рисунок 2 – Схема языкового знака по Ч. Пирсу и Ч. Моррису.

Исходя из определений интерпретанты у Ч. Пирса и Ч. Морриса, в их понимании «интерпретатор все-таки скорее получатель знака, его адресат, а не отправитель. О намерениях, целях, интенциях отправителя знака, о контексте употребления у них речь не ведется» [Сусов, 2006].

В. З. Демьянков констатирует триединство сущности интерпретации: «это установка по отношению к объекту интерпретации как к знаку (презумпция интерпретируемости), интерпретация как процесс и интерпретация как результат» [Демьянков, 1989, с. 46]. В более широком

понимании, процесс интерпретации может быть представлен как попытка восстановить акт создания значения или тех аспектов, которые представляются) важными для достижения целей интерпретатора. Любая впервые сконструированная речевая единица может не обладать значением до того, как была построена, – тем не менее, носитель языка может истолковать ее сложные смыслы. Следовательно, интерпретация скорее состоит в создании значения или в реконструкции этого создания в соответствии с целями интерпретатора и с реконструируемыми целями автора, и требует как слушающего, так и говорящего. А интерпретируемость основывается на общности кодов и выражается в каноничности в продуцировании и в распознавании намерений [Демьянков, 1989, с. 53–54]. Говорящий, стремясь передать некоторый смысл, подбирает адекватные своей точке зрения языковые средства, а слушающий воспринимая смысл высказывания, соотносит его с интенцией говорящего, и поэтому способ представления смысла и передачи информации, избранный говорящим, включает интерпретативный компонент [Красина, 2006, с. 20–21].

В настоящем исследовании под интерпретацией говорящим значения неологического сочетания как способа представления нового смысла, понимается процесс и результат деятельности говорящего по созданию нового языкового знака с новым фразеологическим значением, в структуре которого говорящий отражает собственные прагматические интенции.

1.5 Особенности фразеологического знака, теоретические аспекты

Стремление к экономичности является одним из основных свойств языка, которое вынуждает минимизировать количественное приращение языковых единиц и, следовательно, расширять номинативные процессы, основанные на переосмыслении уже имеющихся в языке языковых средств. Речевая экономия предполагает способность единиц словаря использоваться как заготовки не только номинативной деятельности, но и прагматической.

Французский язык являет собой богатейшую почву для исследования фразеологических инноваций. Т. И. Скоробогатова и О. Ю. Суралева подчеркивают диахроничную изменчивость фразеологического значения, которое мотивируется исторической памятью носителей языка. Фразеологический знак является своеобразным хранилищем национально-специфичной культурно-исторической «константной информации» [Скоробогатова, Суралева, 2017, с. 64]. С течением времени из памяти языкового сообщества постепенно исчезает суть и детали события, ставшего основой фразеологического образа. А сама фразеологическая единица продолжает употребляться и переосмысливаться другими поколениями, но уже в новых контекстах, аккумулируя информацию, связанную с комплексной картиной историко-культурного опыта нации.

Ключевой категорией при изучении «фразеологического значения» является «фразеологический образ». Коннотативный аспект значения фразеологической единицы – категория прагматическая, так как отражает отношение говорящего, его субъективную характеристику референта. Показателями коннотативного аспекта являются:

- 1) образность;
- 2) стилистическая окрашенность, в том числе принадлежность к определенной сфере употребления;
- 3) оценочность и экспрессивность [Назарян, 1987, с. 151–152].

А. Г. Назарян подчеркивает, что фразеологическая коннотация является важнейшим компонентом содержания фразеологической единицы, благодаря которой фразеологическая номинация более конкретна, чем лексическая [Назарян, 1987, с. 151–152].

Фразеологические значения воспринимаются говорящими как личностные смыслы, пропущенные через призму их исторического и культурного опыта. Фразеологические образы – это целые денотативные ситуации [Алефиренко, Золотых, 2004, с. 126].

Разработка теории значения языкового знака восходит к учению А. А. Потебни, предложившего различать в лексеме внешнюю и внутреннюю формы, где внешняя форма – это звуковая оболочка, содержание, объективируемое посредством звука, а внутренняя форма лексемы – это представление, которое вызывает слово, «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [Потебня, 1976, с. 146]. Чувственный образ реальности, ее субъективное восприятие индивидом, выражается в первом назывании ее значения как основного признака. Однако субъективное по содержанию значение становится объективным по форме за счет того, что образ закрепляется в слове не во всей своей полноте [Стернин, Розенфельд, 2008, с. 32]. Таким образом, в сознании народа объективно срабатывает лишь один главный признак реальности, который и ложится в основу ее наименования. Представление реальности как внутренней формы слова максимально обобщено, совпадает у многих людей, и так как лексическое значение тесно связано с представлением, то оно может рассматриваться как объективное. Учение А. А. Потебни о внутренней форме как перцептивном образе слова послужило базой, задавшей направление в дальнейшем изучении образной, «представленческой» составляющей лексического значения в отечественном языкознании, которое получило наибольшую актуализацию и востребованность при исследовании специфики метафорического словоупотребления.

Н. Н. Кириллова предлагает определение внутренней формы фразеологической единицы как «компонента фразеологического значения, основанного на логико-семантическом аспекте ситуации, на базе которого возникает фразеологическая ситуация» [Кириллова, 1990, с. 47].

Фразеологическая внутренняя форма, по определению, разработанному А. П. Василенко, является средством воплощения культурно-национальной специфики, часто включающее в себя культурно маркированные компоненты как «культурные реалии». Интерпретацию фразеологической внутренней формы ученый считает способом указания на культурно-национальную

специфику в знаковом культурно-национальном пространстве того или иного языкового социума [Василенко, 2009, с. 106].

По мнению В. З. Демьянкова, внутренняя форма и значение являются видами интерпретации: первая – синтаксической, а вторая – семантической и прагматической [Демьянков, 1989, с. 99]. Таким образом, прагматическая интерпретация фразеологического значения состоит, в том числе, и в интерпретации лингвокультурологического характера, раскрывающей смыслы культурного национально-специфического компонента значения. Лингвокультурологическая интерпретация фразеологического значения, очевидно, всецело зависит от соответствующих компетенций получателя речи.

Образность – это сложная и многозначная категория стилистики, имеющая различные интерпретации, основанные на различных способах осмысления понятия «образ». Образность, как семантическое явление, – это наглядное представление о предмете номинации. Мышление в образах присуще человеку и лежит в основе номинативной деятельности. В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под ред. М. Н. Кожинной предлагается выделять образность тропеическую и нетропеическую. И под тропеической образностью понимать употребление слов и выражений в переносном значении [Кожина, 2003, с. 235–236].

Образность особенно подчеркивает смысл и воздействует на получателя речи, а также зависит от конкретности эмоционально-оценочных компонентов коннотации, способствует реализации прагматических задач, заключающихся в увеличении иллокутивной силы, нацеленной на эмоциональное воздействие.

Фразеологическая единица обладает образным характером значения, который отличает ее от нейтральных языковых единиц [Алефиренко, Золотых, 2004, с. 168]. Проблема трактовки термина «образность фразеологических единиц» является ключевой, и, одновременно, одной из сложнейших в теории фразеологии.

А. Г. Назарян отмечает, что особым признаком образности фразеологической единицы является ее подверженность многочисленным окказиональным трансформациям, которые служат доказательством того, что адресат в той или иной мере осознает первичный образ, на котором основана фразеологическая единица [Назарян, 1987, с. 141].

Е. А. Юрина определяет образность как лексико-семантическую категорию, обобщающую структурно-семантические свойства единиц лексико-фразеологического уровня языка, проявляющиеся в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы (образной формы представления номинируемой реалии, выступающей своеобразным посредником в познании мира) [Юрина, 2005, с. 13–14].

И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд предлагают вслед за ставшими традиционными идеями А. А. Потебни, Ш. Балли, получившими развитие в трудах В. Н. Телия, Е. А. Юриной и др. считать образными языковые единицы, способные выразить вторичный ассоциативный образ метафорического характера [Стернин, Розенфельд, 2008, с. 34].

Фразеологическую образность В. М. Савицкий предлагает разделять на симилятивную (в том числе компаративную, метафорическую и аллегорическую), основанную на уподоблении реального денотата номинальному, и индикативную (в том числе перифрастическую и метонимическую), основанную на том, что номинальный денотат указывает на реальный, служит его приметой, признаком [Савицкий, 2006, с. 113].

Образное значение характеризует ряд свойств:

- 1) двуплановость, выражающуюся в метафоричности;
- 2) пропозитивность как способность отражать экстралингвистическую ситуацию;

3) аксиологичность как выражение (эксплицитное или имплицитное) эмоционально-оценочного отношения говорящего;

4) антропоцентризм, проявляющийся в способности говорящего, при образном уподоблении номинируемой реалии, выражать свое мировосприятие в соизмерении с обиходно-бытовыми представлениями об окружающем мире.

Образным номинациям в публицистических текстах подвержены, как правило, актуальные в ценностном отношении сферы жизнедеятельности (социальной, политической, экономической, финансовой). Речь идет о политических явлениях, ситуациях, персоналиях, которые интерпретируются говорящим эмоционально, интеллектуально, интуитивно и оцениваются прагматично с точки зрения действующих морально-этических и эстетических норм в обществе. Различные семантические оттенки фразеологической номинации, благодаря образности, позволяют конкретизировать смысл номинируемой ситуации, одновременно выражая оценочную экспрессию автора. При включении фразеологической единицы в текст она становится инструментом смыслопостроения и смыслоусмотрения [Александрова, 2016, с. 53].

Таким образом, большинством исследователей подчеркивается, что понятие фразеологической образности в литературе подвергается довольно произвольной и широкой трактовке.

Как отмечает В. М. Савицкий, единицу языка следует рассматривать в рамках ее тематической зоны, т.е. того фрагмента фоновых знаний, который совместно с номинальным значением единицы языка позволяет установить ее реальное значение [Савицкий, 2006, с. 100].

В настоящей работе исследуются неологические сочетания, обладающие фразеологическим значением, созданным на основании фразеологической образности, зоной функционирования которых являются тексты аналитической и информационной публицистики, изданные в период с 2010 по 2020 год.

Специфическое отличие фразеологического значения от лексического значения проявляется в разной степени языковой абстракции фразеологической и лексической единиц. Лексическая абстракция является двухступенчатой (понятие – референт), а фразеологическая абстракция носит трехступенчатый характер (понятие – образное представление – референт).

Следовательно, фразеологический знак обладает более сложной по сравнению со словесным знаком семантической структурой и выражает более глубокие субъективные смыслы.

Специфика фразеологического знака проявляется в особом способе отражения реалий окружающего мира и выражается во взаимодействии его структурных компонентов, среди которых в отечественной литературе выделяются «денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты, составляющие, соответственно, денотативный, сигнификативный и коннотативный аспекты фразеологического значения» [Назарян, 1987, с. 151].

Денотативный компонент фразеологического значения сопоставляет языковую единицу с конкретным референтом – экстралингвистической реальией. Особенностью денотативного компонента фразеологического значения является его двухступенчатость, проявляющаяся в сдвиге от номинативного референта языковой единицы и переносе его свойств на новый референт. И, как следствие, полное или частичное семантическое преобразование смысла языковой единицы.

Сигнификативный компонент фразеологического значения отображает ассоциативно-образное представление о предмете косвенно-производной номинации [Сенько, 2007, с. 132].

Сигнификативный аспект фразеологического значения заключается в способности языковой единицы быть носителем определенного понятия об обозначаемом референтом элементе действительности [Синельникова, 2013, с. 42].

Коннотативный компонент фразеологического значения, в отличие от лексического значения, отражает субъективное отношение говорящего к референту, служит средством выражения его оценочного и эмоционального отношения к происходящему в его внутреннем мире или вне его [Эмирова, 1988, с. 3]. В структуру коннотации входит обязательный для всех фразеологических единиц оценочный компонент, который помимо общепринятой в данном сообществе оценки, входящей в структуру значения, содержит и индивидуальную оценку говорящего. Эмоциональный компонент коннотации формируется эмотивной модальностью – эмоциональным отношением говорящего к обозначаемому. Наслоение эмотивной и оценочной модальности приводит к экспрессивному эффекту, который может выражать эмотивный смысл, такой как, например, разочарование, возмущение, иронию, сарказм, насмешку и т.д.

Е. В. Сенько называет асимметричным дуализмом характерное для фразеологического значения осложненное соотношение его компонентов, обусловленное наличием двух референтов. Где референт № 1 – это образное представление о предметной ситуации, а референт № 2 – переосмысленная предметная ситуация [Сенько, 2007, с. 131]. Например: *troll anonyne* [Суган, 2018, р. 63–64] (анонимный тролль). Фразеологическое значение содержит:

- референт №1 – понятие о скандинавском фольклорном персонаже, ассоциируемом с понятиями нечистой силы и колдовства;
- референт №2 – переосмысление конкретных реалий: провокатор, размещающий провокационные, часто заведомо ложные материалы в интернет-пространстве.

Таким образом, выбирая референт № 1 (сигнификативный компонент значения), говорящий обращается к понятию как блоку информации, способному вызывать устойчивые ассоциации у реципиента. Все другие блоки фразеологического значения содержат информацию прагматически ориентированную, выражающую субъективные отношения автора и реципиента к референту № 2. Эти отношения являются коннотативными или

прагматическими компонентами значения фразеологического знака – коннотативными (прагматическими) смыслами.

В современных лингвистических исследованиях область коннотативного во фразеологическом значении стала рассматриваться не только как эмотивные, оценочные и экспрессивные смыслы, но и как отражение этнографической, культурологической, исторической, социально-политической, идеологической и иной информации, как прагматически ориентированных сведений, дополняющих денотативный компонент значения. В. Н. Телия с коннотативным аспектом значения связывает любой прагматически ориентированный компонент фразеологического значения, в котором «закодирована информация об отношении говорящего к обозначаемому» [Телия, 1986, с. 7].

В многокомпонентной семантической структуре фразеологического знака часто присутствует специфический национально-культурный компонент, выражающий национальные особенности восприятия той или иной предметной ситуации. Национально-культурные смыслы как компонент фразеологического значения складываются из целого комплекса внеязыкового знания специфических особенностей национальной истории, религии, культуры и психологии и т.п. Французам, при фразообразовании, особенно свойственно использование национальных языковых ресурсов, основанных на образах, связанных с «фактами своей истории (от римского периода античности, который французы воспринимают как период собственной истории, до современности), французской классической литературы, французских кинематографических шедевров и т.п.» [Колодочкина, 2000, с. 173].

Например: *le diesel sera la brioche de Macron* [Darmon, 2019, p. 95] (дизельное топливо станет бриошью Макрона). Неологическое сочетание основано на аллюзии к циничной фразе, приписываемой королеве Франции Марии Антуанетте. Когда ей сообщили, что у парижан нет хлеба, то она, якобы, ответила: «У них нет хлеба? Пусть тогда едят бриоши». Считается,

что именно эта фраза привела к началу революции, казнившей короля и королеву. Автор в прагматическом компоненте значения НС интерпретирует собственную оценку внутривосточной ситуации во Франции в декабре 2018 года, когда дальнейший рост тарифов на автомобильное топливо мог стать для президента Макрона, тем, чем стала для Марии-Антуанетты фраза о бриоши, т.е. послужить началом разрушительных для государства социальных протестов. Национально-специфичный культурный компонент фразеологического значения НС служит способом имплицитного выражения сарказма как авторского эмотивного смысла.

С точки зрения психолингвистики, фразеологическое значение рассматривается как «отфильтрованная языковым сознанием, общественно признанная и закреплённая за фразеологической категорией языка» [Алефиренко, Золотых, 2004, с. 122]. В отличие от фразеологического значения, фразеологический смысл – категория личностная, подвижная и изменчивая. Реалии действительности и номинирующие их фразеологические единицы воспринимаются каждым отдельным индивидуумом через призму «личного» интереса, индуцирующего смысл фразеологической единицы через сложную сеть ассоциаций и образов, формируя прагматические смыслы фразеологического значения.

1.6 Особенности прагматического направления в современном французском языкознании

К истокам прагматического подхода во французской лингвистике относится трактат Мишеля Бреалья, в котором язык рассматривается как орудие коммуникации и действия, при этом отмечая, что коммуникация никогда не является просто нейтральным обменом информацией [Bréal, 1921, р. 309]. М. Бреаль одним из первых начал говорить об антропоцентричности языка.

К «протопрагматическим» исследованиям во французской лингвистике, наряду с лингвистическим структурализмом, относится и

теория «лингвистики высказывания» (*linguistique énonciative*), разработанная спустя полвека после исследований М. Бреалья блестящим представителем «французской версии» прагматики – Эмилем Бенвенистом. Современная французская прагматика берет свое начало с идеей анализа высказывания Э. Бенвениста, базируясь на понимании лингвистической науки как описании естественных языков [Normand, 1997, p. 105–114]. И каноническая англосаксонская прагматика, и французская прагматика оперируют общей системой прагмалингвистических понятий и развиваются в рамках коммуникативно-функциональной парадигмы в языкознании, основу которой составляют общие объяснительные принципы, к которым относится понимание языка как деятельности, антропоцентризм и функционализм. Общей точкой зрения всех прагматистов является понимание того, что передача информации – это не единственная функция высказывания. Посредством высказывания, говорящий имплицитно может выражать свое отношение – оценивать, а значит, и уточнять свою социальную позицию.

Основным исследовательским принципом семантико-прагматических теорий современных франкоговорящих лингвистов является недифференцированный подход к пониманию семантических и прагматических компонентов значения языковой единицы, их взаимодействия в единстве в образовании общего смысла.

В прагматических исследованиях языковой действительности франкоговорящими учеными во второй половине XX века делается особый акцент на выявлении и описании категории субъективности в языке, отражающей личностные факторы субъекта высказывания в языковых структурах и в дискурсе.

Одновременно подход к изучению языковых явлений во французской прагмалингвистике основывается на рассмотрении языка как интерсубъективной совокупности знаков, использование которых определяется общими для всех правилами. Признается необходимость изучения языка в его употреблении, а исследовательский интерес

сосредотачивается на выявлении значений лишь тех языковых форм, которые употреблены в дискурсе. Для развития прагматической парадигмы во французском языкознании характерным становится не разграничивать понятия «язык» как знаковую систему и «речь» как индивидуальную психофизиологическую форму существования языка [Рыжова, 2007, с. 14].

В настоящем исследовании при анализе значения языковых знаков неологических сочетаний используется терминология и методы лингвопрагматического направления в языкознании, к которому относится и анализ дискурса, изучающий единицы языка во взаимодействии с ситуативными и контекстуальными факторами. Языковые знаки неологических сочетаний исследуются как дискурсивные факты в направлении от внешней формы к выявлению прагматических параметров, характеризующих внутренний мир их автора – культурные смыслы его «картины мира», мотивы и цели.

В настоящей работе при исследовании прагматических характеристик неологических сочетаний публицистического дискурса, используются такие понятия как «дискурс» и «публицистические жанры». Понятие дискурса является одним из самых дискуссионных в языкознании. В научной литературе функционирует обширное множество определений дискурса, каждое из которых соответствует конкретным исследовательским целям и разноаспектно раскрывает понимание его природы. В диссертационной работе, в рамках лингвопрагматического подхода к исследованию неологических фразеологических синтагм, полилексичных номинативных единиц как фактов публицистического дискурса, используется определение «дискурса», разработанное Е. Л. Туницкой, как «речевого произведения [текста], рассматриваемого в его прагматическом аспекте, в связи с ситуацией его порождения и функционирования. Дискурс одновременно процессуален и результативен, целенаправлен, интерактивен (диалогичен), субъективен в смысле реализации функций говорящего и его стратегий, ситуативен и контекстуален; он регулируется жанровыми и стилистическими

нормами. Дискурс может быть изучен в различных взаимосвязанных аспектах и требует междисциплинарного подхода» [Туницкая, 2010, с. 16].

В исследовании В. Г. Кузнецова представлена функциональная типология основных, классических жанров французской публицистики, опираясь на которую весь исследуемый в настоящей работе корпус публицистических текстов соотносится с двумя основными публицистическими жанрами – информационным, подающим общую информацию в официальных сообщениях, и аналитическим, к которому относятся комментарии, передовые статьи, политические статьи, памфлеты [Кузнецов, 2017]. Следует отметить, что современная публицистика успешно формирует свои сквозные дискурсы: социальный, политический, экономический, сатирический, критический и т.д., не отличающиеся жанровой устойчивостью [Хасавов, 2019, с. 79]. Снискавшие значительный читательский интерес во Франции в последние годы публицистические произведения в жанре «политических эссе» и «политических романов» («enquête» и «portrait» (расследований и портретов)), представляют собой произведения, состоящие из анфилады статей, часто различных жанров, посвященных авторскому комментированию какой-либо проблемы, персоналии или насущной темы дня. Авторы этих публицистических произведений известны широкой общественности – это авторитетные политические журналисты, политологи, писатели, экономисты, философы, историки, издатели и т.п. Их имена являются достоянием массовой медийной культуры, а их вербальная интерпретация насущных явлений действительности влияет на формирование общей «картины мира» в социуме. Одни из них предлагают своей читательской аудитории экспертный анализ событий, подкрепленный доказательной базой, в форме расследования [Jauvert, 2018; Quatremer, 2019; Onfray, 2017; Maillard, 2019; Barbier, 2017; Dubreuil, 2019]. Другие авторы анализируют прагматический эффект высказываний политических деятелей и видных политических журналистов [Fontenelle, 2018; De Cock, 2018; Cyran, 2018; Chollet, 2018;

Darmon, 2018, 2019]. Авторские публицистические тексты современных политических эссе и политических романов принадлежат к аналитическому жанру, одновременно демонстрируя признаки архитектоники художественных произведений, преподнося особым нестандартным образом информацию о политических событиях. Авторы публицистики активно задействуют выразительные средства языка в целях привлечения читателя к своей идеологической позиции [Рыжова, Богданова, 2018, с. 57].

Прагматика, понимаемая как методика установления знаковой природы анализируемых новых языковых единиц, предполагает, что основным исследовательским принципом является антропоцентризм.

Согласно концепции, разработанной Ж. Мешлером и А. Ребуль, к области прагматики относятся как аспекты, ассоциирующиеся с лингвистической структурой (синтаксис и семантика), так и те аспекты, которые ассоциируются с экстралингвистическим контекстом. Такое разделение прагматики на лингвистическую и нелингвистическую дает понимание, что прагматика занимается всеми аспектами, относящимися к полной интерпретации высказывания в контексте, которые связаны или не связаны с языковым кодом [Moeschler, Reboul, 1994, p. 29].

О. Дюкро, Ж. Мешлер и А. Ребуль рассматривают область прагматики неотделимой от области семантики, а природу прагматической информации – находящейся в тесном переплетении с семантической [Ducrot, 1984; Moeschler, Reboul, 1994]. Предложенный швейцарскими учеными Ж. Мешлером и А. Ребуль радикальный взгляд на прагматику позволяет признать ее гегемонию в лингвистике, относя к области прагматического все аспекты (инференциальные и языковые), релевантные для полной интерпретации высказывания в контексте. Такой широкий взгляд на научное пространство лингвистической прагматики в сочетании с углублением коммуникативного подхода в изучении фактов языка и привлечением данных когнитивной психологии при анализе, переработке и хранении языковой информации способствовали возникновению нового содержания теории

прагматики. Новая теория прагматики сохранила и использует научный корпус интегрированной с синтаксисом и семантикой прагматики как части семиотики, но выходит за рамки научного поля исследований высказывания, диалогического и монологического текста. Находясь на стыке когнитивной психологии и лингвистики, новая теория лингвистической прагматики направлена на унифицирование процедуры анализа лингвистического материала, постулируя более широкую модульную интерпретацию языковой информации на уровне мыслительных процессов при ее восприятии [Луев, Минкин, 1998, с. 149].

1.7 Параметры прагматической информации в прагмалингвистическом исследовании фразеологического знака неологического сочетания

Прагматические исследования, направленные на интерпретацию смысла языковой формы, оперируют исходным понятийным аппаратом, описывающим комплексно прагматическую информацию, под которой понимаются различные сведения о параметрах прагматической ситуации, лежащей вне языковой сферы.

Прагматическая ситуация интерпретируется в зависимости от следующих многокомпонентных и сложных прагматических понятий, к которым относятся:

1. Субъекты интерпретационной деятельности:

а) адресант – интерпретатор, говорящий / пишущий, автор, отправитель речи – тот, кто продуцирует высказывание исходя из собственных интенций, интерпретирует, конструирует новый языковой знак. Понимание информации об адресанте включает в себя целый комплекс сведений о его личностных свойствах – статусе, идеологической приверженности, мотивации;

б) адресат – реципиент, интерпретирующий, слушающий / читающий – тот, кто должен воспринять, понять и интерпретировать высказывание исходя из собственной компетенции (языковой и внеязыковой).

2. Параметры внешнего (вертикального) контекста включают пресуппозиции (*présupposés*). По определению, данному О. Дюкро, пресуппозиции – это информация в содержании высказывания, которая полагается известной и говорящему, и слушающему: о ситуации, о положении дел в реальном мире [Ducrot, 1969]. Статус пресуппозиции не может быть приравнен ни к эксплицитному, ни к имплицитному содержанию высказывания, так как пресуппозиции – это то, что известно и не нуждается в выражении. Таким образом, пресуппозиции – это общий фонд общественно-исторического опыта, ранее приобретенное дотекстовое знание (языковое, контекстное, фоновое), присущее всему лингво-культурному сообществу. Следовательно, пресуппозиции являются своеобразным ключом к интерпретации высказывания.

Пресуппозиции включают в себя и понятие «интертекстуальности» (термин, введенный семиотиками Р. Бартом и Ю. Кристевой на основе анализа концепции «полифонического романа» М. М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с текстами и жанрами) [Можейко, 2001, с. 333]. В широком семиотическом понимании теории интертекстуальности, каждый текст предполагает свое рассмотрение как интертекст, как совокупность всех предшествующих текстов и сумма заложенных в их основе общих кодов и смысловых систем, составляющих весь культурно-исторический опыт личности автора. В узком смысле «под «интертекстуальностью» понимаются диалогические отношения, при которых текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам и жанрам (аллюзии, цитаты, реминисценции и т.п.). При этом не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности» [Баженова, 2003, с. 105].

Таким образом, пресуппозиции сводятся к определенному набору молчаливо подразумеваемых исходных положений, индуцирующих приращение смысла в высказывании, таких как:

- 1) ситуация – информация о текущем положении дел;
- 2) интенции автора – авторское намерение, умысел.

3. Исследование феномена интерпретации языковой формы предполагает обязательное обращение к такому дискуссионному и неоднозначному в трактовании термину прагмалингвистики, как контекст. В широком понимании контекстом является конкретная ситуация, в которой происходит коммуникация. О понимании объема контекста Г. В. Колшанский: «функционирование языковых единиц должно рассматриваться в рамках языковых отрезков, достаточных для однозначного восприятия конкретных языковых единиц, требующих лишь знаний, непосредственно относящихся к данному речевому акту» [Колшанский, 2010, с. 38–39]. О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет разработан термин «вертикальный контекст», под которым ученые предлагают рассматривать контекст социально-историко-культурный, находящийся вне пределов текста и способствующий раскрытию текстовых интертекстуальных связей и смыслового наполнения, позволяющий воспринять текст во всей его полноте [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 47].

В прагмалингвистике контекст «не является понятием, соотносимым только с текстом, а служит для обозначения условий коммуникации» [Заботкина, 2014, с. 384]. Н. С. Дзенс отмечает, что контекст является одним из центральных понятий прагмалингвистики, понимание которого включает в себя самые разнообразные аспекты: вербальный, физический, исторический, социальный, культурный и др. [Дзенс, 2016, с. 98].

Важнейшими прагматическими параметрами интерпретационного процесса, без которых невозможна реализация высказывания в контексте, являются соотносимые друг с другом коммуникативные компетенции говорящего и слушающего.

Под «прагматическим контекстом» неологического сочетания в настоящем исследовании понимается конкретная ситуация коммуникации, объединяющая лингвистические знания и разнообразный спектр

экстралингвистических знаний (исторических, социально-политических, культурных), присущих коммуникативной компетенции и говорящего, и слушающего.

Говорящий, создающий полилексичную образную номинацию новой реалии действительности, осуществляет инференционную деятельность по подбору средств интерпретации фразеологического знака неологического сочетания. Средствами интерпретации фразеологического значения неологического сочетания, способными выразить эмоционально-ценностное отношение к номинируемому явлению действительности, выступают культурные смыслы как прагматический компонент фразеологического значения, создаваемый посредством обращения к исторической и культурной памяти членов языкового сообщества.

Прагматический анализ неологических сочетаний, осуществляемый в настоящем исследовании, направлен на:

- 1) исследование сделанного адресантом / автором выбора образных средств, выражающих его прагматические намерения (интенции) и
- 2) выявление прагматических функций фразеологического знака неологического сочетания в тексте при его восприятии адресатом.

Выводы по Главе 1

На основании проведенного реферирования и анализа теоретической литературы по теме диссертации необходимо сделать следующие выводы:

1. Неологические сочетания рассматриваются как факты публицистического дискурса, инновационные фразеологические синтагмы, несвободные сочетания слов, сложные существительные, находящиеся в начальной стадии существования в языке и воспринимаемые языковым сообществом как новшества.

Неологические сочетания прагматически мотивированы потребностью отправителя речи в создании однозначной номинации, предполагающей отсутствие двойственности интерпретации при восприятии.

2. Фразеологический знак неологического сочетания характеризуется новизной плана выражения и новизной фразеологического значения, в структуре которого содержится прагматически ориентированный компонент.

В прагматический компонент значения неологического сочетания адресант/автор закладывает собственные номинативные прагматические намерения, отражающие авторскую идеологическую позицию – эмотивно-оценочные смыслы, для выражения которых может быть использован специфичный национально-культурный маркер, общий для культурного и исторического опыта адресанта и адресата.

3. «Интерпретация фразеологического знака» трактуется как деятельность адресанта и адресата, два мыслительных процесса и их результаты, где деятельность адресанта – это конструирование плана выражения и кодирование плана содержания нового фразеологического знака, а деятельность адресата – это встречный мыслительный процесс и его результат по декодированию фразеологического значения.

Интерпретация фразеологического знака неологического сочетания адресантом/автором – это процесс выбора образных средств выражения нового сложного смысла социально-политического явления сквозь призму авторских прагматических интенций, а также результат этого процесса – фразеологический знак неологического сочетания, обладающий новизной плана выражения и новизной плана содержания.

Важнейшим параметром интерпретационного процесса является понятие «прагматический контекст», объединяющий лингвистические знания и разнообразный спектр экстралингвистических знаний (исторических, культурных, политических, фоновых ситуативных), соотносимых с общей коммуникативной компетенцией адресанта и адресата.

4. Прагматический анализ неологических сочетаний, осуществляемый в настоящей работе, направлен на исследование языковых средств и внеязыковых факторов, отражающих в прагматическом компоненте фразеологического значения неологического сочетания авторские прагматические интенции и программируемый автором воздействующий эффект при восприятии фразеологического знака неологического сочетания адресатом в тексте.

Глава 2. Образные неологические сочетания

2.1 Публицистические метафоры, теоретические аспекты

Словарный состав языка на всех его уровнях весьма чутко и быстро реагирует на происходящие в обществе перемены. В публицистических текстах наиболее наглядно заметны динамические изменения средств номинации. Новые образы и ситуативные сценарии получают отражение в переосмысленных или трансформированных языковых формах путем метафорических отсылок к культурным кодам.

Структурно метафоры бывают представлены отдельным словом, сочетанием слов, или отдельным фрагментом текста. С точки зрения психологии метафора – это подталкивание подсознания слушающего к выходу из своих привычных рамок. Главное в метафоре – это не обязательно особый глубинный смысл, а то, что она может вызвать нужные, полезные ассоциации, удержать внимание, изменить направление мышления адресата [Желтухина, 2003, с. 264].

В политическом дискурсе метафора, как способ мышления, реализует главным образом функцию манипулятивного эмоционального воздействия, обеспечивающую говорящему возможность навязывать аудитории собственное видение действительности с точки зрения собственной идеологии.

В настоящем исследовании принимается в качестве рабочего определение публицистической метафоры, предложенное Н. И. Клушиной: «публицистическая метафора – это эффективная номинация неочевидных, сложных для понимания объектов – ситуаций общественно-политической жизни» [Клушина, 2008, с. 136]. Метафору порождает номинативный замысел, имеющий прагматическую информацию, а процессы метафоризации основаны всегда на номинативно-прагматической интенции. Говорящий, создающий новую метафору, преодолевает автоматизм речи, не используя уже готовые языковые средства, намеренно затрачивает

творческие усилия с целью достигнуть определенного прагматического эффекта. Таким образом, интерпретацию фразеологического значения новой метафоры подготавливают три прагматических целеполагающих компонента: мотив – реализация интенций, цель – реализация коммуникативного намерения, и тактика – подбор нестандартных языковых средств.

А. П. Чудинов сформулировал основные функции метафоры в политическом тексте, обобщив результаты проведенного анализа современных российских политических метафор в публицистике:

- когнитивную – функцию «обработки и переработки» информации;
- номинативную – способность метафоры фиксировать знания;
- коммуникативную – функцию передачи информации;
- изобразительную – усиливающую образность и наглядность;
- прагматическую – воздействующую на адресата;
- инструментальную – как средство оформления мысли;
- гипотетическую – как помощь в домысливании несформулированного образа;
- моделирующую – систематизирующую предметы действительности;
- эвфемистическую – позволяющую избегать нежелательной прямой номинации;
- популяризаторскую – позволяющую представить сложную информацию доступным образом [Чудинов, 2001, с. 41–50].

В публицистическом тексте наиболее важной является прагматическая функция, которая, как способ воздействия на реципиента в широком понимании, может рассматриваться как понятие-гипероним по отношению к гипотетической и популяризаторской функциям, а также эвфемистическая функция, которая также может рассматриваться как разновидность воздействующей (прагматической) функции.

В лингвистической литературе представлены различные классификации метафор. В зависимости от целей исследования учеными

выявлены различные параметры, положенные в основу классификации метафор. Так, например, типология Н. Д. Арутюновой базируется на коммуникативной функции метафоры [Арутюнова, 1979, с. 141]:

1. Первый тип – номинативная метафора, составляющая ресурс номинации. Утвердившись в номинативной роли, метафора утрачивает образность.

2. Второй тип – образная метафора, дает языку синонимы и обогащает семантическую структуру слова фигуральными значениями. Например, *banlieues grises* (серые, т.е. неприглядные, неблагополучные пригороды¹) [Darmon, 2019, p. 20].

3. Третий тип метафоры – когнитивная, приписывает метафорически номинируемому субъекту качества, характерные для другого класса объектов. Например:

1) *bataille présidentielle* [Darmon, 2019, p. 95] (предвыборная битва кандидатов в президенты). Милитаристская метафора применяется к описанию атмосферы борьбы кандидатов во время президентской выборной кампании;

2) *la nef du pouvoir macronien* [Darmon, 2018, p. 24] (неф президентской власти Э. Макрона). Архитектурная метафора, созданная по артефактной модели «власть – это здание» основана на переносе значения «неф (главная часть храма)» → «многочисленная, профессионально подготовленная группа поддержки Макрона на предвыборных митингах в Лионе». Метафора выражает авторскую мысль о том, что победа Макрона на выборах без доверенной мощной команды, слаженно и доброжелательно действующей на предвыборных митингах, не состоялась бы.

4. Четвертый тип метафоризации служит в тексте цели экспликации субъективного отношения, благодаря способности метафоры выражать экспрессивно оценку автора и формировать у адресата эмоциональное впечатление. Например: о феминистках – *pitbulls en jupettes* [De Cock, 2018,

¹ (здесь и далее перевод наш – М.К.)

р. 90–91] (питбультерьеры в юбчонках). Зоометафора, основанная на сравнении феминисток с питбультерьерами – собаками бойцовой породы с агрессивным поведением, экспрессивно выражает резко отрицательную авторскую оценку и создает отрицательное эмоциональное впечатление.

5. Концептуальная метафора формирует в языке новые понятия – концепты, оперируя уже существующими понятиями. Например:

– *la feuille de route du candidat* [Cayrol, 2019, p. 65] (дорожная карта как программа политических действий кандидата в президенты);

– *la domestication des élites* [Minc, 2019, p. 19] (одомашнивание элит). Речь идет о создании государством таких налоговых условий для крупного бизнеса, при которых становится выгодно возвращать капиталы из-за границы и инвестировать их на родине.

Инновационные метафорические выражения в исследовании далее будем именовать образными неологическими сочетаниями (далее: образными НС).

Исследователи метафоры в рамках психолингвистического подхода рассматривают метафору как проводник смысла. А. П. Чудинов, анализируя метафоры политического дискурса, отмечает, что «в коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства, сознание адресата» [Чудинов, 2001, с. 11]. Образ, используемый в метафоре, служит для реализации авторской прагматической установки, активизирует восприятие адресата, привлекает его внимание к авторской точке зрения, ценностям, идеологии, мировосприятию, всему, что составляет его внутренний мир. В. Н. Телия предлагает понимание коннотации метафоры рассматривать в аспекте ее прагматического воздействия на слушающего, а признак, лежащий в основе метафорического сдвига, – как средство выражения эмотивно-оценочного и стилистически маркированного отношения говорящего к действительности [Телия, 1996, с. 25].

Создатель значения образной номинации, как субъект образной номинации, предлагает собственное решение проблемы познания абстрактно

нечленимого явления действительности. Каждая реализованная образная номинация свидетельствует о способности номинатора к активному творческому преобразованию имеющегося в его распоряжении накопленного опыта [Рут, 2008, с. 38]. С точки зрения адресата, как субъекта восприятия, процесс смыслового декодирования метафоры как единицы образной номинации осложняется привлечением запаса его внеязыковых знаний, т.е. зависит от его интеллектуальной компетенции.

2.2 Способы интерпретации образных неологических сочетаний

2.2.1 Публицистические метафоры, созданные по концептуальным моделям

Появление новых образов, категорий и констант, трансформация культурных кодов расширяет метафорический потенциал публицистических текстов. Восприятие и интерпретация новых реалий действительности происходит опосредованно, через апеллирование к уже известным понятиям.

Когнитивная теория метафоры, основы которой заложены в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, рассматривает метафору как основной инструмент мышления, способ осмысления действительности, позволяющий структурировать одни понятия в терминах других, как неотъемлемую часть восприятия человеком действительности, средство создания новых значений [Lacoff, Johnson, 1980, p. 195].

В рамках когнитивной парадигмы метафора изучается как особый способ и стиль мышления об объекте действительности. При исследовании метафоры в когнитивном аспекте анализу подвергается функция моделирования действительности.

Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит фундаментальный процесс мышления, который П. Рикер называет способностью индивида видеть или устанавливать подобия. При этом каждое новое подобие, нарушает предшествующую категоризацию и вызывает

переструктурирование семантических полей [Рикер, 1990, с. 416–434]. Речь идет о мыслительном процессе, при котором происходит взаимодействие между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени [Будаев, Чудинов, 2006, с. 42]. Концептуальная метафора – это не только прием образного изображения, но и «способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника в область-мишень те когнитивные структуры, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику» [Кобозева, 2000, с. 171].

Теория концептуальной метафоры получила развитие в виде теории метафорического моделирования, основанной на методологии когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы, в которой метафора рассматривается как способ мышления, позволяющий осмыслить и интерпретировать неизвестное новое явление в известных категориях, присущих национально-специфичному восприятию. А. П. Чудинов предложил определение метафорической модели как существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно рассматривать в виде соотношения подобия: «X – подобно Y». Систему метафорических моделей, по мнению исследователя, следует рассматривать как «важную часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, тесно связанной с историей народа и современной общественно-политической ситуацией» [Чудинов, 2001, с. 131]. При этом использование определенной метафорической модели для определения нового явления действительности способно послужить мощным манипулятивным средством, при помощи которого автор может выстраивать выгодную для него картину мира в сознании реципиентов, влиять на их восприятие и на сознание, изменяя и заменяя имеющуюся у них картину мира. Выявление актуальных продуктивных метафорических моделей, по которым создаются новые публицистические метафорические выражения, позволяет осмыслить

национальную специфику концептуализации политической действительности.

Понятийные сферы-источники современной метафорической экспансии в политическом дискурсе Э. В. Будаев и А. П. Чудинов предложили обобщить в четыре разряда: социоморфные, природоморфные, артефактные и антропоморфные [Будаев, Чудинов, 2006, с. 134–136].

Рассмотрим образные НС – новые публицистические метафорические выражения, созданные по наиболее продуктивным метафорическим моделям.

1. Социоморфная метафорическая модель «политика – это спорт» широко используется для создания новых публицистических метафорических выражений. Например, образных НС – спортивных метафор:

1) «la journée d'émeutes et de pillages du 16 mars sur les Champs-Élysées mettent à bas des semaines de débats et de *marathons présidentiels* [Darmon, 2019, p. 198]. (В день массовых беспорядков и разграблений витрин на Елисейских полях снизился накал длившихся неделями дебатов и предвыборных марафонов президентских кампаний). Марафоны – это популярнейшие во Франции спортивные состязания на личное первенство в беге на длинную и, часто, рельефно сложную дистанцию. Прагматическое номинативное устремление автора спортивной метафоры – иронично подчеркнуть, что «политическая выносливость» и выносливость спортивная сродни друг другу, только у первой призом становится президентский мандат на пять лет.

2) *les champions de la guerre politique* [Darmon, 2018, p. 23] (чемпионы политических войн). Метафорическое выражение основано на двух метафорических моделях, где первая: «выборы президента – это спортивные состязания», так как в них есть чемпионы, а вторая модель: «выборы президента – это войны» (на уровне политических идеологий и действий политиков). Прагматическое значение метафоры, созданной по двум моделям, спортивной и милитаристской, отражает авторское ироничное отношение к президентским выборным кампаниям и их победителям.

3) *la compétition élyséenne de 2017* [Barbier, 2017, p. 275] (Елисейские состязания 2017 года). В прагматическое значение образного НС автор закладывает свою ироничную оценку системы президентских выборов.

4) *les JO de la politique: saut à la perche électorale* [Darmon, 2018, p. 119] (политические олимпийские игры: электоральный прыжок с шестом). Образное неологическое сочетание содержит две спортивные метафоры одновременно: 1. *les JO de la politique*; 2. *saut à la perche électorale*. «Anne Hidalgo veut être la maire des JO de Paris. Emmanuel Macron souhaite accueillir les JO de Paris. Pour les deux dirigeants, une même condition: être réélus. Hidalgo et Macron doivent au préalable décrocher leur médaille d'or de saut à la perche électorale. Pour elle, la barre est fixée à 2024, pour lui à 2022. Ils partagent cet objectif d'inaugurer les JO de leur deuxième mandat» [Darmon, 2018, p. 224]. (Анн Идальго хочет стать мэром Олимпийских Игр в 21 веке. Эммануэль Макрон желает принять Олимпийские Игры в Париже. Для этого для двух руководителей есть одно общее условие: быть переизбранными. Идальго и Макрон должны предварительно завоевать свою собственную золотую медаль в электоральном прыжке с шестом. Для него планка зафиксирована на 2022 год, для нее – на 2024 год. Таким образом, их объединяет общая цель – открыть Олимпийские Игры во время своего второго мандата). Спортивные метафоры «выборы» – это *les Jeux Olympiques de la politique* (политические Олимпийские Игры) и «победить на выборах» – это *décrocher la médaille d'or de saut à la perche électorale* (завоевать золотую медаль в электоральном прыжке с шестом) выражают в прагматических компонентах значений образных НС авторскую иронию как оценку истинных устремлений двух политиков.

5) *éviter un match Hollande-Sarkozy* [Cayrol, 2019, p. 48] (избежать матча «Олланд – Саркози»). Спортивная метафора использована для интерпретации мысли о теоретически возможном сценарии политической ситуации, при которой победителями в первом туре президентских выборов

могли бы стать Ф. Олланд и Н. Саркози, и избирателям пришлось бы делать выбор в пользу одного из них.

2. Социоморфная метафорическая модель «политика – это театр» является традиционно широко применимой и регулярно «оживляемой» новыми метафорическими выражениями во французской публицистике. Рассмотрим примеры:

1) *demeure un second rôle dans le spectacle politique* [Barbier, 2017, p. 192] (Остается на вторых ролях в политическом спектакле). Двойная театральная метафора описывает политическую ситуацию: партия Меланшона не лидирует в рейтинге политической популярности, является второстепенной политической силой. Метафорические переносы «спектакль – это политическая деятельность», «роль – это политические возможности» интерпретируют ироничную авторскую оценку в структуре фразеологического значения образного НС.

2) *la plus grande scène de la comédie française: Elysée* (самая большая сцена французской комедии – это Елисейский дворец). «Tous deux [le couple Macron] aiment le théâtre, cela saute aux yeux. Ça tombe bien, ils tiennent l'affiche de la plus grande scène de la comédie française: Elysée» [Darmon, 2018, p. 30] (Оба [супруги Макрон] любят театр, это бросается в глаза. Это хорошо, ведь они держат афишу самой большой сцены французской комедии: Елисейского дворца). Сравнение Елисейского дворца – символа президентской власти Франции с «Комеди Франсез», самой знаменитой театральной сценой Франции, выглядит пародийно и выражает сарказм как эмотивный смысл в прагматическом компоненте значения образного НС.

3) в образном НС *danser un tango avec Merkel* (танцевать танго с Меркель) фрейм-источник – танец танго (исполнение которого зрелищно и требует виртуозности и страстности) представляет сферу-мишень – сложные и длительные межправительственные переговоры: «Macron s'évertue à faire comprendre les failles d'un raisonnement à ses collègues ou conseille au président de «*danser un tango avec Merkel*» pour réussir l'union bancaire en Europe»

[Darmon, 2018, p. 63]. Прагматический эффект метафоры создается ироничным сравнением политических лидеров двух стран с танцорами танго. Авторская прагматическая интенция – презентовать информацию так, чтобы адресат ощущал себя отстраненным зрителем некоего театрального действия, в котором лидеры двух стран «как бы» актеры на сцене.

4) *chorégraphies diplomatiques* [Darmon, 2019, p. 97] (дипломатическая хореография). Так политолог М. Дармон номинирует усилия Президента Франции Эммануэля Макрона как организатора и хозяина торжества в честь столетия окончания первой мировой войны в Париже 11 января 2018 года. Соблюдение сложного дипломатического протокола, предусматривающего все тонкости непростых взаимоотношений глав государств при их рассадке, метафоризируется как хореографическое искусство. Прагматический компонент значения образного НС – театральной метафоры, выражает авторское ироничное отношение к излагаемым событиям.

5) «*tous les pantins de cette future comédie des présidentielles ont joué un rôle dans la politique et les gouvernements successifs qui nous ont conduits au bord du gouffre*» [Onfray, 2017, p. 63] (Все марионетки этой будущей комедии президентских выборов сыграли уже свою роль в политике и часто меняющихся правительствах, которые привели нас на край пропасти). Ироничная отрицательная авторская оценка в прагматическом значении образного НС интерпретируется переплетением смыслов трех традиционных театральных метафор (марионетки – политики, выдвигающие свои кандидатуры на выборах; комедия – выборы президента; играть роль – заниматься политической деятельностью).

6) «*en Argentine, Macron poursuit son mortel tango avec Hollande tandis que le pays flambe*» [Darmon, 2019, p. 108] (В то время, когда страна объята пламенем, Макрон в Аргентине *продолжает свое смертельное танго с Олландом*). Речь идет о том, что во время начала протестов Желтых жилетов Э. Макрон находился с визитом в Аргентине, и оттуда вел публичную полемику с Ф. Олландом, поддержавшим протестное движение Желтых

жилетов. Смысл политической ситуации выражен автором театральной метафорой, сравнивающей поведение президента с исполнением смертельного танго. Танго – это метафора словесного противостояния президента со своим политическим противником. Танго названо смертельным потому, что продолжение пребывания за границей и заочной словесной полемики с Олландом смертельно опасно для президентской власти Макрона. Чтобы сохранить свой президентский мандат, президенту надо незамедлительно возвращаться из-за границы и разговаривать с народом. В прагматическом компоненте значения публицистической метафоры заложена ирония как авторская эмотивная отрицательная оценка.

3. Социоморфная метафорическая модель «президент (глава региона, города) – это монарх» является распространенной и постоянно обновляемой при создании метафор, оценивающих деятельность главы государства (города и т.д.). Рассмотрим примеры:

1) *Macron – prince charmant de l’Elysée* [Cyran, 2018, p. 77] (Макрон – прекрасный принц Елисейского дворца). Метафора «прекрасный принц» – тот, кого все давно ждут и тот, кто решает все проблемы сразу, выражает авторскую иронию в контексте описания проблемных переговоров по климату Э. Макрона с Д. Трампом.

2) *Macron – l’enfant-roi* [Darmon, 2018, p. 120] (Макрон – король-дитя). В прагматическое значение политической метафоры автор вкладывает ироничный намек на молодость и авторитарность Э. Макрона.

3) о мэре Парижа Анн Идальго политолог М. Дармон пишет: *Anne Hidalgo est «la reine des bobos»* [Darmon, 2018, p. 222] (Анн Идальго – королева богемной тусовки). В словаре *Le Petit Robert: bobo – mot anglais américain* (1999), acronyme de *bourgeois bohemian*, «bourgeois bohème». *Personne d’un milieu aisé, jeune et cultivée, qui recherche des valeurs authentiques, la créativité* [Le Petit Robert, 2012, p. 269] (Бобо – слово американского варианта английского языка (1999), акроним от *bourgeois bohemian*, «bourgeois bohème» (буржуазная богема)). Прагматический

компонент значения образного НС выражает авторское номинативное намерение – намекнуть, что именно у богемной тусовки мэра Парижа всегда получает поддержку и одобрение.

4) Мишель Дармон цитирует видного французского политического деятеля Жана-Кристофа Камбаделиса, который в своей статье «Хроники одного краха» (Jean-Cristophe Cambadélis. *Chronique d'une débâcle*) пишет о новом президенте Франции: *Macron sera un président "total", rare, silencieux ne parlant que pour ordonner. Certains le voient en Jupiter. Il est plutôt le Roi-Soleil* [Darmon, 2018, p. 136] (Макрон будет президентом «тотальным», исключительным, молчаливым, говорящим только, чтобы отдавать приказания. Некоторые видят его Юпитером. Но, скорее, он – Король-Солнце). Метафорическое сравнение Макрона с Юпитером (главным богом у древних римлян) и с Королем-Солнцем – Людовиком XIV (самым влиятельным королем Франции за всю ее историю) – иронично-эвфемистичный намек на авторитарность и склонность к театральной самопрезентации нового президента Франции.

4. Природоморфная метафорическая модель «социальные и политические кризисы – это природные явления» является одной из самых распространенных и часто используемых во французском политическом дискурсе. Например:

1) *tsunami du «dégagisme»* (цунами отвращения к системным политикам, цунами голосования «против всех»). «*La légende macronienne d'un leader visionnaire et solitaire qui aurait vu arriver de loin le tsunami du «dégagisme» menaçant les partis traditionnels*» [Darmon, 2018, p. 181] (Легенда о Макроне представляет собой рассказ о дальновидном и одиноком лидере, который, как сообщается, предвидел цунами «протеста «против всех» на выборах, угрожавшее традиционным партиям).

Прагматический компонент значения метафоры *tsunami du «dégagisme»* заложено в семантике лексемы «цунами», означающей внезапное и разрушительное стихийное бедствие в виде гигантской волны, образующейся

вследствие землетрясения в океане. Прагматическая интенция автора – преподнести тенденцию к голосованию «против всех» на выборах, отражающую нарастающий в обществе протест против надоевших, одних и тех же системных политиков, регулярно выдвигающих свои кандидатуры на президентские выборы, как ужасную волну, способную разрушить сложившийся баланс политических сил в стране.

2) в титрах утренних новостей на канале France Culture 23.03.2016 сюжет о произошедших накануне террористических актах в столице Бельгии был озаглавлен «*la Belgique au coeur de la tourmente djihadiste*» [Cyran, 2018, p. 19] (джихадистский вихрь). Метафорическое выражение создано по аналогии с моделью узуальной метафоры *la tourmente révolutionnaire* (революционный вихрь) [Le Petit Robert, 2012, p. 2584]. Прагматическое номинативное намерение автора состоит в стремлении избежать шоковой реакции телезрителей при информировании о серии кровавых террористических актов в Брюсселе и достигается метафорическим переносом к семе слова *la tourmente* (вихрь), вызывающей ассоциации с атмосферными аномалиями, а не с ужасами террористических атак с многочисленными жертвами. Таким образом, публицистическая метафора выполняет эвфемистическую функцию в тексте.

3) политолог Кристоф Барбье о президенте Франсуа Олланде: «*Au calendrier, octobre (2012) n'est pas fini, mais c'est déjà l'hiver politique pour le président. Printemps hésitant, été raté, et à l'automne les feuilles d'impôts qui tombent sur la tête des Français*» (На календаре октябрь (2012), но это уже политическая зима для президента. Весна была тревожной, лето было провальным, а осенью листья налогов упали на головы французов) [Barbier, 2017, p. 31–32]. Метафорический перенос значения «политическая зима – это падение популярности» выражает ироничную оценку политической ситуации: вопреки предвыборным обещаниям, налоги остались высокими, и, как следствие, популярность президента упала, как температура зимой.

4) политолог Ролан Кайроль, анализируя амбициозную политическую программу президента Э. Макрона, приводит цитату из его выступления в Сорбонне: «[L'Europe] est aujourd'hui plus fragile, exposée aux *bourrasques de la mondialisation...*» [Cayrol, 2019, p. 25] (Европа сегодня более хрупкая, подверженная *шквалистым ветрам глобализации...*). Метафорический перенос значения «процессы глобализации европейской экономики – это шквалистые ветра» позволяет президенту имплицитно выразить свое отношение к происходящему и навязать модель восприятия этих процессов как неизбежных, периодических, но кратковременных природных явлений.

5. Антропоморфная метафорическая модель «социально-политические проблемы – это болезни» постоянно обновляется новыми метафорическими выражениями, использующими медицинскую терминологию. Например:

1) *pandémie d'illettrisme à l'école* [Onfray, 2017, p. 81] (пандемия безграмотности в школе);

2) *chômage endémique* [Onfray, 2017, p. 81] (хроническая безработица);

3) *l'ADN du sarcozysme* (ДНК политики Саркози). «Pour la troupe des embedded à l'Élysée, sous Sarkozy, l'épisode le plus délicat survint dès les premiers mois de la présidence avec l'épopée du divorce présidentiel. Pour la première fois, la presse politique était confrontée au point de fusion entre vie privée et vie politique, l'ADN du sarcozysme» [Darmon, 2018, p. 57] (Журналисты, прикомандированные к Елисейскому дворцу, в первые же месяцы президентства Саркози столкнулись с необходимостью освящения деликатнейшего эпизода – эпопеи президентского развода. Впервые политическая пресса должна была соединить частную и политическую жизнь, ДНК стиля правления Саркози). ДНК – термин из научного знания о генетике живых организмов. В прагматическом значении образного НС термин ДНК интерпретируется как «главный и скрытый код» и отражает ироничное авторское отношение.

4) *le temps de la névrose est fini* (времена невроза закончилось). «Mais «le temps de la névrose est fini», assène Emmanuel Macron. Des années

d'alternance ont échoué à juguler les maux français: le chômage structurel, le déficit public, le manque de compétitivité» [Darmon, 2018, p. 14] (Зато «времена невроза закончились», – утверждает Эммануэль Макрон. Предыдущая череда правлений не смогла обуздать французские беды: структурную безработицу, дефицит госбюджета, неконкурентоспособность). Экономические проблемы Макрон метафорически номинирует названием болезни – «неврозом». В прагматическое значение образного НС автор закладывает свою ироничную отрицательную оценку деятельности своих предшественников.

6. Артефактная метафорическая модель «государство – это механизм, транспортное средство, а президент – это тот, кто им управляет» является традиционной при оценивании деятельности президента во французском политическом дискурсе. Рассмотрим примеры:

1) Николя Саркози, будучи кандидатом в президенты, метафорически высказался о деятельности действующего президента Франции Жака Ширака «*Y-a-t-il un pilote dans l'avion?*» [Cayrol, 2019, p. 59] (Есть ли пилот в самолете?). Образное НС создано по метафорической модели «государство – это самолет, а президент – это пилот». В прагматическое значение образного НС автор закладывает ироничный намек на то, что президент не выполняет свои обязанности (отсутствует в кабине самолета) и, значит, государство неуправляемо и находится в смертельной опасности.

2) François Hollande – *un capitaine fantôme* (капитан-призрак). «François Hollande immobile dans la tourmente, comme un phare éteint, un capitaine fantôme» [Barbier, 2017, p. 58] (Франсуа Олланд неподвижен в буре, как погасший маяк, как капитан-призрак). Метафорическое сравнение Ф. Олланда с потухшим маяком интерпретирует в прагматическом значении образного НС авторскую мысль о том, что президент не справляется со своими прямыми обязанностями в кризисные периоды.

Рассмотренные метафорические выражения позволили обозначить актуальные когнитивные метафорические модели французского

публицистического дискурса: социоморфную, природоморфную, артефактную и антропоморфную. Созданные по рассмотренным концептуальным моделям публицистические метафорические выражения выполняют следующие прагматические функции в текстах:

- 1) когнитивную – объяснения сложного и неясного;
- 2) аттрактивную – привлечения и удержания внимания читателя яркой образной формой;
- 3) эмоционального воздействия в нужном для автора направлении на образ мыслей читателя, формирующего определенные, идеологически мотивированные авторскими интенциями представления о явлениях общественно-политической жизни;
- 4) эвфемистическую функцию, которая в сочетании с ироничной оценкой в прагматическом значении, придает публицистической метафоре в тексте статус ироничного иносказания.

Исследованные публицистические метафорические выражения отражают актуальные базовые концептуальные метафорические модели действительности, существующие в сознании представителей франкоговорящего лингвистического сообщества и задающие определенные ракурсы репрезентации национально-специфического взгляда на политические ситуации, события и факты.

2.2.2 Публицистические метафоры, созданные без модели

Основным техническим средством создания новых образных номинаций в отечественном языкознании, однозначно определяется метафора либо сама по себе, либо осложненная метонимией, аффиксацией и т. п. [Рут, 2008, с. 45].

Субъект образной номинации в публицистическом дискурсе опирается в своей номинативной деятельности на общность внеязыковых знаний с коллективным адресатом. Внеязыковые знания состоят из владения

разнообразной информацией, широко известной в языковом сообществе, которую условно можно разделить на два обширных подвида прецедентных феноменов:

А) первый подвид прецедентных феноменов относится к области текущего информационного фона – это факты общественно-политической жизни, резонансные высказывания политиков, значимые культурные и спортивные события, популярные телевизионные передачи, особо запомнившиеся фильмы, рекламные ролики и прочие реалии современного бытия.

Например, метафорическое сравнение, появившееся в тексте хроник Мундиала 2018 года на страницах сатирической газеты «Le Canard enchaîné»: «Statistiques de choc! *Les footeurs russes ont couru comme des lapins Duracell: 118 km contre les Saoudiens et 115 contre les Egyptiens. Les Bleus, eux, n'ont avalé que 103 pauvres kilomètres contre l'Australie ! Ah, la vodka..*» [Le Canard enchaîné, 2018, p. 1]. (Шоковая статистика! Русские футболисты бегали как кролики Дюрасел: 118 км против саудитов и 115 против египтян. Синие (французы), осилили только 103 несчастных километра против Австралии! А, водка...). Фразеологический знак образного НС автор интерпретирует метафорическим сравнением. Метафорический перенос значения состоит в отсылке к анимационному персонажу известного рекламного ролика батареек Duracell, в котором игрушечный кролик на батарейке Duracell бежит дольше и быстрее кроликов на батарейках других производителей. Рассмотренное экспрессивно-оценочное метафорическое сравнение стимулируется свойствами референта (высокая скорость и выносливость). Интерпретация значения образного НС опирается на макроконтекст, содержащий шуточный намек на допинг – водку, и знания текущего информационного фона о раздуваемом в западной прессе допинговом скандале вокруг российских легкоатлетов. Таким образом, авторская номинативная интенция, заложенная в прагматическое значение образного

НС – это иронично-уничижительная авторская оценка побед российской футбольной команды.

В) второй тип прецедентных феноменов составляют факты из области истории и культуры, в первую очередь национальной (имена исторических лиц, мифологических, сказочных и литературных героев, названия живописных, музыкальных и литературных произведений и т. д.), формирующие особый культурный код, общий для всех членов языкового сообщества, его систему ценностей и антиценностей. Рассмотрим примеры:

1) политолог М. Дармон описывает атмосферу в парламенте после победы на президентских выборах Э. Макрона при помощи отсылки к названию знаменитой картины Теодора Жерико «Плот Медузы»: «*les deux partis de gouvernement se transformaient en radeaux de La Méduse*» [Darmon, 2018, p. 21] (две партии в правительстве превратились в «плот Медузы»). Смысл метафоры понятен всем, кому известен сюжет картины. Художник изобразил реальное историческое событие – плот с затонувшего фрегата «Медуза» в бушующем океане с горсткой отчаявшихся людей, погибающих от голода и жажды. Картина получила скандальную известность, так как шокировала современников явным намеком на каннибализм на плоту. Прагматическая номинативная интенция автора публицистической метафоры состоит в том, чтобы при помощи прецедентного феномена – названия знаменитой картины, с сарказмом охарактеризовать неприглядную атмосферу паники среди членов правительства, принадлежавших партиям, кандидаты от которых проиграли на выборах.

2) *le palais de l'Élysée est devenu le territoire du président Ubu* [Darmon, 2019, p. 48] (Елисейский дворец стал территорией президента Убю). При помощи интертекстуальной отсылки к содержанию культовой пьесы-фарса Альфреда Жарри «Король Убю» (Alfred Jarry «Ubu Roi») автор выражает в прагматическом компоненте значения образного НС ироничный намек на абсурдность организации системы охраны президента Франции, которая состоит из многочисленных силовых структур, подчиняющихся различным

ведомствам. Обязанности этих охранных структур нередко дублируются, что порождает неминуемые конфликты и даже хаос.

3) о политике-республиканце Лоране Вокье (Laurent Wauquiez) политический журналист И. Жовер пишет: «*Son masque de Tartuffe tombé*» [Jauvert, 2018, p. 177] (Его маска Тартюфа слетела). Автор интерпретирует прагматическое значение образного НС интертекстуальной метафорой, отсылающей к образу героя одноименной комедии Мольера. Тартюф – имя нарицательное обманщика, лицемера, скрывающегося под маской святоши. Речь идет о разразившемся в прессе скандале, в связи с тем, что политик незаконно совмещал две государственные высокопоставленные должности, и, следовательно, получал две соответствующие зарплаты, что запрещено законом. Прагматическое значение образного НС, созданное при опоре на культурные смыслы, выражает ироничную отрицательную авторскую оценку.

Таким образом, образные НС, значение которых создано без модели при помощи интертекстуальных отсылок и аллюзий, во французских публицистических текстах служат прагматически эффективными языковыми средствами, эмоционально-оценочно номинирующими изменяющиеся фрагменты действительности. Для интерпретации значений публицистических метафор, созданных без модели, используются образы, отсылающие как к внеязыковым знаниям современных реалий бытия, так и к энциклопедическим знаниям прецедентных историко-культурных феноменов, составляющих национально-культурный код языковых личностей данного лингвистического сообщества.

2.2.3 Публицистические ономастические метафоры

Для метафоризации имени собственного создается предпосылка, когда носитель имени собственного выступает в конкретной социально-значимой области эталоном какого-либо качества (или положительного, или

отрицательного). Человек, который сравнивается или уподобляется этому эталону, может обладать выделенным качеством скорее в меньшей, чем в большей степени, поэтому метафоризация имени собственного, по мнению Е. С. Петровой, сопряжена с гиперболой и открывает широкие возможности для выражения дополнительных смыслов, например, иронии [Петрова, 2006, с. 175].

А. В. Солнцева в исследовании имен нарицательных, образованных от имен собственных, отмечает, что «имена собственные могут переходить в разряд нарицательных, не подвергаясь каким-либо изменениям, либо подвергаясь аффиксации, а также аббревиации» [Солнцева, 2017, с. 175].

Во французском публицистическом дискурсе имена собственные часто подвергаются структурно-грамматическим трансформациям, переводящим антропонимы (имена собственные) в другие части речи посредством аффиксации. Сущность этого словообразовательного явления состоит в образовании из имени собственного нового окказионального слова, принадлежащего к другой части речи, чаще всего прилагательного или существительного. Полученные в результате подобных трансформаций антропонимические метафоры приобретают новые синтаксические функции и новое лексико-грамматическое значение. В. И. Заботкина классифицирует трансформированные антропонимические метафоры как особые неологические лексемы – «эфмеризмы», которые широко употребляются в определенные периоды общественного развития, связанные, как правило, с деятельностью отдельных политических деятелей [Заботкина, 1999, с. 24].

Исследуя типы общественно-политических неологизмов французского языка, В. Н. Абабий выделяет группу персонифицированных общественно-политических неологизмов – лексических единиц, образованных от онимов политических личностей, индивидуализирующих образ (стиль правления, концепции, точки зрения, идеологии) французских политических деятелей [Абабий, 2019, с. 20]. Характерными отличительными признаками лексических единиц этой группы неологической лексики, по мнению

лингвиста, является доминирование преимущественно отрицательной оценочной коннотации в значении.

Е. С. Бугрышева, исследуя ономастические реалии-неологизмы, подчеркивает, что онимы (имена собственные) пополняют фонд прецедентной лексики, и часто служат словообразовательной базой для новых имен нарицательных [Бугрышева, 2019, с. 17].

Н. И. Клушина отмечает, что антропоним в публицистическом дискурсе, подвергнутый трансформации и интерпретации, теряет свойственную ему дифференцирующую функцию и приобретает функцию характеризующую, превращаясь в ономастическую метафору [Клушина, 2008, с. 135]. Например:

1) *un personnage clé de la Macronie* [Jauvert, 2018, p. 31] (ключевой персонаж, главное действующее лицо политического курса Макрона);

2) *socialiste robespiériste* [Onfray, 2017, p. 31] (социалист-робеспьерист). Ироничная метафора, номинирующая сторонника модели социализма по Робеспьеру;

3) *socialiste néotrotskyte* [Onfray, 2017, p. 31] (социалист-неотроцкист), сторонник нового прочтения модели социализма Льва Троцкого;

4) *socialiste mitterandien* [Onfray, 2017, p. 53] (социалист, сторонник политического курса Ф. Миттерана);

5) *l'esprit gaulliste républicaine* [Onfray, 2017, p. 76] (республиканский дух эпохи президентства Де Голля);

6) *modèle reagano-thatchérien* [Cugan, 2018, p. 66] (модель правления как при Рейгане и Тэтчер);

7) (Sarkozy) *l'enfant terrible de la Chiraquie* [Darmon, 2018, p. 48] (О Саркози: ужасный ребенок (шокирующий окружающих своим поведением) из команды президента Ж. Ширака);

- 8) *barons du Hollandisme comme Stéphane Le Foll* [Darmon, 2018, p. 247] (политические тузы эпохи президента Ф. Олланда, такие как Стефан Ле Фоль);
- 9) *Christophe Castaner allait devenir un homme fort de la Macronie au pouvoir* [Darmon, 2018, p. 193] (Кристоф Кастанер становится влиятельной фигурой политического курса Макрона во властных структурах);
- 10) *le «trumpisme» de la loi du plus fort* [Cayrol, 2019, p. 41] (политический курс Трампа, основанный на праве сильного);
- 11) *la crédibilité mélenchonienne* [Cayrol, 2019, p. 53] (степень доверия к политическому курсу Меланшона);
- 12) *le saint-simonisme macronien* [Cayrol, 2019, p. 91] (утопический социализм Сен-Симона политической программы Э. Макрона);
- 13) *moyens du macronisme* [Darmon, 2018, p. 206] (политические ресурсы курса Макрона);
- 14) *un militant pro-Mélenchon* [Jauvert, 2018, p. 63] (общественный деятель, активист – сторонник Меланшона);
- 15) *gaullisme avec Instagram* [Darmon, 2018, p. 282] (политическая идеология, стиль правления генерала де Голля в эпоху интернет-коммуникаций);
- 16) *lepénisme version Marion* [Barbier, 2017, p. 24] (идеология партии Ле Пен в версии Марион). Речь идет о политической программе племянницы лидера партии Национальный Фронт Марион Марешаль-Ле Пен);
- 17) *les enjeux du macronisme* [Cayrol, 2019, p. 1] (доктрины политики Э. Макрона);
- 18) *l'orbite jospinienne* (орбита Лионеля Жоспена). *Vincent Peillon demeure dans l'orbite jospinienne* [Barbier, 2017, p. 249] (Венсан Пейон пребывает в орбите Жоспена). Прагматический компонент значения ономастической метафоры содержит ироничный намек, на то, что Венсан Пейон, ранее работавший в партийном аппарате экс-премьер-министра

Франции Л. Жоспена, продолжает находиться в его ближайшем политическом окружении.

Анализ выявленных в публицистических текстах неологических сочетаний, значение которых интерпретируется при помощи ономастических метафор, позволяет сделать вывод, что модифицированное морфологически и синтаксически имя собственное известного политика является распространенным во французской публицистической традиции способом номинирования его политической программы, курса, идеологии, политических сторонников, ближайшего окружения. Образные НС, значения которых интерпретируются при помощи ономастических метафор:

- 1) стереотипизируют оценочное восприятие;
- 2) выражают различные оттенки авторской иронии;
- 3) экономят языковые средства.

2.2.4 Метонимия и метонимические выражения

Н. Д. Арутюнова определяет метонимию как троп, перенос значения на основе смежности явлений [Арутюнова, 1979, с. 142].

Д. Серль относит метонимию к особому случаю метафоры, эксплуатирующей регулярные принципы ассоциации [Серль, 1990, с. 335].

Исследователи метонимии обращают внимание на эллиптический характер метонимических номинаций. В. П. Москвин определяет метонимию как «сжатое описание» и как наименование, образованное с помощью метонимического переноса [Москвин, 2006, с. 170]. Метонимия – это семантическая операция, способ номинации, представляющий собой свернутую синтаксическую структуру.

Исследуя различия в способах описания метафоры и метонимии, А. А. Масленникова подчеркивает, что если метафору можно сравнить с загадкой, которую нужно разгадать, то метонимию можно охарактеризовать словом догадка, позволяющим угадать связи и вывести умозаключения о

целом по его части. Метонимические переносы фокусируют внимание говорящего и адресата на эксплицитной части информации о номинируемой реалии, в то время как имплицитная информация образует периферию смысла сообщения, создавая эффект недосказанности [Масленникова, 1999, с. 193–194].

И. А. Солодилова отмечает, что инновации, образованные при помощи метонимии закрепляются в словарном составе языка благодаря таким прагмасемантическим компонентам языкового значения, как обезличенность, рациональность и дистантность номинации [Солодилова, 2017, с. 55–56].

Приведем примеры использования метонимических сокращений при интерпретации значений образных НС, номинирующих новые общественно-политические реалии:

1) *Gilets jaunes* (Желтые жилеты) [Maillard, 2019, p. 10] – это номинация возникшего в ноябре 2018 г. спонтанного протестного движения против повышения цен на автомобильное топливо, участники которого оделись в светоотражающие желтые жилеты. Метонимическое сокращение состоит в переносе по ассоциативной смежности «люди – характерная форма одежды (желтые жилеты)». Значение рассмотренного метонимического фразеологического знака не содержит авторской оценки, а основной прагматической функцией образного НС можно считать экономию языковых усилий при номинации, облегчающую речевую деятельность говорящему и мыслительную деятельность слушающему при восприятии. При этом метонимическая номинация создает эффект обезличенности, так как, говоря о *Gilets jaunes*, эксплицитная часть информации об участниках протестов – их единая форма одежды, выводится на поверхность, а оценка индивидуальных личностных качеств объектов номинации не входит в номинационные цели автора.

2) *bonnets rouges* [Barbier, 2017, p. 119] (красные колпаки). Метонимическое выражение, номинирующее протестное общественное движение в Бретани, возникшее в ответ на введение правительством Франсуа

Олланда дополнительного налога на топливо в ноябре 2013 г. Участники акций – бретонские водители грузовиков и фермеры шли на манифестации в красных колпаках (традиционных бретонских головных уборах).

3) *la génération Telegram* [Darmon, 2018, p. 265] (поколение «Телеграм» или Интернет-поколение). Метонимическое сокращение выражения «поколение, выросшее в эпоху коммуникации при помощи интернет-технологий».

4) *la génération «Prince Charles»* [Darmon, 2018, p. 109] (поколение принца Чарльза). Метонимическое сокращение выражения «поколение, родившееся в первое десятилетие после второй мировой войны или поколение людей в возрасте приблизительно равном возрасту английского принца Чарльза».

5) *les baby-boomers ou soixante-huitards* [Darmon, 2018, p. 110] (поколение беби-бумеров или поколение участников студенческих протестов в мае 1968 года).

6) *l'intelligentsia à l'âge d'un web* [Minc, 2019, p. 141] (интеллигенты – ровесники Интернета). В контексте речь идет о сегодняшних молодых политиках в возрасте около сорока лет (как и Эммануэль Макрон).

7) *pays du non* [Quatremer, 2019, p. 140] (страны – члены ЕС, граждане которых проголосовали против единой Конституции Евросоюза на референдуме 2005 года).

8) *l'Union à vingt-huit* [Quatremer, 2019, p. 177] (союз двадцати восьми). Двадцать восемь – это количество государств в Евросоюзе до выхода из него Великобритании в 2020 году.

9) *le portefeuille de la Culture* [Darmon, 2019, p. 74] (портфель Культуры). Сочетание двух метонимических сокращений в значении образного НС (портфель – должность, Культура – министр культуры) создает номинацию – должность министра культуры.

10) *fraternité du rond-point* [Maillard, 2019, p. 23] (братство кольцевых перекрестков). Rond-point (кольцевые перекрестки-развилки) –

метонимическое сокращение, номинирующее места проведения акций Желтых жилетов. По субботам и воскресеньям, начиная с конца 2018 г. вплоть до лета 2019 года, по всей Франции на кольцевых перекрестках Желтые жилеты перекрывали автомобильное движение баррикадами.

11) *le marcheur du premier cercle* [Darmon, 2019, p. 67] (член партии «La République en Marche!» из ближайшего окружения Макрона). Метонимическим сокращением *le marcheur* интерпретируется номинация члена президентской партии Э. Макрона, созданной им, чтобы идти на президентские выборы 2017 г. Партия Макрона первоначально была названа «En Marche!». Название отсылает к инициалам Эммануэля Макрона (Emmanuel Macron). «Christophe Castaner – *le marcheur du premier cercle* joue des pieds et des mains pour récupérer le bureau de Gérard Colomb» [Darmon, 2019, p. 67] (Кристоф Кастанер – член партии «En Marche!» из ближайшего окружения Макрона делает все для того, чтобы реабилитировать администрацию Жерара Коломба).

12) *un groupe de marcheurs au Sénat* [Darmon, 2018, p. 153] (группа членов партии «La République en Marche!» в Сенате).

В прагматических компонентах значений образных НС (11) – (12), интерпретируемых при помощи метонимического сокращения *le marcheur = le membre du parti «En Marche!»* (член партии «En Marche!», правящей партии Президента Макрона), отражены авторские прагматические намерения: экономия языковых средств и ироничная оценка, создаваемая многозначностью слова *marcheur* во французском языке.

13) *le candidat non-FN* [Darmon, 2018, p. 193] (кандидат «нет – Национальному Фронту», протестный кандидат, альтернатива кандидату от партии Национальный Фронт). Э. Макрон во втором туре президентских выборов 2017 г. противостоял Марин Ле Пен, кандидату от партии Национальный Фронт (FN). Метонимия *non-FN* в значении образного НС интерпретирует мысль автора о том, что для многих избирателей

голосование за Э. Макрона было, прежде всего, способом выразить свой протест против кандидата от партии правого толка «Национальный Фронт».

Рассмотренные образные НС, значение которых интерпретируется при помощи метонимических сокращений, представляют собой концепты, структурирующие не только план выражения, но и восприятие новых социально-политических реалий.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в случаях, если называемая метонимией деталь типична для группы индивидов (объектов), то такая метонимия может закрепиться в языке как обозначение конкретной социальной категории лиц (объектов). Однако, такая номинация семантически нестабильна в диахронии, при изменении исторических условий [Арутюнова, 1979, с. 143–144]. Учитывая результаты анализа материала (примеры 1–13), можно предположить, что вероятность закрепления в словарном составе языка на современном историческом этапе рассмотренных неологических сочетаний, значение которых интерпретируется при помощи метонимических сокращений, может быть достаточно высокой.

Необычность и экспрессивно-усилительная, идентифицирующая функция метонимических переносов проявляется в авторских ситуативных номинациях, интерпретируемых при помощи метонимии. Например:

14) *tous les chapeaux à plume LR* (все шляпы с перьями *LR*, где *LR* – аббревиатура, начальные буквы названия центристской партии *Les Républicains* (Республиканцы)). Образное НС сформировано метонимическим переносом «шляпы – Республиканцы». «En l’occurrence, devant le naufrage de la candidature de François Fillon – que *tous les chapeaux à plume LR* vouaient aux gémonies depuis des années» [Darmon, 2018, p. 187–188] (в данном случае, перед крахом кандидатуры Франсуа Фийона – когда *все шляпы с перьями LR* оказались публично опозоренными).

Авторская ироничная оценка, заложенная во фразеологическое значение образного НС, легко декодируется всеми, кто владеет ситуативными знаниями о подробностях коррупционного скандала,

разразившегося в прессе вокруг кандидатуры фаворита от республиканцев в президентской кампании 2017 г. – Франсуа Фийона.

Следует особо отметить, что метонимические сокращения обладают способностью участвовать в дальнейших процессах метафоризации. Приведем примеры метафоризации метонимических сокращений:

15) *colère jaune* [Maillard, 2019, p. 87] (желтый гнев). В метафорическом выражении используется перенос значения «протестные акции – гнев», с использованием метонимического сокращения (желтый вместо Желтые жилеты).

16) *la République est malade de la jaunisse* [Darmon, 2019, p. 13] (Республика больна желтухой). Значение медицинской метафоры создано метафоризацией метонимии: Желтые жилеты – это болезнь (желтуха).

17) «*le vent jaune*» s'est levé sur le pays, une tornade balayant les frêles espoirs d'une adaptation de notre pays au XXI siècle [Darmon, 2019, p. 110] («желтый ветер» поднялся над страной как торнадо, сметая хрупкие надежды на адаптацию нашей страны к двадцать первому веку). *Le vent jaune* – образное НС, значение которого интерпретируется при помощи амальгамного соединения фрагмента метонимии (*Gilets jaunes* → *jaunes*) и аллюзивной отсылки к названию романа Давида Гроссмана «*Le vent jaune*» (Желтый ветер)².

18) *la «forteresse» de Bercy* [Cayrol, 2019, p. 112] («крепость» Берси). Метафорическое выражение содержит компонент топоним-метонимию *Bercy* в значении Министерство финансов. (Берси – название 12-го округа Парижа, в котором находится Министерство финансов Франции). Сема слова «крепость» ассоциируется с тем, что хорошо укреплено, неприступно и непонятно как устроено внутри. Таким образом, в прагматический компонент значения образного НС автор закладывает имплицитную ироничную оценку.

Рассмотренные образные НС (примеры 16–18) представляют собой публицистические метафоры, созданные метафоризацией метонимических

² Grossman D. *Le vent jaune*. Paris: Seuil, 1988. 243 p.

сокращений по актуальным концептуальным метафорическим моделям (антропоморфной, природоморфной, артефактной).

2.2.5 Антономазия и антономастические комплексы

Использование прецедентных имен для интертекстуальных отсылок исследовалось отечественными лингвистами в различных ракурсах. Е. Н. Золотухина исследует прием создания новых сочетаний слов с прецедентными именами (интертекстом) в текстах современных СМИ, называя «описательным цитированием» отсылку к ранее известному тексту или к образу героя известного литературного произведения [Золотухина, 2009, с. 14]. В словаре выразительных средств русского языка под редакцией А.П. Сковородникова «антономазия – это одна из основных разновидностей перифразы – тропа, заключающегося в замене какого-либо слова или выражения описательным оборотом, в котором называются наиболее существенные признаки (признак) обозначаемого» [Сковородников, 2017, с. 226].

В отечественной лингвистической литературе на материале различных языков антономазия исследуется как средство номинации, стилистический прием иносказания, строящийся на переносном использовании имени собственного или имени нарицательного [Каграманов, 2007; Наер, 2011; Скуратов, 2017b].

Мнения ученых расходятся в вопросе о том, какие механизмы лежат в основе антономазии (метафорический сдвиг или метонимический перенос). Мы разделяем широкий взгляд на трактовку понятия антономазии, предложенный И. В. Скуратовым, как риторического приема, состоящего в сложном переплетении метонимии и метафоры при употреблении имени собственного в функции имени нарицательного. Закрепление в имени собственном определенного отличительного признака, позволяет осуществить метонимический перенос, в результате которого имя

собственное становится воплощением характерных моральных или физических качеств [Скуратов, 2017b, с. 112].

Н. М. Наер подчеркивает, что антономазия позволяет говорящему расставить необходимые ему смысловые акценты и расширить ассоциативное поле [Наер, 2011, с. 138].

Выбор для иносказания имени нарицательного, несущего в себе определенный признак (признаки), ожидаемо влечет за собой целую гамму ассоциаций у слушающего. Следовательно, интерпретируя значение образного НС при помощи антономазии, говорящий с достаточной точностью может программировать прагматический эффект, который произведет этот языковой знак при восприятии.

Антономастическим комплексом в отечественной научной литературе называют высказывание, содержащее антономазию [Каграманов, 2007, с.15; Наер, 2011, с. 85].

Рассмотрим примеры образных НС, интерпретируемых при помощи антономастических комплексов:

1) заголовок очерка Кристофа Барбье об Арно Монтебуре – известном политике, выдвигавшем свою кандидатуру на президентских выборах 2017 года: «*Arnaud Montebourg: Fracasse ou Matamore?*» (Арно Монтебур: Фракасс или Матамор?). «*Montebourg n'est pas lâche, et c'est pourquoi il n'est pas tout à fait Matamore; Montebourg n'est pas noble, et c'est pourquoi il n'est pas tout à fait Fracasse; Montebourg est un peu les deux, et c'est pourquoi il est tout à fait français*» [Barbier, 2017, p. 81] (Монтебур не трус, и, поэтому, он не совсем Матамор; Монтебур не благородных кровей, и, поэтому, он не совсем Фракасс; Монтебур – немного и тот, и другой, и, поэтому, он абсолютный француз»). Значение образного НС интерпретируется при помощи антономастического комплекса, состоящего из имени собственного *Arnaud Montebourg* и оппозиции двух имен нарицательных литературных персонажей из разных эпох и дискурсов. Где один – это Капитан Фракасс, герой одноименного романа Теофиля Готье (P.-J. Théophile Gautier), честный

и храбрый обладатель благородной шпаги, без копейки в кармане. Другой – Матамор, персонаж комедии дель арте Пьера Корнеля (P. Corneille) «L'Illusion comique», трусливый арлекин с деревянной колотушкой, хвастающийся своими воображаемыми подвигами. Очевидно, для интерпретации значения антономастического комплекса адресату потребуются точечные фоновые знания из области классической французской литературы. Прагматические номинативные цели автора – лаконично, при помощи интертекстуальных аллюзий выразить в прагматическом компоненте значения образного НС иронично–снисходительную оценку деятельности политика.

2) К. Барбье озаглавил очерк о Сеголен Руайаль, возглавлявшей при президенте Ф. Олланде с 2014 по 2017 г. Министерство охраны окружающей среды Франции, – «*Ségolène Royal: sainte Thérèse ou Folle de Chaillot?*» [Barbier, 2017, p. 131] (Сеголен Руайаль: святая Тереза или Безумная из Шайо?). Антономастический комплекс создан именем собственным Ségolène Royal и сочетанием двух имен нарицательных в вопросительной форме. Имя нарицательное *sainte Thérèse* ассоциируется со святой, бескорыстно помогавшей людям. Имя нарицательное *Folle de Chaillot* – имя главной героини одноименной пьесы Жана Жироду (Jean Giraudoux), создает ассоциации с теми, кто оказывает сопротивление проектам, наносящим ущерб окружающей среде. Таким образом, использованием имени нарицательного известной святой и интертекстуальной референции к образу героини знаменитой французской театральной пьесы автор выражает в прагматическом компоненте значения образного НС иронично–снисходительную положительную оценку деятельности известного политика.

3) о начальнике охраны президента Александре Беналла, скандально известном превышением должностных полномочий – избиением демонстрантов, М. Дармон пишет: «*Benalla, c'est l'esprit de Rastignac dans un corps de rugbyman*» [Darmon, 2019, p. 50] (Беналла – это ум Растиньяка в теле регбиста). Антономазия построена на референциальном переносе на имя

главного персонажа романов эпопеи «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака – Растиньяка, ставшего именем нарицательным, обозначающим «удачливого и расчетливого выскочку–карьериста». Так, в структуру фразеологического значения образного НС, интерпретируемого антономастическим комплексом, автор закладывает ироничную негативную оценку.

4) в следующей фразе, писатель-политолог М. Онфрей полемизирует с одиозным журналистом Бернар-Анри Леви, цитируя отрывок из его статьи: «Je n’aurai pas la cruauté d’inviter Bernard-Henri Lévy à lire un excellent article paru dans Le Point daté du 9 octobre 2008 et qui était intitulé: «Mon pronostic sur l’élection américaine». Cet article oraculaire parlait «des Clinton comme des «nouveaux Thénardier» de la politique américaine»; il était signé par un certain Bernard-Henri Lévy ...» [Onfray, 2017, p. 74–75] (Не будет ли с моей стороны жестоко попросить Бернар-Анри Леви прочитать замечательную статью-предсказание в Le Point от 9 октября 2008 года, озаглавленную «Мой прогноз на американские выборы»? В статье речь идет о чете Клинтон как о «*новых Тенардье*» американской политики, и статья эта подписана неким Бернар-Анри Леви...). Автор номинирует чету американских политиков Клинтон, используя имя нарицательное литературных персонажей знаменитого романа Виктора Гюго «Отверженные» – Тенардье, характерные черты которых – жадность, жестокость, беспринципность. Прагматическое номинативное устремление автора, заложенное во фразеологическое значение образного НС, интерпретированного антономастическим комплексом – выразить иносказательно ироничную негативную оценку. Планируя определенный прагматический эффект при восприятии образного НС в тексте, автор предполагает наличие у коллективного адресата как энциклопедических знаний из области классической французской литературы, так и ситуативных знаний о современных внешнеполитических реалиях.

5) о президенте Франции Франсуа Миттеране: *un Rastignac monté de Jarnac* [Onfray, 2017, p. 77] (Растиньяк, выходец из Жарнака). Антономазия,

основанная на отсылке к образу героя романов В. Гюго из цикла «Человеческая комедия» и на знаниях биографии президента Франции Франсуа Миттерана. Антономастический комплекс состоит из имени нарицательного Rastignac с неопределенным артиклем, что создает эффект обобщения: как Растиньяк, т.е. человек, который поступаясь моральными принципами достиг большого финансово-политического успеха в жизни, и топонима Жарнак – названия маленького провинциального города, в котором родился и провел детство и молодость Ф. Миттеран. Так, при помощи антономастического комплекса автор иносказательно выражает иронию как сниженную оценку.

б) в следующем примере антономастический комплекс резюмирует очерк о начале президентства Франсуа Олланда: «*Une fée, une seule, penchée sur le berceau de François Hollande, elle s'appelait Politique, et elle est la cousine de Morgan et de Carabosse*» [Barbier, 2017, p. 43] (Лишь одна фея склонилась над колыбелью Франсуа Олланда, и звали ее *Политика*, и была она *кузиной Морганы и Карабос*). Первая часть фразы содержит аллюзивную отсылку к знаменитой сказке Шарля Перро «Рике с Хохолком» (Charles Perrault «Riquet à la Houppre»), в которой рассказывается о том, что новорожденному уродливому принцу добрая фея предсказала счастливую судьбу. Парадоксальное продолжение фразы разрушает стереотип, называя фею *кузиной Морганы и Карабос* – именами нарицательными злых ведьм (Моргана – зловещая колдунья из кельтских сказаний о короле Артуре, а Карабос – страшная старая ведьма из сказки Шарля Перро «Белоснежка» (Belle de neige)). Так, при помощи антономастического комплекса, состоящего из интертекстуальной аллюзии к сюжету знаменитой сказки и двух имен нарицательных, автор иносказательно и с сарказмом формулирует мысль о том, что президентству Франсуа Олланда с самого начала было не суждено стать успешным.

7) *Macron, c'est Cyrano, l'efficacité en plus et le romantisme en moins* [Darmon, 2019, p. 270] (Макрон – это Сирано, но более результативный и

менее романтичный). Контекст позволяет интерпретировать метафорическое сравнение президента Эммануэля Макрона с литературным персонажем Сирано де Бержераком не только как намек на внешнее сходство (крупные носы у того и другого). Всем, кто знаком с историей знаменитого литературного героя Сирано де Бержерака, известно, что он был романтичен, но терпел неудачи в любви. О Макроне автор говорит, что он менее романтичен, но более результативен в любви, чем Сирано. Антономастическим комплексом автор выражает мысль о том, что президентская чета Макрон представляет собой воплощение нового, пост-популистского формата супружеских отношений, демонстрируя последовательную и театрализованную самопрезентацию как сплоченных общим делом супругов-соратников. Прагматический компонент значения образного НС выражает ироничную авторскую оценку номинируемой новой общественно-политической ситуации.

8) название очерка политического журналиста Оливье Сирана – *Arnaud Leparmentier et Jean Quatremer, les Zig et Puce du macronisme* [Cyran, 2018, p. 59] (Арно Лепармантье и Жан Катремер, Зиг и Пюс политического курса Макрона). Антономазия основана на интертекстуальной отсылке к культовому французскому комиксу «Зиг и Пюс», герои которого – два подростка, стремящиеся уехать в Соединенные Штаты и там разбогатеть. Но приключения, которые непрерывно происходят с Зигом и Пюсем, постоянно отвлекают от осуществления их цели. Сравнение известных политических журналистов Арно Лепармантье и Жана Катремера с Зигом и Пюсом выглядит комично и пародийно. В прагматическом компоненте значения образного НС, автор выразил свое ироничное отношение к публикациям журналистов, разоблачающим бюрократию Брюсселя и безусловно одобряющим политические шаги президента Макрона по «перезагрузке» Единой Европы.

9) *Machiavel à L'Elysée* [Darmon, 2018, p. 32] (Макиавелли в Елисейском дворце о президенте Э. Макроне). Николо Макиавелли –

ренессансный мыслитель, автор знаменитого труда «Государь», в котором создан идеальный образ единоличного правителя, доблестного «нового государя» с величественной душой. В образном НС, интерпретированном антономастическим комплексом, Machiavel – это метонимия, перенос фамилии автора на его произведение. Сравнение Э. Макрона с идеальным правителем по Макиавелли выглядит очевидно гиперболизировано, и воспринимается как ироничное.

Прагматический анализ рассмотренных примеров позволяет сделать вывод, что прагматический эффект значений фразеологического знака, созданного антономастическим комплексом направлен, как правило, на ироничную эвфемизацию номинируемой социально-политической ситуации. Образные НС, интерпретируемые при помощи антономастических комплексов – это изящные «словесные находки», имплицитно выражающие различные оттенки авторской иронии и служащие смыслообразующими единицами в сильных позициях текста.

2.3 Эвфемистические образные неологические сочетания “langue de bois”, способы интерпретации

Во франкоязычной лингвистической литературе представлены достаточно разноплановые определения понятия «эвфемизм». Так, М. Жаррети определяет эвфемизм как «figure qui consiste à adoucir par l'expression la crudité ou brutalité d'une idée ou d'un fait» (стилистическая фигура, которая смягчает грубость или брутальность мысли, факта, события) [Jarrety, 2001, p. 172].

Ж. Молинье считает, что эвфемизм «consiste en une atténuation de l'expression par rapport à l'information véhiculée» (эвфемизм заключается в смягчении выражения по отношению к передаваемой информации) [Molinié, 1992, с. 143–144].

Наиболее широкую трактовку понятия эвфемизм предлагает швейцарский исследователь эвфемии Андре Орак: «L'euphémisme est un procédé figuré qui améliore la négativité d'une réalité (subjectivement) taboue» (эвфемизм – это образный способ улучшения презентации отрицательного, табуированного, с субъективной точки зрения, фрагмента действительности) [Horak, 2010, p. 62].

Об эвфемизмах в прессе швейцарский лингвист Марк Боном пишет: «В дискурсе прессы рискованные реалии переноминируются с использованием стерильной в эмоциональном плане референциальной системы. Результат – снижение информативности высказываний» [Bonhomme, 2005, p. 243].

В отечественной лингвистической литературе выделяются такие функции эвфемизмов в политической коммуникации, как:

- смягчающая, направленная на предупреждение социального напряжения в связи с необходимостью высказывать уважение различным общественным группам и желанием повысить значимость некоторых реалий социальной сферы [Левченко, Кутинова, 2017, с. 2];

- вуалирующая или частично «прикрывающая» описываемые обстоятельства [Ахматова, 2020, с. 10];

- манипулятивная, основанная на стремлении воздействовать на ценностные установки коллективного адресата [Босчаева, 1989; Ахматова, 2020, с. 10].

Исследователи политической эвфемии отмечают, что эвфемизмы в прессе могут выполнять как одну, так и несколько из перечисленных функций.

Эвфемистичные суждения, функционирующие в текстах официальных информационных сообщений и публичных выступлений представителей государственной власти, в рамках настоящего исследования предлагается объединить под единым метатермином «эвфемистические неологические сочетания “langue de bois”» (далее: эвфемистические НС “langue de bois”). Словарь Le Petit Robert 2012 трактует «langue de bois»: langage figé de la

propagande politique; façon de s'exprimer qui abonde en formules figées et en stéréotypes non compromettants [Le Petit Robert, 2012, p. 271] (застывшие формулировки политической пропаганды; способ выразиться, изобилующий застывшими формулировками и некомпрометирующими стереотипами).

Способами интерпретации эвфемистических выражений “langue de bois” в текстах СМИ служат всевозможные стилистические приемы, среди которых доминируют перифразирование, гиперонимия, метафоры [Bonhomme, 2005; Horak, 2010].

По мнению А. Орака, «la périphrase – l'un des plus fréquents moyens d'atténuation – euphémise un tabou en le remplaçant par une “micro-description”. La valeur euphémique du détour périphrastique n'est guère explicable en termes structuralistes, car le contenu sémique du substitut syntaxique ne correspond pas à la somme des sémèmes propres aux unités lexicales qui composent la périphrase. La force méliorative de la périphrase est notamment trouvable dans sa qualité de biais discursif, qui évite l'effet de choc produit par l'énonciation immédiate du mot tabou» (перифраза – один из наиболее распространенных способов смягчения высказывания, эвфемизирующий табу, заменяя его «микроописанием»). Эвфемическая ценность перифрастического оборота едва ли объяснима в структуралистских терминах, ибо семное содержание синтаксического субститута не соответствует сумме сем, свойственных лексическим единицам, составляющим перифразу. Мелиоративная сила перифразы обнаруживается в смещении референта, что позволяет избежать шокового эффекта, производимого внезапным произнесением табуированного слова) [Horak, 2010, p. 80–81].

Рассмотрим примеры эвфемистических НС “langue de bois”, интерпретируемых перифразой:

1) *des politiques de retour des illégaux* [Le Monde, 2017, электронный ресурс] (политика возвращения нелегалов). Понятие “déportation”, ассоциируемое с неприглядными принудительными действиями по отношению к иммигрантам заменяется на «politique de retour» – перифразу,

созданную конструкцией *politique de + qch*, которая не вызывает отрицательных ассоциаций и эмоций у реципиента. Эвфемизация осуществляется изъятием семы *contrainte* (принуждение), затушевыванием семы *renvoi* (отправка обратно) путём замены на понятие-гипероним *retour* (возвращение). Так, прагматический компонент значения образного НС выражает номинационное намерение автора – подать информацию обобщённо, с нейтральной оценочностью, что способствует её некритичному восприятию аудиторией.

2) *les flux migratoires illégaux* [Algérie Patriotique, 2017, электронный ресурс] (нелегальные миграционные потоки). Прагматический компонент значения образного НС эвфемизирует реальную референтную ситуацию – *immigration incontrôlée arabo-africaine* (неконтролируемая арабо-африканская иммиграция). Благодаря внутренней форме метафоры *flux* (поток) тревожное политико-социальное явление представляется как ординарный динамичный процесс. Сема слова *illégaux* (нелегальный) способствует формированию мнения у аудитории, что ответственность за последствия иммиграции лежат на иммигрантах, так как они совершают незаконные действия. Таким образом, воздействующая суггестивная функция образного эвфемистического НС состоит в смягчении оценочного знака, при формировании мнения в социуме о характере номинируемой реалии.

3) в речи перед журналистами 13.02.2018 Э. Макрон сказал: «Il y a eu un afflux migratoire imprévu» [Darmon 2018, p. 246] (Был непредвиденный миграционный приток). Внутренняя форма слова *afflux* связана с понятием из области физиологии – притоком (крови), и, следовательно, способствует восприятию проблемы увеличения неконтролируемой арабо-африканской иммиграции как разового и естественного явления. Сема слова *imprévu* подчеркивает, что явление было непредвиденным, а, значит, его можно прогнозировать в следующий раз, и, следовательно, к нему можно подготовиться и принять эффективные меры.

Эвфемистические суждения – выражения языка “*langue de bois*”, возникающие и функционирующие в речах представителей действующей власти и информационных сообщениях властных структур часто становятся объектами жесткой критики в аналитической публицистике.

Рассмотрим примеры:

4) *les ennemis barbares des valeurs universelles* [Cugan, 2018, p. 20] (нецивилизованные враги универсальных ценностей). Журналист Оливье Сиран в своей статье о террористических актах в Брюсселе цитирует бельгийского историка Дэвида Ван Рейбрука, который акцентирует внимание телезрителей на том, что Премьер-министр Бельгии в обращении к нации после серии кровавых терактов в столице Бельгии не говорил ни о так называемом «Исламском государстве», ни о мигрантах из Сирии и не произнес ни разу слово «террористы». Глава правительства Бельгии лишь вскользь упомянул о «тех, кто выбрал путь нецивилизованных врагов универсальных ценностей» [Cugan, 2018, p. 20]. Бельгийский историк резко критикует эвфемистическое выражение *les ennemis barbares des valeurs universelles* в форме перифразы с гиперонимом, при помощи которого Премьер-министр избежал употребления слова «террористы» и названия страны, из которой они прибыли в Бельгию, чтобы не затрагивать проблемные вопросы внешней и миграционной политики.

Следующие примеры представляют собой эвфемистичные НС “*langue de bois*”, функционирующие в текстах «официального Брюсселя» и то, как их декодирует писатель-философ Мишель Онфрей:

5) *faute d'une stratégie* – sortir de l'Europe libérale et de sa monnaie, l'euro [Onfray, 2017, p. 60] (стратегическая ошибка – выход из либеральной Европы и ее валюты, евро).

6) *faute d'une stratégie et d'une tactique* – la construction d'un autre pôle magnétique européen avec des alliés hors Europe [Onfray, 2017, p. 60] (стратегическая и тактическая ошибка – конструирование другого полюса европейского притяжения с союзниками вне Европы).

7) *faute d'une grande vision et d'un dessein historique* – contrebalancer le poids de l'Europe libérale par la construction avec la Russie d'une Europe historique, géostratégique et politique [Onfray, 2017, p. 60] (политическая близорукость и отсутствие понимания исторических перспектив – расшатывание либеральной Европы построением совместно с Россией Европы исторической, геостратегической и политической).

В примерах сочетаний (4–7) сема *faute* эксплицитно выражает идеологически продиктованную оценку. А семы метафор *stratégie, tactique, grande vision, dessein historique* затемняют смысл реальных референтов вплоть до полной подмены понятий.

8) *nous ne serons pas des somnambules* [Darmon, 2019, p. 98] (мы не будем сомнамбулами). Выражение Э. Макрона, произнесенное во время телевизионного интервью в программе «Journal du 20 heure» 16 октября 2018 г. на канале France 2. Макрон использовал эвфемистическую формулу *somnambules* = популисты, принадлежащую историку Кристоферу Кларку, который так назвал в своем историческом исследовании популистские движения в Европе, ставшие, по его мнению, причиной Первой мировой войны. [Clark, 2015, p. 24] «Emmanuel Macron utilise souvent sa formule lorsqu'il dénonce les montées populistes en Europe: «Nous ne serons pas des somnambules», assure-t-il ainsi lors d'une allocution» [Darmon, 2019, p. 97–98]. (Эммануэль Макрон использует часто формулу [Кристофера Кларка], обозначая подъем популистских движений в Европе: «Мы не будем сомнамбулами», утверждает он во время своего выступления). Номинируя популистские движения, Э. Макрон использует образ лунатика, сомнамбулы. В словаре Le Petit Robert, 2012 *somnambule* – 1. Personne qui, pendant son sommeil, effectue par automatisme des actes coordonnés [spécialement la marche]; 2. Personne qui, dans un sommeil hypnotique, peut agir ou parler [Le Petit Robert, 2012, p. 2395] (сомнамбула – 1. человек, который во время сна машинально совершает скоординированные движения (ходит); 2. человек, который в гипнотическом сне двигается или разговаривает). Таким образом,

выражение «*nous ne serons pas des somnambules*» позволило Э. Макрону иносказательно выразить мысль о том, что его партия не будет использовать популистские методы ультраправых и ультралевых европейских политических движений, находящихся под гипнозом безосновательных обещаний быстрого достижения желаемых целей.

9) *budget responsable et ambitieux* [Merle, 2011, p. 41] (ответственный и амбициозный бюджет). Об этом выражении министра экономики Франции Кристин Лагард, произнесенном 29 сентября 2010 года, французский лингвист Пьер Мерль пишет, что оно эвфемизирует мысль о том, что страну ожидает «всеобщее «затягивание поясов», но с надеждой на позитивную перспективу».

10) *impacter négativement un prix* (сказываться негативно на цене) [Merle, 2011, p. 108]. Перифраза, произнесенная на France Inter 19 августа 2010 года. Речь идет о закупочных ценах на молоко и факторах, ее формирующих. Эвфемистическое НС смягченно преподносит прямой сигнал фермерам, о том, что их ожидает в этом сезоне снижение закупочных цен на производимую ими продукцию.

11) *démarrer lentement* [Merle, 2011, p. 65] (медленно стартовать). Выражение, использованное президентом Франции Николя Саркози в интервью газете Le Figaro Économie от 22 декабря 2010 года: «L'aide à la réindustrialisation démarre lentement». Речь идет о помощи государства в реиндустриализации, которую анонсировал в марте 2010-го года президент Саркози. Эвфемистическое выражение «*démarrer lentement*» подменяет понятие, суть которого заключается в том, что «государственная помощь практически и не начиналась осуществляться».

12) *facteur culturel* [Merle, 2011, p. 91] (культурный фактор). Пьер Мерль, анализируя это эвфемистическое выражение, пишет: «Rien à dire, en soi, sur cette formulation, sauf pour remarquer qu'elle est de plus en plus utilisée pour, en atténuant les choses d'une bonne cuillerée euphémistique, en remplacer une autre qui est: facteur ethnique. Le quotidien Le Monde, lui meme très en

pointe sur ces questions chatouillo-sémantiques-là, admet, dans un article en bas de page de son édition du 14 septembre 2010 intitulé «Délinquance et immigration» : *le facteur culturel*: «Dans un livre à paraître le 16 septembre, *Le Déni des cultures*, le chercheur du CNRS met en avant le facteur «culturel» – pour ne pas dire ethnique – pour analyser ce phénomène» [Merle, 2011, p. 91]. (Формулировка «культурный фактор», употребляется все чаще, заменяя другую: «этнический фактор», как, например, в статье ежедневного издания газеты Le Monde от 14.09.2010: «Преступность и иммиграция: культурный фактор». В статье говорится о том, что в книге «Le Déni des cultures» (Отрицание культур), автор – исследователь Национального Центра Научных Исследований употребляет термин «культурный фактор», чтобы не говорить об этническом факторе). Семантика слова *culturel* формирует прагматический компонент значения эвфемистического НС “*langue de bois*”, не внося в него отрицательных ассоциаций, которые может вызвать значение слова *ethnique*, прямо ассоциирующееся с проблемой преступности в среде арабо-африканских иммигрантов.

13) *incertitude conjoncturelle* [Merle, 2011, p. 109] (конъюнктурная неопределенность). Название статьи в Le Figaro Économie от 24 ноября 2010 года «*Incertitude conjoncturelle en France, selon l’Insee*» эвфемистично характеризует экономическую ситуацию, которая еще не совсем катастрофична, но вполне может таковой стать.

14) *interceptions de sécurité* [Merle, 2011, p. 110] (перехваты, обеспечивающие безопасность). Такое перифрастическое выражение начало употребляться в информационных сводках Министерства внутренних дел Франции, эвфемизируя смысл действий силовых структур – «прослушивание телефонных разговоров». Прагматический компонент значения эвфемистического НС “*langue de bois*” основан на семе слова «*sécurité*», потому, что все, что делается для безопасности граждан, безусловно, должно восприниматься как благое дело, а не как нарушение гражданских прав и свобод.

Контекстуальный анализ рассмотренных эвфемистических НС “*langue de bois*” позволяет сделать вывод, что авторы-публицисты, анализирующие речи представителей власти и официальные информационные сообщения, выявляют, фиксируют и подвергают едкой критике эвфемистические выражения “*langue de bois*”. Подобная критическая рефлексия является частью идеологической борьбы за «правдивость» номинации, которую ведут представители политической оппозиции с действующей властью.

Аналізу новых номинаций, проникающих в публицистические тексты как новые политкорректные эвфемизмы, посвящен политический роман Лорана Дюбрэя «Диктатура идентичности» [Dubreuil, 2019]. Автор обращает внимание, что новые политкорректные эвфемизмы, функционирующие во франкофонном политическом дискурсе, как правило, являются калькированным переводом с английского языка. Например:

15) *la personne avec un neurotype différent* (индивидуум с другим нейротипом) [Dubreuil, 2019, p. 76]. Эвфемистическое НС образовано перифразой с гиперонимом, заменяя понятие «аутист». В значение эвфемистического НС заложена авторская прагматическая интенция – максимально отдалить ассоциации восприятия референта НС от ассоциаций с реальным референтом-табу (человека с диагнозом аутизм).

16) *les personnes natives* [Dubreuil, 2019, p. 106] (природные, нативные индивиды).

17) *des minorités premières* [Dubreuil, 2019, p. 111] (первичные национальные меньшинства).

В примерах (16) и (17) речь идет о политкорректных эвфемистических НС «*langue de bois*», реноминирующих граждан, официально признанных индейцами Северной Америки. Семы слов *native* и *première* (природный и первичный) создают позитивно воспринимаемые ассоциации с природой и изначальностью, а не с коренными, практически исчезающими народами Северной Америки – индейцами.

Прагматический и компонентный анализ языкового материала (примеры 1–17) позволяет сделать вывод, что эвфемистические НС “langue de bois” выполняют эвфемистическую функцию смещения фокуса внимания адресата от реального референта в сторону референта с образно-нейтральной семантикой. Эвфемистическая функция ЭНС “langue de bois” обеспечивается перифразами с метафорами или гиперонимами, семы которых вызывают более позитивные ассоциации у получателей речи, чем реальные референты-табу. Эвфемистическая функция ЭНС “langue de bois” в тексте – это прагматический эффект, программируемый адресантом при интерпретации фразеологического знака эвфемистического НС, направленный на смягчение восприятия номинации негативного или неудобного, с точки зрения власти, политического, экономического или социального явления.

Результаты прагматического анализа рассмотренных эвфемистических НС “langue de bois” позволяют разделить мнение А. Криег-Планк, что «конечной целью выражений так называемого языка “langue de bois” является обман, манипулирование, маскирование, искажение, отвлечение внимания» [Krieg-Planque, 2017].

2.4 Иронично-эвфемистические неологические сочетания, способы интерпретации

А. М. Кацев называет эвфемизм с ироничной коннотацией «ироничным эвфемизмом» [Кацев, 1988, с. 38]. Е. П. Сеничкина и И. Н. Никитина называют иронические эвфемизмы характерной приметой времени [Сеничкина, Никитина, 2007].

В условиях стойкой тенденции на снижение степени выраженности оценочности в публицистических текстах, ирония становится, по мнению Г. Я. Солганика, «спасительным средством непрямой оценки» [Солганик, 1996, с. 16–17]. Ироничные выражения, употребляемые в заголовках и в текстах, содержат авторскую оценочную интерпретацию описываемого события и ориентируют восприятие читателей.

Тексты французской аналитической публицистики пропитаны иронией, выраженной в частотном употреблении ироничных сверхсловных номинаций.

В словаре лингвистических терминов под редакцией Т. В. Жеребило ирония трактуется как:

- 1) притворное восхваление, таящее в себе насмешку;
- 2) завышение оценки с целью ее занижения;
- 3) стилистический оборот, построенный на иносказании, скрывающем насмешку; используется в публицистическом, разговорном, художественном стиле [Жеребило, 2010, с. 137].

Ироничное высказывание, воспринимаемое буквально, абсолютно неуместно в тексте, отмечает Д. Серль, поэтому реципиент вынужден переинтерпретировать его так, чтобы высказывание стало уместным. Но самой уместной будет интерпретация, при которой значение высказывания противоположно его буквальной форме [Серль, 1990, с. 337]. Например: «Vladimir Klitschko a logiquement conservé son titre de champion IBF des lourds en battant l'Américain Calvin Brock par KO à la 7e reprise. A New York, le seul souci de l'Ukrainien (...) a été *une belle coupure* à l'arcade gauche à la 5e reprise» [Horak, 2010, p. 91] (Владимир Кличко логически сохранил свой титул чемпиона IBF в супертяжелом весе, победив американца Кэлвина Брока нокаутом в 7-м раунде. В Нью-Йорке единственной заботой украинца была *красивая рана* на левой скуле в 5-м раунде). *Une belle coupure* в данном примере – это ироничный эвфемизм.

В современной научной литературе признается когнитивная сложность иронии и отказ от упрощенного понимания ее как риторического приема сказать одно, подразумевая противоположное. Ирония в дискурсе создается различными способами – от интонации до специфической синтаксической организации высказывания [Шилихина, 2011, с. 178]. Вербальная ирония в политическом дискурсе рассматривается в лингвистической литературе как комбинаторное явление – эффект нетривиальной комбинации языковых

единиц в высказывании, реализуемый обширным набором языковых средств: языковой игрой с фразеологическими единицами, с интертекстуальными аллюзиями и цитированиями; стилистическими фигурами (метафорой, сравнением, метонимией, оксюмором, перифразами, гиперонимией, антифразисом), ироничные смыслы языковых значений которых интерпретируются в прагматическом контексте [Веселова, 2003; Шилихина, 2014].

Носитель языка может интерпретировать выражение как ироничное в зависимости от того, насколько явно говорящий/пишущий выражает отрицательное отношение к обсуждаемой ситуации [Шилихина, 2014, с. 34].

Примером иронично-эвфемистического неологического сочетания (далее: иронично-эвфемистического НС) может послужить высказывание известного французского ученого-политолога Жака Жюйара после серии террористических актов в Париже, напечатанное в журнале «Marianne» и подхваченное комментаторами: «*La fin de l'islamolâtrie compassionnelle*» [Fontenelle, 2018, p. 51] (конец применения (как последнего возможного спасительного средства) исламообожания).

Авторский ироничный эвфемизм-неологизм в форме антифразиса³ «*islamolâtrie*» (исламообожание) использован для эвфемизации сложившейся в СМИ практики замалчивания фактов преступлений, совершаемых мигрантами, из-за боязни обвинения в разжигании исламофобии в обществе. Значение иронично-эвфемистического НС создано при помощи субституции словосочетанием *la fin de l'islamolâtrie* (конец исламообожания) лексической единицы *usage* (применение) в фармацевтическом термине *usage compassionnel* (использование незарегистрированного препарата в связи с исключительными обстоятельствами) [Мультитран, электронный ресурс].

Как видно, прагматический анализ приведенного примера антифразисной иронии требует для декодирования привлечение обширного

³ Антифразис фр. Antiphrase 1. То же, что эвфемизм. 2. Энантиосемия. Троп, состоящий в употреблении слов в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром) [Ахманова, 2005, с. 47].

контекста. С. И. Походня, исследуя языковые виды иронии отмечает, что авторские инновации, реализующие иронию, демонстрируют парадоксальную закономерность: чем сложнее формы иронии, чем дальше они уходят от антифразиса, тем богаче и разнообразнее ассоциации, вызываемые ими, и тем обширнее их актуализации.

Для случаев, рассматривающих иронию, не выходящую за пределы антифразиса, часто приходится приводить контексты, превышающие рамки абзаца, и, к тому же, описывать саму ситуацию – без такой практики ирония остается просто непонятной. Индивидуальные новообразования, подчеркивает ученый, порождают неизмеримо большее разнообразие ассоциаций, чем антифразисная ирония, а контексты для ее декодирования не приходится давать вообще, поскольку ирония ощутима. Единственным объяснением этому явлению, может быть то, что авторские новообразования представляют собой микротексты (экономную компрессию содержания) [Походня, 1989, с. 29–30]. Способами выражения иронии, способными вносить малейшие усложнения в план выражения инновации, служат, по мнению лингвиста, стереотипные словосочетания, полисемантические лексемы и авторские окказионализмы, использование которых влечет за собой гиперсемантизацию значения (на единицу выражения приходится больше содержания, чем обычно) [Походня, 1989, с. 30].

Рассмотрим примеры иронично-эвфемистичных НС:

– *Le messie de L'Elysée* [Cyran, 2018, p. 74] (мессия в Елисейском дворце). Рассматриваемое НС – название аналитического очерка Оливье Сирана о новом президенте Франции Э. Макроне. В контексте речь идет о том, что либеральная пресса преподносит читателям образ президента Э. Макрона как спасителя либеральных ценностей, Единой Европы и климата планеты. В значение образного НС, интерпретируемого сочетанием библеизма *le messie* (Спаситель) и метонимического сокращения *L'Elysée* (Елисейский дворец – резиденция президента Франции) заложена авторская номинативная интенция – иносказательно выраженная ирония.

– *Hercule en peau de lapin* – ироничная номинация Премьер-министра Греции [Onfray, 2017, p. 57]. Hercule (Геракл) – имя древнегреческого героя, обладателя невероятной силы, победителя чудовищного немейского льва. Всем, кто знаком с древнегреческой мифологией, Геракл представляется одетым в львиную шкуру. Сочетанием имени нарицательного Геракл и фразеологизма *en peau de lapin*⁴ автор создает ироничный эвфемизм, заменяющий прямую номинацию «фальшивый герой».

В приведенных примерах интерпретация аллюзивной иронии в значениях НС, основывается на явлении интертекстуальности, предполагающей наличие определенных историко-филологических и культурологических знаний у адресата.

Способы интерпретации ироничной оценки в прагматическом значении неологического сочетания при помощи различных приемов языковой игры на лексическом уровне рассматриваются в третьей главе диссертационного исследования.

На Рисунке 3 представлена схема когнитивного функционирования фразеологического знака эвфемистического НС, как взаимодействие на психологическом уровне двух языковых значений (эвфемистического НС и эвфемизируемого нежелательного понятия–табу). На схеме наглядно представлен механизм переноса значения понятия-табу при помощи аллюзии на новый референт, более уместный с точки зрения прагматики речи адресанта.

⁴ *en peau de lapin* – разг. фальшивый, липовый (см.: Французско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=4&l2=2> (дата обращения: 24.09.2020)).

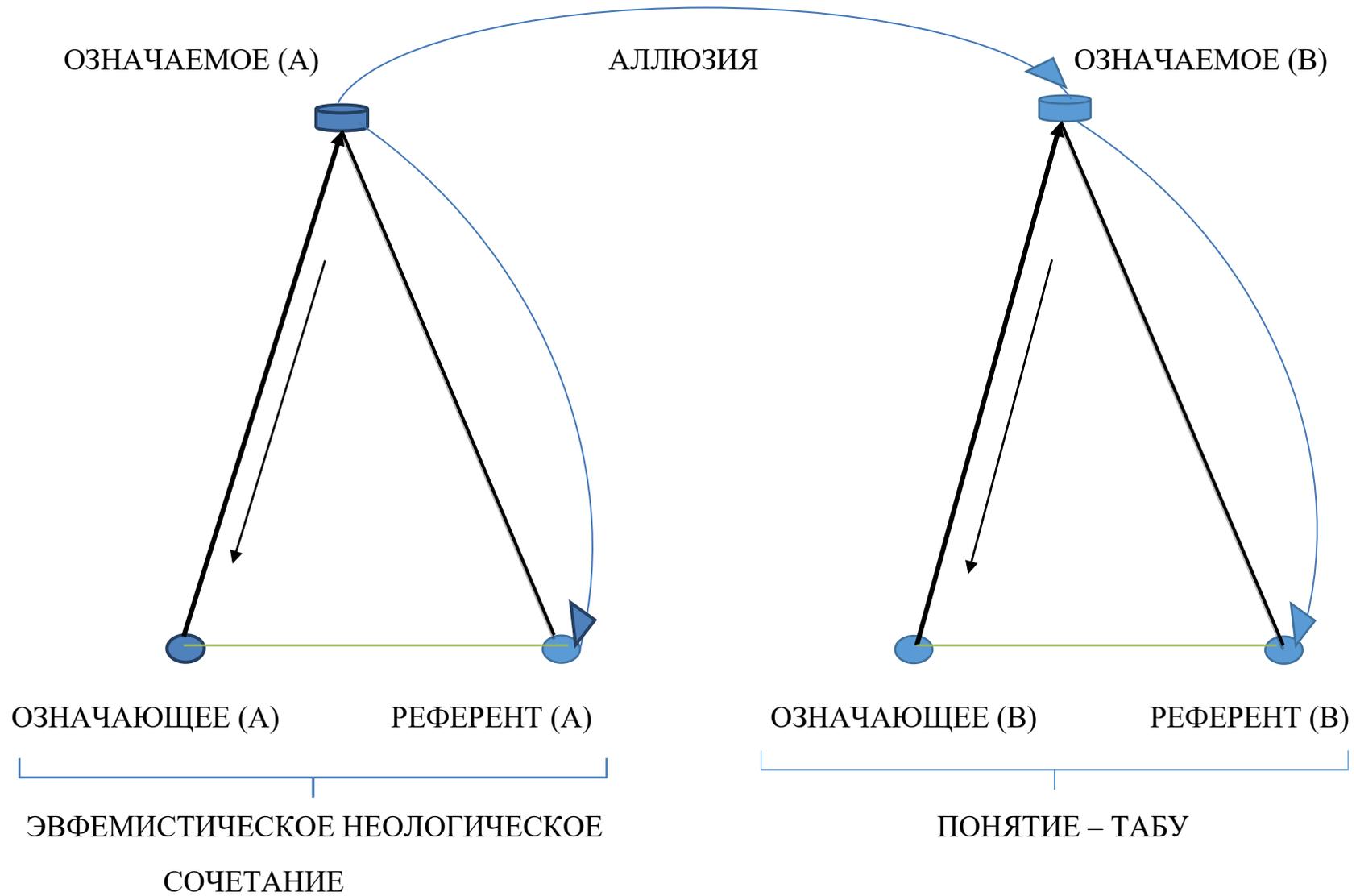

Рисунок 3. Схема когнитивного функционирования значения эвфемистического НС

Выводы по Главе 2

1. Исследованные инновационные фразеологические синтагмы, значение которых интерпретировано их создателями при помощи риторических фигур, соответствуют критериям определения неологического сочетания, что позволяет классифицировать их как неологические сочетания.

2. Неологические сочетания, фразеологические знаки которых интерпретируются говорящими/авторами при помощи риторических фигур, предложено объединить под общим метатермином «образные неологические сочетания».

3. Образные неологические сочетания рассматриваются как успешные результаты лингвистических творческих экспериментов авторитетных профессионалов слова (известных журналистов, политологов, писателей, политиков).

4. Фразеологические знаки образных НС в публицистических текстах интерпретируются отправителями речи чаще всего при помощи:

- 1) метафор, созданных по актуальным концептуальным моделям;
- 2) метафор, созданных без модели, с использованием интертекстуальных аллюзий, прецедентных феноменов из области энциклопедических и ситуативных фоновых знаний;
- 3) ономастических метафор, созданных при помощи трансформированных антропонимов;
- 4) метонимических сокращений;
- 5) антономастических комплексов;
- 6) перифрастических выражений.

5. Выявленные актуальные базовые концептуальные метафорические модели политической действительности (социоморфная, природоморфная, артефактная, антропоморфная) отражают национальную специфику метафорической репрезентации политических ситуаций, событий и фактов и

служат продуктивными способами интерпретации значений образных НС – публицистических метафорических выражений.

6. Образные НС, значения которых интерпретируются отправителями речи по концептуальным базовым моделям и без моделей, антономастическими комплексами, при помощи ономастических метафор, метонимических сокращений, и т.д. могут выполнять эвфемистическую функцию и служить в аналитических текстах ироничными эвфемизмами – иронично-эвфемистическими НС.

7. При интерпретации значений образных НС отправителями речи используются образы, отсылающие либо к фрагментам внеязыкового знания о современных реалиях бытия, либо к энциклопедическим знаниям о прецедентных историко-культурных феноменах, сформировавших национально-культурный код языковых личностей данного лингвистического сообщества.

8. Ономастическое метафорическое выражение, значение которого интерпретируется при помощи модифицированного морфологически и/или синтаксически антропонима – имени собственного известного политического деятеля, является распространенным во французской лингвистической традиции способом номинации персональной политической концепции, идеологии, курса, сторонника, члена команды этого политического деятеля. Опираясь на национальные особенности исторической памяти и мировосприятия, образные НС, значения которых интерпретируются при помощи ономастических метафор, выполняют в текстах политической тематики функцию навязывания определенной модели восприятия, воздействующую на суггестивном уровне – убеждение упрощенной, стереотипизированной оценкой.

9. Значение образного НС, интерпретируемое адресантом при помощи метонимии – это новый концепт, обобщающий по определенному характерному признаку смысл новой социально-политической реалии.

Прагматические функции авторских намерений, закладываемые при интерпретации значений образных НС, содержат компоненты – метонимии: экономия речевых усилий и безоценочное обобщение.

Прагматические функции фразеологического знака образных НС с компонентом – метонимией при восприятии в тексте направлены на создание ощущения обезличенности предмета номинации и дистанцированности от него адресанта и адресата, запоминаемость.

10. Публицистические метафорические выражения, значения которых интерпретируются антономастическими комплексами – это изящные и ироничные словесные находки. Антономазии, использующиеся для интерпретации фразеологического значения НС, основаны на прецедентных именах собственных, преимущественно связанных с национальной историей и культурой.

Прагматические функции авторских намерений образного НС, фразеологический знак которого интерпретируется отправителем речи антономастическим комплексом – это экономия языковых средств; иносказание (эвфемистическая функция); имплицитное выражение оценки посредством привлечения общеизвестного образа, характеризующегося определенными качествами.

Прагматические функции, выполняемые фразеологическим знаком образного НС – антономастического комплекса, при восприятии в тексте:

1) аттрактивная функция, которая выражается в привлечении и удержании внимания адресата изящной словесной формой и запоминаемости;

2) гедонистическая функция, которая выражается в получении удовольствия читателем-эрудитом от удачной словесной находки и атмосферы когнитивной общности адресанта и адресата как интеллектуальной игры, активизирующей определенный объем национально-специфичных историко-культурных знаний.

11. Эвфемистические НС административно-бюрократического языка власти “*langue de bois*” возникают и функционируют в официальных информационных публикациях и публичных выступлениях представителей действующей власти.

Способами интерпретации значений эвфемистических НС “*langue de bois*” служат перифразы с гиперонимами и/или узуальными «стертыми» метафорами, а также метафоры, созданные по концептуальным моделям.

Прагматические функции авторских намерений эвфемистических НС “*langue de bois*”: создание неопределенности, размытости означаемого, редукция информативности, смягчение путем снижения интенсивности отрицательной оценки, замены «неудобного» референта-табу на референт с нейтральной семантикой, а в отдельных случаях – вплоть до полной подмены понятия.

Прагматические функции языкового знака эвфемистического НС “*langue de bois*” при восприятии адресатом направлены на достижение такого прагматического эффекта, при котором, как минимум – значение НС не шокирует, и как максимум – НС не опознается как эвфемизм, пропускается в большом потоке информации. Таким образом, прагматическая воздействующая функция фразеологического знака эвфемистического НС “*langue de bois*” в информационных публикациях связана со стратегией формирования общественного мнения и является суггестивной, снижающей критичность и аналитичность восприятия номинации адресатом.

В аналитических публикациях эвфемистические НС “*langue de bois*” выполняют функцию объектов критики идеологической позиции их создателей. Разоблачение «чужого» эвфемистического суждения как словарного трюка является удобным поводом для публициста привлечь внимание к собственной идеологической позиции, отличной от позиции создателя эвфемизма.

12. Для образных НС, иронично и иносказательно номинирующих в аналитических публицистических текстах события, персоналии, ситуации,

сложные мысли и чувства, предложен метатермин «иронично-эвфемистические НС».

Прагматические функции иронично-эвфемистических НС, программируемые авторскими номинационными намерениями: лаконичность при иносказании, привлечение внимания адресата, прерывание монотонности восприятия текста, выражение ироничной критики (от тонкой снисходительно-доброжелательной насмешки до сарказма).

Прагматические функции фразеологического знака иронично-эвфемистического НС при восприятии адресатом носят аттрактивный характер и выражаются в эстетическом удовольствии от изящной словесной находки, комического или сатирического эффекта, сокращающих эмоциональную дистанцию между автором и адресатом, а также способствующих сближению адресата с идеологической позицией автора.

13. Адресант, интерпретирующий образное НС, опирается в своей интерпретационной деятельности не только на общие с адресатом языковые знания, но и на целый комплекс внеязыковых знаний, формирующих специфичный национально-культурный маркер в прагматическом значении образных НС. Внеязыковые знания, формирующие особый культурный код, общий для всех членов языкового сообщества, систему ценностей и антиценностей условно можно разделить на:

1) прецедентные феномены из области текущего информационного фона (факты общественно-политической жизни, резонансные высказывания политиков, значимые культурные и спортивные события, названия популярных телевизионных передач, фразы из особо запомнившихся кинофильмов, рекламных роликов и т.д.);

2) прецедентные феномены, относящиеся к энциклопедическим знаниям истории и культуры, в первую очередь национальной (имена исторических личностей, мифологических, сказочных и литературных героев, названия и сюжеты шедевров живописи, литературы, кино и т.д.).

Глава 3. Игровые неологические сочетания и способы интерпретации их значений

3.1 Языковая игра и игровая неология, теоретические аспекты

Определение феномена «языковой игры» в научной литературе имеет широкую интерпретацию и остается неоднозначным.

Приведем примеры трактовок понятия «языковая игра», наиболее отвечающих целям и подходам настоящего исследования. Например, восходящее к идеям Л. Витгенштейна определение языковой игры как «мысленного экспериментирования» [Бредихин, 2003, с. 7], «конструирование и употребление словесного знака при помощи лингвистических механизмов» [Гридина, 1996, с. 8], «совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами» [Рахимкулова, 2004, с. 9]. Исходя из многообразия существующих исследовательских подходов к трактовке языковой игры, Т. В. Первак предлагает рассматривать ее «как конгломерат различных приемов и способов речевого творчества, используемых для достижения определенного стилистического эффекта, большей частью комического» [Первак, 2018, с. 11]. О. Е. Вороничев отмечает, что достижение комического эффекта является далеко не единственным назначением языковой игры. Приемы управляемой языковой игры разрушают стереотипы, не нарушая систему языка, демонстрируя ее скрытые потенциальные возможности при помощи механизмов формально-семантического варьирования, использующих свойство асимметрии языкового знака [Вороничев, 2013, с. 31].

Применительно к настоящему исследованию, сосредоточенному на инновационных фразеологических синтагмах, фактах французского публицистического дискурса, наиболее близка трактовка понятия языковой игры, предложенная Е. И. Куманицыной, как осознанного действия, направленного на варьирование языковыми знаками и трансформирование их

языковых форм, результатом которого является создание новых нетривиальных единиц языка в целях воздействия на социум [Куманицына, 2006, с. 8].

Исследуя механизм игры слов, В. С. Виноградов высказал мысль о ее двухкомпонентности, где первый компонент – основа, а второй – «результанта» (слово или словосочетание), «перевертыш», который служит благоприятной почвой для создания индивидуально-авторского неологизма. Игра слов возникает только тогда, когда «результанта» реализована в речи и мысленно соотнесена с основой, которая может восприниматься в более широком контексте и даже только подразумеваться [Виноградов, 1978, с. 153–154].

Французский лексиколог Робер Галиссон разработал понятие «вербальный палимпсест» – автономное высказывание (или его фрагмент), результат мысленного наложения исходного высказывания и производного от него высказывания. Процесс вербального палимпсеста заключается 1) в выборе исходного высказывания – устойчивого сочетания слов (поговорки, пословицы, галлицизма, изречения, названия книги, кинофильма, театральной пьесы и т.д.), и 2) в создании производного высказывания путем вербальной декомпозиции исходного высказывания. При этом производное высказывание сохраняет следы присутствия исходного высказывания (по аналогии с тем, как лист пергамента – палимпсест содержит следы смытого предыдущего текста, поверх которого написан новый). Эти «следы» исходного текста позволяют читающему/слушающему узнавать исходное выражение. В основе вербального палимпсеста лежит сознательное нарушение нормы на основании фонетической или синтаксической (ритмической) связи [Galissou, 1993, p. 43–45].

Вторым внутриязыковым фразеологическим процессом создания неологизмов, после процессов «креативности», Ж. Прюво и Ж.-Ф. Саблероль называют процессы «искажения» (*détournement*). К «искажениям» ученые относят такие изменения в структуре существующих устойчивых выражений,

которые продуктивно модифицируют их смысл [Pruvost, Sablayrolles, 2016, p. 110–111]. В процессы искажения (*détournement*) ученые не включают случаи, когда добавление одной или нескольких лексических единиц в состав устоявшегося выражения не приводит к глобальному изменению смысла нового выражения. Так, в запомнившееся выражение, произнесенное Валери Жискар д'Эстэном о президенте Шарле де Голле: «*l'exercice solitaire du pouvoir*» (одинокое властвование), Сеголен Руайаль, характеризуя президентство Э. Макрона, добавила компонент *de plus en plus*: «*l'exercice d'un pouvoir de plus en plus solitaire*» (все более и более одинокое властвование) [Cayrol, 2019, p. 115–116]. Добавленный элемент не изменяет глобально смысл высказывания, и, следовательно, не рассматривается как искажение устойчивого выражения.

По мнению Камиль Ворже, искажение устойчивого выражения – это создание нового из старого, состоящее в реновации, преобразовании, придании новой энергии истертому обороту или сочетанию слов, которому, как правило, уделяется уже мало внимания в речи. Лингвист сравнивает искажение устойчивого сочетания с игрой с эфемерностью, своеобразной «языковой вспышкой света» [Vorger, 2011, p. 367].

Ж.-Ф. Саблероль называет «игровыми неологизмами» (*néologismes ludiques*) неологизмы, создаваемые игрой слов и игрой со словами, как объекты игровой неологии (*la néologie ludique*) [Sablayrolles, 2015, p. 190].

О создании игровых неологизмов путем искажения устойчивых выражений Ж. Прюво и Ж.-Ф. Саблероль пишут: «При замене внутри устойчивого выражения одного элемента на другой, смысл полученного выражения формируется переплетением смысла исходного выражения, которое должно быть идентифицировано, со смыслом нового элемента. Тогда, по аналогии со словами-телескопами (*mots-valises*), образованными соединением нескольких слов в одно новое слово, можно говорить о выражениях-телескопах (*expressions-valises*)» [Pruvost, Sablayrolles, 2016, p. 111].

Исследуя прием языковой игры, направленный на трансформацию прецедентных феноменов, Л. В. Рацибурская и В. А. Торопкина используют термин «деривационная трансформация прецедентных феноменов», а результаты этой игры называют авторскими неологизмами [Рацибурская, Торопкина, 2016, с. 79].

А. Е. Гусева и Т. В. Первак исследуют лексическую субституцию как прием языковой игры, модифицирующий фразеологическую единицу, а результат этой игры называют «индивидуально-авторским преобразованием фразеологизма» [Гусева, Первак, 2017].

Как можно видеть, в лингвистической литературе нет единого термина для описания приемов языковой игры, трансформирующих устойчивые сочетания слов, также, как и нет общего термина для определения результатов применения приемов языковой игры, трансформирующей устойчивые сочетания на лексическом уровне. В дальнейшем исследовании полилексичных объектов игровой неологии будем использовать метатермин «игровое неологическое сочетание» (далее: игровое НС), объединяющий неологические сочетания, фразеологические знаки которых интерпретируются их создателями различными приемами языковой игры на лексическом уровне.

3.2 Способы интерпретации игровых неологических сочетаний

3.2.1 Вербальная декомпозиция устойчивых сочетаний

Вербальный палимпсест (*palimpseste verbal*) – термин Робера Галиссона, присущий французской лингвистической традиции, который трактует способ обновления устойчивой синтагмы с помощью вербальной декомпозиции, состоящий в нарушении взаимодействия в его морфемных или лексемных синтагматических последовательностях. Возникающий в результате манипуляций, нарушающих норму в исходной форме устойчивой

синтагмы, новый план выражения производной формы представляет собой как бы надводную, видимую или слышимую часть вербального палимпсеста [Galisson, 1993, p. 45]. Механизм интерпретации нового смысла производным от исходного выражением опирается на обязательное узнавание адресатом исходного устойчивого выражения, сохраняющего «следы» своего присутствия в новом производном выражении.

Так как в область исследовательских интересов настоящей работы не входят вопросы словообразования, к которым относятся процессы вербального палимпсеста на морфемном уровне, в дальнейшем мы будем использовать термин «вербальная декомпозиция» (в таксономии Галиссона – «вербальный палимпсест на лексическом уровне») как игровую технику, трансформирующую устойчивое сочетание слов, интерпретационную деятельность адресанта, направленную на создание игрового НС.

Интерпретация языкового знака игрового НС вербальной декомпозицией устойчивого сочетания представляет собой эпilingвистическую деятельность автора, направленную на решение прагматических авторских целей и результат этой деятельности – новый фразеологический знак гиперсемантизированной единицы языка.

Анализ языкового материала позволил выявить, что для интерпретации фразеологических знаков игровых НС в публицистических аналитических текстах используется вербальная декомпозиция устойчивого сочетания, основанная на:

А) субституции начального компонента устойчивого сочетания:

1) *un président hors sol* [Cayrol, 2019, p. 133] (тепличный президент). Выражение создано заменой начального компонента устойчивого сочетания – термина *culture hors sol* (парниковая, выращенная на гидропонике культура) [Le Petit Robert, 2012, p. 1250]. Прагматический компонент значения игрового НС выражает авторскую иронию по поводу того, что президент исполняет свои обязанности, не соприкасаясь с реалиями повседневной жизни граждан, с их насущными заботами и проблемами.

2) *Monsieur patrimoine* [Darmon, 2019, p. 62] (господин «культурное достояние»). Так в СМИ начали называть известного французского тележурналиста Стефана Берна, после того, как в сентябре 2017 года президент Макрон поручил ему возглавить новую государственную структуру «La Mission Patrimoine», которая должна осуществить ревизию всех памятников историко-культурного наследия во Франции и изыскать новые источники финансирования для их спасения. Субституцией начального компонента сочетания *Mission Patrimoine* на созвучное слово *Monsieur* выражен оттенок иронии в прагматическом компоненте значения игрового НС, так как амбициозная и масштабная задача, поставленная перед журналистом, представлялась изначально не совсем реальной.

3) *lepénisation des esprits* [Fontenelle, 2018, p. 8] (проникновение идеологии партии Марин Ле Пен в умы). Субституция ономастической метафорой – трансформированным именем собственным Ле Пен *lepénisation* начального компонента устойчивого сочетания *pénétration d'esprits* (проницательность ума) (Схема представлена на Рисунке 4).

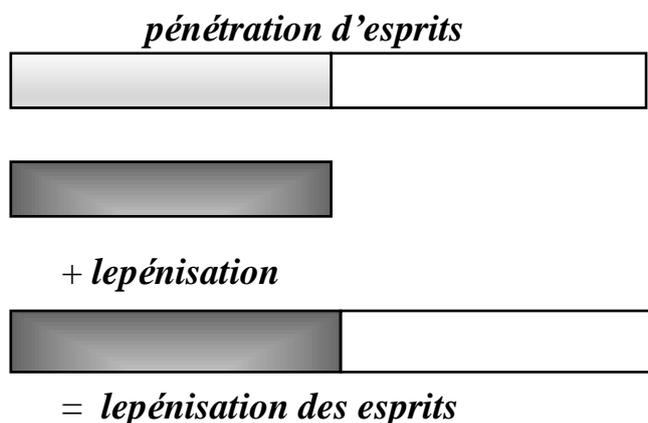

Рисунок 4 – Схема интерпретации игрового НС субституцией начального компонента устойчивого сочетания

Игровое НС, образованное вербальной декомпозицией на основе фонетической связи, интерпретирует авторскую интенцию – ироничную оценку роста популярности партии Марин Ле Пен во французском обществе.

4) *Emmanuel Macron, bon prince ou mal conseillé* [Cayrol, 2019, p. 162] (Эммануэль Макрон, благородный принц, или тот, кто получает плохие советы). Контекст содержит анализ целого ряда неоднозначных высказываний Э. Макрона в его бытность министром экономики Франции, свидетельствующих о его искаженном представлении о причинах проблем, о которых он выносил такие спорные суждения. Прагматический компонент значения игрового НС отражает авторскую иронию, созданную вербальной декомпозицией, основанием которой послужила фонетическая аллюзия с устойчивым сочетанием *prix conseillé* (рекомендованная цена). В данном примере замена, сохраняющая ритмическую связь в сочетании слов, раскрывает специфичные ассоциации при восприятии, создающие комический эффект.

Б) субституцией конечного компонента устойчивого сочетания:

5) *l'homme qui lit* [Darmon, 2019, p. 210] (человек, который читает) – о Премьер-министре Франции Эдуарде Филиппе: «Édouard Philippe, lui est “l'homme qui lit” (Édouard Philippe est l'auteur de l'essai «Des hommes qui lisent» (Lattès, 2017)). Surtout les rapports de force. Rien n'indiquait que le maire du Havre, homme cultivant l'autodérision et l'humour «british», auteur de romans policiers avec son ami Gilles Boyer. Serait un jour Premier ministre de la France» [Darmon, 2019, p. 210] (Эдуард Филипп – «человек, который читает» (Э. Филипп – автор эссе «Люди, которые читают»), особенно отчеты силовых структур. Ничто не предвещало того, что мэр Гавра, любитель английского юмора и автор полицейских романов, станет однажды Премьер-министром Франции»). Игровое НС *l'homme qui lit* образовано вербальной декомпозицией, основанной на ритмическом сходстве слов *lit* (читает) и *rit* (смеется), в устойчивом сочетании *l'homme qui rit* (человек, который смеется) – названии знаменитого романа В. Гюго. Прагматическое устремление автора направлено на создание ироничного намека на схожесть «неожиданных взлетов» в судьбе Э. Филиппа и главного героя романа Гюго – Гуинплена, отсылая к названию эссе Э. Филиппа – «Des hommes qui lisent».

Номинационные намерения автора, отраженные в прагматическом компоненте значения игрового НС, направлены на выражение ироничной оценки и, одновременно, создание атмосферы когнитивной общности и интеллектуальной игры с читателем.

6) François Hollande, le 1er décembre 2016: *Impression soleil couchant* [Barbier, 2017, p. 45] (Франсуа Олланд, 1-е декабря 2016: Впечатление заходящего солнца). Название главы политического романа Кристофа Барбье «Последние дни левых» создано вербальной декомпозицией устойчивого сочетания – названия знаменитой картины Клода Моне «*Impression soleil levant*», давшей имя новому направлению в живописи, легко узнаваемо французским читателем. Заменой последнего элемента сочетания на антоним *couchant* интерпретируется смысл политической ситуации – президент Олланд уходит, не выдвигая свою кандидатуру на следующие президентские выборы. Словесная игра, основанная на общих с читателем культурных кодах, позволяет автору выразить в прагматическом компоненте значения игрового НС ироничную оценку номинируемого политического события.

7) *la dame des 35 km/h* [Darmon, 2018, p. 221] (Госпожа тридцати пяти километров в час). «Aujourd’hui, pour pasticher un titre fameux, on pourrait présenter Anne Hidalgo comme «la dame des 35 km/h»» [Darmon, 2018, p. 221] (Сегодня, пародируя название известной книги, можно было бы отрекомендовать Анн Идальго как «госпожу тридцати пяти километров в час»). Игровое НС создано вербальной декомпозицией устойчивого сочетания – названия известной «политической книги» в жанре «портрет политика» о Мартине Обри (Martine Aubry): «*La Dame des 35 heures*»⁵. В прагматическом компоненте значения игрового НС отражена авторская ироничная оценка пресловутой законодательной инициативы мэра, согласно которой был введен запрет на передвижение автотранспорта по большей части улиц столицы Франции со скоростью, превышающей 30 км/ч.

⁵ Philippe Alexandre, Béatrix de L’Aulnoi. *La Dame des 35 heures*. Paris, Robert Laffont, 2002.

8) *la vengeance est un plat qui se mange surgelé* [Darmon, 2019, p. 46] (мечь – это блюдо, которое подают свежзамороженным) – высказывание, резюмирующее текст о так называемом «деле Беналла», скандале, разразившемся в декабре 2018 г. из-за превышения служебных полномочий начальником охраны президента А. Беналла, выразившемся в избииении им демонстрантов. Длительное отсутствие реакции президента вызвало ощущение в обществе, что виновного не накажут, т.е. «дело Беналла» стараются «заморозить». Субституция синонимом *surgelé* конечного лексического компонента в крылатом выражении «*la vengeance est un plat qui se mange froid*» (мечь – это блюдо, которое подают холодным) позволила автору лаконично выразить сложный смысл политической ситуации, имплицитно выразив сарказм как оценку.

9) *sourd comme impôt* [Le Canard enchaîné, 2017, p. 1] (глух как налог). Заголовок статьи сатирической газеты Le Canard enchaîné: «Macron: «Ça montre que je ne suis pas *sourd comme impôt*». Субституция конечного лексического компонента *un pot* паронимом *impôt* (налог) в поговорке «*sourd comme un pot*» представлена на Рисунке 5.

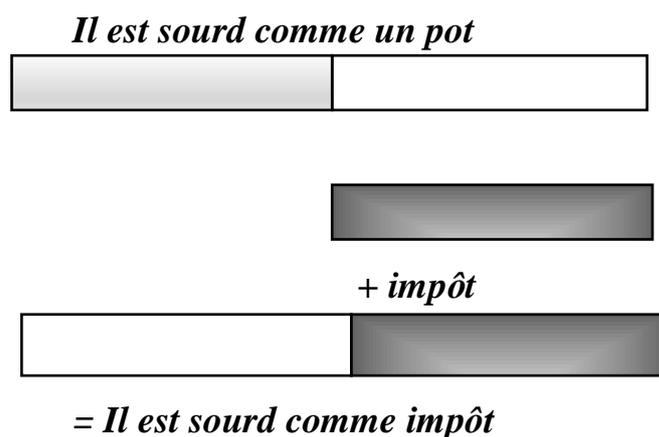

Рисунок 5 – Схема интерпретации игрового НС субституцией конечного компонента устойчивого сочетания

Большой русско-французский словарь трактует выражение *sourd comme un pot* (глух как горшок) русским аналогом поговорки – глух как тетерев [Щерба, 2007, с. 80]. Субституция словом «налог» окончания популярной поговорки позволила создать новый план выражения для сложного смысла новой политической ситуации – разочарование в обществе, вызванное невыполнением президентом Макроном предвыборного обещания по снижению налогов.

В) добавлением нового компонента (новых компонентов):

10) *Paris brûle-t-il chaque samedi?* [Darmon, 2019, p. 108] (Париж горит каждую субботу?). Перед тем как отступить из Парижа, Гитлер отдал приказ сжечь город (приказ не был выполнен). Автор использует в качестве исходного выражения вошедший в историю вопрос Гитлера: “*Paris brûle-t-il?*” (Париж горит?). Вопрос сохранился в коллективной памяти, еще и благодаря тому, что дал название культовому кинофильму 1969 г. об этих исторических событиях. Автор добавляет в конец исходного устойчивого сочетания лексический компонент – словосочетание *chaque samedi* (каждую субботу), интерпретируя смысл новой политической ситуации (схема представлена на Рисунке 6). Речь идет о том, что массовые протестные акции

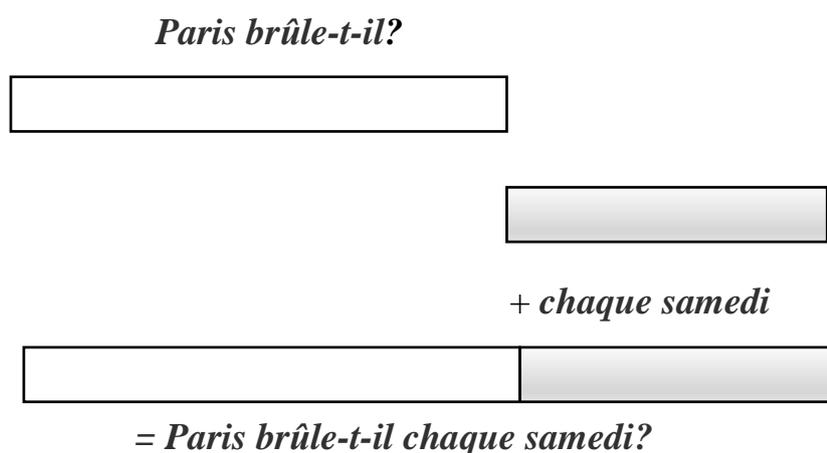

Рисунок 6 – Схема интерпретации игрового НС добавлением нового компонента в конце устойчивого сочетания

Желтых жилетов, начавшиеся в Париже в 2018 г., возобновляются каждую субботу и сопровождаются поджогами автомобильных покрышек, т.е. Париж горит каждую субботу. Опираясь на ментально-культурную общность с читателем и совместное владение ситуативными фоновыми знаниями, автор интерпретирует вербальной декомпозицией прецедентного выражения смысл нового социально-политического явления и выражает свою иронию как оценку.

11) *пasse-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe* (ты мне салат, а я тебе ревень). Выступая 7 декабря 2015 на канале France 2, Николя Саркози комментировал результаты первого тура региональных выборов и обозначал свою стратегию: «de ni fusion avec la gauche, ni retrait face au FN, ... ce n'est pas comme ça que ça se passe, ce n'est pas "*пasse-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe*"» (никакого слияния ни с левыми, ни с Национальным фронтом, ... это не «ты мне салат, я тебе ревень»). Новое выражение прозвучало как пародия и запомнилось, спровоцировав шквал комментариев, а в социальных сетях оно стало мемом. Новое выражение стали использовать, когда речь идет о некоем сговоре прошедших на выборах во второй тур партий, об их компромиссном объединении с проигравшими партиями, с целью увеличить свой электорат. Так, писатель Мишель Онфрей, рассуждая о реалиях выборной системы во Франции, пишет: «Une affaire de rhubarbe et de séné – en Molière revu et corrigé par Sarkozy⁶, cela done: «*пasse-moi la salade, je t'envoie la rhubarbe*». Le système electoral actuel relève toujours de cette subtile mathématique» [Onfray, 2017, p. 89] (Дело ревеня и сенны, пересмотренное Мольером и подправленное Саркози, в результате вылилось в «передай мне салат, а я тебе отправлю ревень»). Современная электоральная система восходит всегда к этой хитрой математике). Интерпретируя смысл

⁶ Нужно отметить, что Саркози искажил устойчивое выражение, которое до него уже однажды было трансформировано Мольером. Исходное выражение в словаре Le Petit Robert 2012 как фамильярное, устаревшее: - *LOC. FAM. VIEILLI Je vous passé la casse, passez-moi le séné: faisons-nous des concessions mutuelles* [Le Petit Robert, 2012, p. 2349] (Я вам кассию, вы мне сенну: давайте пойдем на взаимные уступки).

политической ситуации при помощи вербальной декомпозиции поговорки «*passes-moi la rhubarbe, je vous passerai le séné*» (ты мне ревеня, я тебе – сенну), Саркози спонтанно создал новую каламбурную номинацию ситуации, когда прошедший во второй тур кандидат (кандидат N), начинает вести переговоры с кандидатами, не прошедшими во второй тур, предлагая им портфели в будущем правительстве взамен на их публичный призыв к своим электоратам отдать голоса во втором туре за кандидата N. Новое выражение восходит к пародии, одновременно реализуя прагматический эффект – привлечение внимания широкой аудитории к авторской неконформистской позиции. Игровое НС, созданное Николя Саркози, иронично эвфемизирует неприглядную политическую реалию.

12) *le deuil en rose et vert* [Barbier, 2017, p. 117] (похороны в розовом и в зеленом). Автор использует в качестве базового устойчивого выражения название знаменитой песни, ставшей одной из визитных карточек творчества знаменитой французской певицы Эдит Пиаф «*La vie en rose*» (Жизнь в розовом цвете). Субституция начального лексического компонента устойчивого сочетания на антоним *le deuil* и добавление лексемы *vert* в конце фразеологической синтагмы формируют значение игрового НС, выражающего главную мысль текста (схема представлена на Рисунке 7).

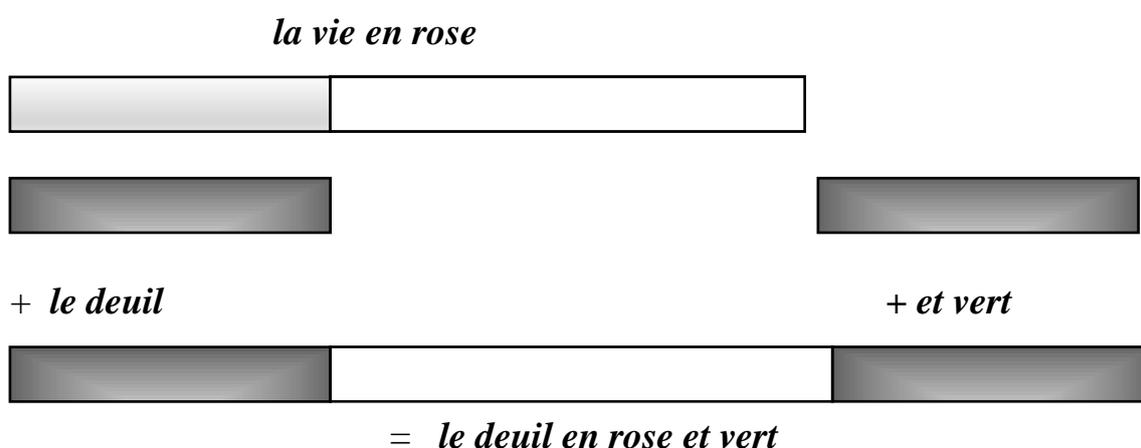

Рисунок 7 – Схема интерпретации игрового НС субституцией начального компонента и присоединением нового конечного компонента

Речь идет о недовольстве правительством Франсуа Олланда со стороны экологов и женских однополых семейных пар. Первым – «зеленым», не удалось отстоять целый ряд природных объектов от промышленной застройки, а вторым – «розовым», не удалось добиться от правительства социалистов принятия закона о суррогатном материнстве. И первые и вторые составляли электорат Франсуа Олланда, обеспечивший его победу на президентских выборах 2012 года. Выражение *le deuil en rose et vert* – это ироничный эвфемизм, интерпретирующий смысл новой политической ситуации – провал политики президента Олланда и его правящей партии социалистов, разрушивший к 2016 году союз социалистов со значительной частью собственного электората.

В) вербальной декомпозицией середины устойчивого сочетания:

13) *la colère est bonne conseillère* [Maillard, 2019, p. 84] (гнев – хороший советник) – заголовок очерка, в котором политический обозреватель, экономист Дени Мейяр анализирует причины общественного протестного движения Желтых жилетов, начавшегося в декабре 2018 г. и активно длившегося до середины 2019 года. Автор видит истоки кризиса в бесцензурности интернет-платформ. В социальных сетях интернет-пространства все желающие имели возможность сначала выразить собственное недовольство в адрес главы государства в грубой и даже непристойной форме, а затем объединяться и организовываться для протестных акций. Замена прилагательного *mauvaise* в поговорке «*la colère est mauvaise conseillère*» (гнев – плохой советчик) на антоним *bonne* позволила автору лаконично выразить главную мысль очерка – выплеск негативных эмоций в соцсетях спровоцировал массовую мобилизацию участников протестов.

14) *dis-moi quelle est ta Révolution française et je te dirai qui tu es* [Onfray, 2017, p. 173] (скажи мне, какова твоя Великая французская революция, и я тебе скажу, кто ты). Вербальная декомпозиция знаменитой цитаты из «Дон Кихота» М. де Сервантеса – «Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es» (Скажи

мне, кто твой друг и я скажу, кто ты) позволила автору кратко, образно и иронично сформулировать мысль о том, что существует прямая зависимость между субъективной оценкой индивидуума событий Великой Французской Революции и принадлежностью этого индивидуума к определенной политической партии (правого или левого толка). Схема вербальной декомпозиции середины устойчивого сочетания представлена на Рисунке 8.

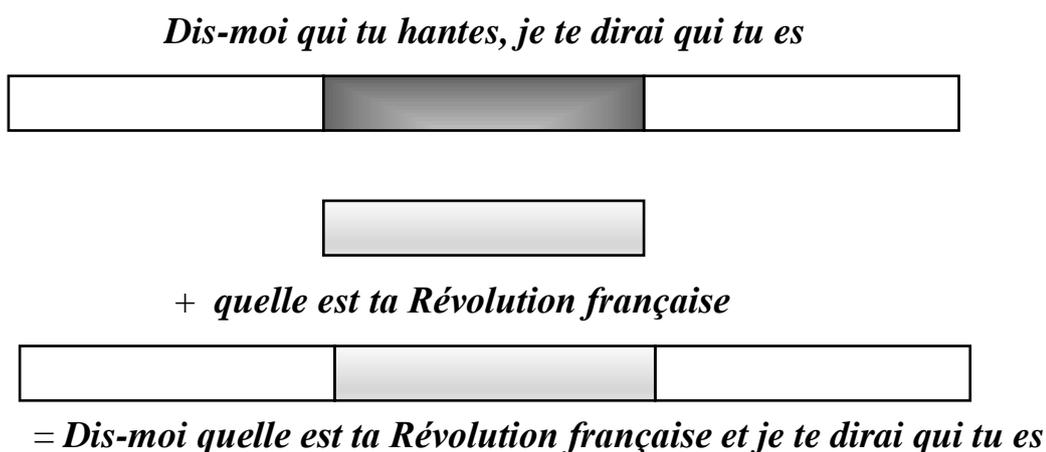

Рисунок 8 – Схема интерпретации игрового НС вербальной декомпозицией середины устойчивого сочетания

Г) телескопным сложением двух устойчивых сочетаний:

15) *vêtue de soi* [Le Canard enchaîné, 2019, p. 7] (одетые в самое себя).

Игровое НС – заголовок статьи в сатирическом еженедельнике Le Canard enchaîné. В статье идет речь о необычном дефиле, состоявшемся в женской тюрьме. Необычность дефиле состояла в том, что коллекцию модной одежды продемонстрировали модели из числа заключенных. Созданные известным стилистом наряды были перешиты из тюремных униформ, принадлежавших самим участницам-моделям. «*Vêtue de soi*» – сочетание, полученное в результате телескопного сложения двух устоявшихся сочетаний: «*vêtue de soie*» (одетые в шелка) и «*aller de soi*» (быть очевидным). Схема интерпретации игрового НС телескопным сложением двух устойчивых сочетаний представлена на Рисунке 9. Авторская номинативная цель состоит

в привлечении внимания читателей явным нарушением нормы, которое может показаться забавным и побудит прочесть статью.

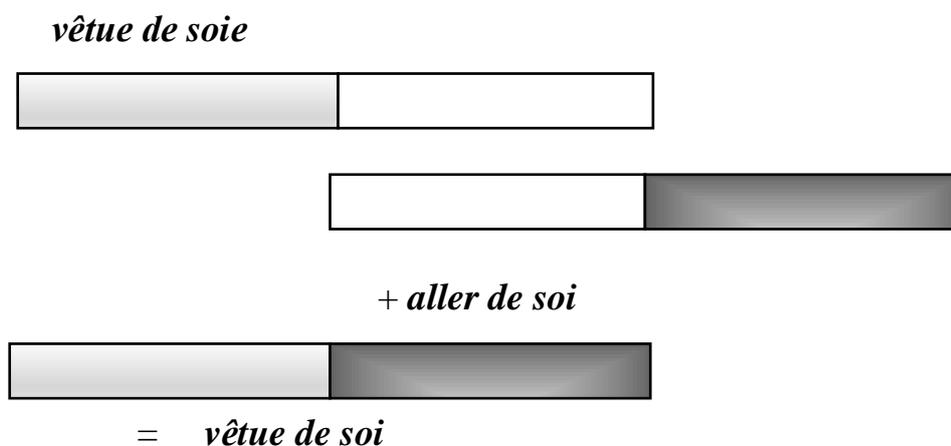

Рисунок 9 – Схема интерпретации игрового НС телескопным сложением двух устойчивых сочетаний

Д) амальгамным сложением двух устойчивых сочетаний:

16) *mieux vaut être riche et malade que pauvre et bien portant?* (лучше быть богатым и больным, чем бедным и хорошо себя чувствующим) [Maillard, 2019, p. 115]. Название очерка в политическом романе Д. Майара «Желтый гнев» создано вербальной декомпозицией исходного устойчивого сочетания – поговорки «*Il vaut mieux être riche et en bonne santé que pauvre et malade*» (лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным). В тексте говорится о том, что синдикаты обладают миллионными доходами от членских взносов, значит – они богаты. В то же время забастовки и манифестации, координируемые этими же синдикатами, собирают все меньшее число участников и, значит, синдикаты – больны. В значении игрового НС выражено авторское прагматическое намерение – иронично-иносказательно номинировать актуальное состояние дел во французском синдикализме.

17) «*Sans-culottes, bonnets rouges, Gilets jaunes: en France, lorsque l'habit politique fait le moine, c'est souvent le signe que le pouvoir file un mauvais coton*» [Darmon, 2019, p. 87] (Санкюлоты, красные колпаки, Желтые жилеты: во Франции политические одежды (клобуки) «делают монаха», это частенько

сигнал, что власть дышит на ладан). Игровое НС создано амальгамным соединением двух устойчивых выражений. Где первое – поговорка «C'est l'habit fait le moine» (ряса (клобук) делает монаха) [Словарь Мультитран, электронный ресурс], – переосмыслено путем добавления слова *politique*. А второе: *il file du mauvais coton* (*разг.* он безнадежно болен; дышит на ладан) [Ганшина, 1979, с. 366], – представлено в исходном виде. Значение игрового НС интерпретирует ироничную авторскую мысль о том, что во Франции протестные движения с характерными «политическими» одеждами возникают тогда, когда власть «дышит на ладан».

Таким образом, проанализированные игровые неологические сочетания структурно представляют собой результаты вербальной декомпозиции устойчивых сочетаний слов, которые основываются на:

1) фонетической связи, достигаемой заменой на сходно звучащее слово или группу слов;

2) синтаксической связи, которая может быть выражена:

а) заменой на антоним, синоним, или иную лексему, сохраняющую ритмическое звучание исходного выражения;

б) телескопным или амальгамным сложением двух устойчивых сочетаний.

Выбор адресантом одного из выявленных способов вербальной декомпозиции устойчивых сочетаниях как эпилингвистической деятельности, очевидно, зависит от решаемых им смысловых задач – его прагматических целей. Созданные вербальной декомпозицией игровые НС являются гиперсемантизированными единицами, актуализирующими обширный объем лингвокультурологических и иных внеязыковых специфичных знаний, органично присущих представителям лингвокультурного сообщества.

В значении игрового НС, созданного вербальной декомпозицией устойчивого сочетания, обобщенный смысл исходного устойчивого сочетания, как эталон определенной ценностной ориентации, привлекается к

выражению субъективной оценки конкретного факта социально-политической действительности. Новый компонент в составе исходного устойчивого сочетания изменяет не только его план выражения, но и приводит к семантическому сдвигу, отражающему авторские прагматические цели в значении игрового НС.

Выявленный и проанализированный языковой материал позволяет сделать вывод, что игровые НС – это ироничные иносказательные номинации, созданные вербальной декомпозицией пословиц, поговорок, крылатых выражений, названий картин, литературных произведений, кинофильмов, песен, часто употребляемых терминов и других устойчивых сочетаний.

Игровые НС, созданные вербальной декомпозицией устойчивых сочетаний, выполняют стилистическую функцию в публицистических аналитических текстах, используются в заглавиях и резюмирующих фразах как смыслообразующие языковые единицы.

3.2.2 Игровые искажения лексико-фразеологической сочетаемости

Сочетаемость, как основное свойство языковых единиц, обеспечивающих их функционирование в речи, исследуется в современной лингвистике как многоаспектное явление на семантическом, лексическом, морфосинтаксическом, синтаксическом, фразеологическом, понятийном, стилистическом и других уровнях языка.

Семантическую сочетаемость определенного слова Ю. Д. Апресян трактует как способность синтаксически связываться с любым словом, в значение которого входит конкретный семантический признак, такой, как например: одушевленность / неодушевленность, физическое состояние предмета, названия материальных предметов, названия измеримых параметров предметов [Апресян, 1995, с. 81]. Сочетаемость слова считается недопустимой, если в семантике одного из сочетающихся слов отсутствует

общий признак. Семантическая сочетаемость слова в метафорическом сочетании обусловлена не только предметно-логическими связями, но и общепринятыми в данном лингвистическом сообществе ассоциативно-образными представлениями, закрепленными узואально за смысловыми потенциями данного слова. В целом семантическая сочетаемость отражает соотношение между семантически связанными словами, при котором создается смысловое единство высказывания [Влавацкая, 2011, с. 103].

Понятие лексико-фразеологической сочетаемости И. В. Скуратов определяет как «способность отдельных слов свободно и естественным образом сочетаться с одними словами и не принимать другие» [Скуратов, 2018, с. 109].

Анализ языкового материала позволил выделить следующие способы интерпретации языковых знаков неологических сочетаний, основанные на игровых техниках, нарушающих лексико-фразеологическую сочетаемость:

А) соединение синапсией.

Термин «синапсия» (*synapsie*), предложенный Э. Бенвенистом, служит для обозначения сложных существительных, в форме соединенных связующей частицей двух лексем-конституэнтов, деноминирующих определенное переосмысленное понятие, получающее широкое распространение [Benveniste, 1974, p. 163–176]. Характерными чертами синапсии как явления синтаксиса французского языка являются:

- синтаксическая природа связи между компонентами сочетания;
- соединение компонентов при помощи связующих частиц *à* или *de*;
- определенный порядок компонентов: существительное + прилагательное;
- полная лексическая форма и свободный выбор существительного или прилагательного;
- отсутствие артикля перед определением;
- возможность расширения для одного или другого компонентов;

– уникальность характера сочетания компонентов [Moïnfar, 1997, p. 365–374].

Рассмотрим примеры использования игровой техники соединения синапсией как способа интерпретации языкового знака игрового НС.

1) *capitaine de pédalo* [La Presse 15.11.2011[Электронный ресурс]] (капитан водного велосипеда). Так лидер левого движения во Франции Жан-Люк Меланшон назвал своего соперника в президентской выборной компании 2012 г. Франсуа Олланда. Слово «capitaine» вызывает у носителей языка ассоциации с образом высококвалифицированного и многоопытного офицера, командующего большим военным кораблем (корветом или фрегатом). Одновременно, всем понятно, что управление водным велосипедом занятие простое, не требующее никакой специальной подготовки. Таким образом, прагматический компонент значения игрового НС выражает авторскую злую ироничную оценку потенциальных возможностей Ф. Олланда как будущего руководителя государства.

2) *confettis de souveraineté* [Onfray, 2017, p. 80] (конфетти суверенитета). Писатель-философ М. Онфрей соединил синапсией в единый концепт понятие «confettis» (конфетти – мелкие кусочки цветной бумаги, которые разбрасывают вверх на карнавалах, праздниках, дефиле) и понятие «souveraineté»⁷. Значение игрового НС отражает авторскую ироничную оценку политической ситуации, суть которой состоит в том, что «мелкие» партии, прошедшие в Парламент и не присоединившиеся к «пропрезидентской» коалиции, не имеют возможности влиять на принятие решений, и, следовательно, суверенитет их номинален и не имеет никакого политического веса.

3) *démocratie de fer* (железная демократия) [Darmon, 2018] – название политического романа Мишеля Дармона в жанре «портрет

⁷ Словарь Le Petit Robert, 2012 трактует *souveraineté*: le principe abstrait d'autorité suprême dans le corps politique [Le Petit Robert, 2012, p. 2417] (абстрактный принцип верховной власти в политическом корпусе).

политика» о новом президенте Франции Эммануэле Макроне. Вербальная декомпозиция устойчивого выражения, созданного синапсией *bras de fer*⁸ (рукопашная схватка), состоит в замене начального компонента лексической единицей *démocratie*. Фразеологическое значение игрового НС, созданного соединением синапсией двух семантически противоречивых понятий «демократия» и «железо», отражает авторское прагматическое намерение – намек на «железную хватку», авторитарность нового президента Франции.

4) *culture de déférence* [Maillard, 2019, p. 82] (культура верноподданчества). Автор интерпретирует фразеологический знак игрового НС, в прагматическом компоненте значения которого отражает смысл новой политической ситуации. В современных реалиях Желтые жилеты доказали, что их движение не нуждается ни в синдикатах, ни в переговорщиках от синдикатов, выдвигающих требования и достигающих договоренностей с хозяевами предприятий. Следовательно, эра переговорщиков от синдикатов, ведущих «верноподданнически» переговоры с бизнес-руководством, окончилась.

5) *démocratie d'irresponsabilité* [Cayrol, 2019, p. 227] (демократия безответственности). «Ce qui bloque aujourd'hui notre société politique..., c'est qu'il y a au fond une démocratie qui manque d'adhésion, qui ne permet plus d'inclure les gens, de bien les représenter, de leur donner leur juste place, c'est qu'au fond, vous avez aujourd'hui une *démocratie d'irresponsabilité* qui s'est installée dans le pays» (Что сегодня блокирует наше политическое общество..., так это то, что, по сути, существует демократия, которая не учитывает интересы людей, не отвечает за то, чтобы они смогли занять достойное место, что фактически сегодня в стране установилась демократия безответственности) [Cayrol, 2019, p. 227]. Слово *démocratie* семантически согласуется с прилагательными, являющимися признаками принадлежности

⁸ *bras de fer* – древняя метафора, означающая поединок, в котором два участника, сидя лицом к лицу, опираясь локтем на опору сжимают руки друг другу, проверяя свои силы, пытаясь опустить руку противника [Guilleron, 2013, p. 292].

(национальной, классовой, общественно-организационной, территориальной и т. д.) или с понятиями, характеризующими нечто рациональное и позитивное. Понятие *irresponsabilité* (безответственность) содержит негативную коннотативную сему, ассоциирующуюся с отрицательной моделью социального поведения. Значение игрового НС *démocratie d'irresponsabilité*, созданное соединением синапсией двух семантически несочетаемых понятий, отражает авторское отрицательное мнение о характере демократии как способа управления страной на современном этапе.

Соединение синапсией двух семантически не связанных понятий служит во французском языке способом создания новых смысловых единств. Проанализированный языковой материал (примеры 1 – 5) позволяет сделать вывод, что в политическом дискурсе соединение синапсией двух несочетаемых понятий служит способом интерпретации индивидуально-авторских концептов новых социально-политических реалий.

В) оксюморонные конструкции.

В энциклопедическом словаре выразительных средств русского языка оксюморон (от греческого *oxymoron* – остроумно-глупое) трактуется как стилистическая фигура, соединяющая противоречащие по смыслу друг другу слова, и как паралогический риторический прием, соединяющий несовместимые с точки зрения логики понятия, рождающий новое сложное понятие или представление [Сковородников, 2017, с. 195].

Объединяя противоречащие друг другу с логической точки зрения два понятия, оксюморонные конструкции создают парадоксальный план выражения нового сложного смысла. Швейцарский исследователь эвфемии и стилистических средств ее реализации Андре Орак отмечает, что оксюморонные конструкции соединяют два противоположных по смыслу понятия, из которых одно является близким к прямой номинации реального положения дел, а другое стремится это положение дел эвфемизировать [Horak, 2010, p. 82].

Например:

– *notre démocratie autoritaire* [Darmon, 2018, p. 69] (наша авторитарная демократия);

– *la tyrannie démocratique* [Onfray, 2017, p. 31] (демократическая тирания);

– *le volontarisme démocratique* [Cayrol, 2019, p. 27] (демократический волюнтаризм);

– *un despotisme démocratisé* [Dubreuil, 2019, p. 25] (демократический деспотизм).

В словаре иностранных слов под редакцией А. Н. Булыко понятие «демократия» (от греческого *demos* + *kratos* = народ + власть) расшифровывается как принцип организации деятельности коллектива, основанный на равноправном участии всех его членов [Булыко, 2005, с. 225]. Очевидно, что рассмотренные игровые НС соединяют в своих значениях противоречащие по смыслу с понятием «демократия» понятия «деспотизм», «волюнтаризм», «тирания», «авторитаризм».

– *notre monarque républicain* [Onfray, 2017, p. 70] (наш республиканский монарх). Прагматический компонент значения игрового НС, отражает авторскую ироничную оценку характера президентской власти в Пятой Французской республике, напоминающего, по мнению автора, власть монархическую.

Как показал анализ языкового материала, семантический контраст, создаваемый компонентами оксюморона, успешно реализует авторскую иронию, легко распознаваемую адресатом, а игровые НС, значения которых интерпретируются оксюморонными конструкциями, служат ироничными эвфемизмами в аналитических публицистических текстах.

С) нарушение тенденции сочетаемости предпочтений компонента неологического сочетания.

Нарушение семантической сочетаемости наблюдается при соединении в единое смысловое единство слов, у которых отсутствует общий семантический признак.

Рассмотрим примеры интерпретации фразеологического знака игрового НС соединением двух лексических компонентов, нарушающим тенденции сочетаемостных предпочтений одного из них:

1) «Macron et Trump, *meilleurs ennemis*» [Haddad, 2017, p. 14] (Макрон и Трамп, наилучшие враги). В названии статьи в еженедельнике «*Courrier international*» нарушено сочетаемостное предпочтение слова *meilleurs*. Прилагательное *meilleurs* (наилучшие) по правилам семантической сочетаемости требует сочетания с существительным, обладающим положительной коннотативной семой. Нарушение правил сочетаемости автором создает не только комический эффект, но и ироничный намек на существующие между двумя лидерами разногласия по ряду ключевых политических вопросов, о которых идет речь в тексте статьи.

2) *Jupiter foudroyant le chômage* [Darmon, 2018, p. 73] (Юпитер, сражающий молнией безработицу). «Les Français déconcertés par les mauvaises nouvelles budgétaires divulguées au fil de l'été, n'attendent qu'une seule image: Jupiter foudroyant le chômage» [Darmon, 2018, p. 73] (Французы, сбитые с толку плохими новостями о бюджете, просачивающимися в течение всего лета в СМИ, ждут только одного: Юпитера (Макрона), поражающего молнией безработицу). Значение игрового НС *Jupiter foudroyant le chômage* создано игровой техникой, нарушающей семантическую сочетаемость глагола *foudroyer* (сражать молнией), который сочетается только с лексическими единицами, номинирующими объекты материального мира. *Le chômage* (безработица) – это понятие социально-экономического явления, при котором в государстве часть трудоспособного населения не может найти работу, т.е. явно не принадлежит к миру материи, и которое нельзя поразить молнией. Прагматический компонент значения игрового НС отражает

авторский ироничный намек на то, что ожидания французов скорой победы Макрона над безработицей – напрасны.

3) *écosystème des baltringues* [Darmon, 2019, p. 47] (представители мира средств массовой информации). В словаре арготизмов Larousse 2010: *baltringue* – *artisan employé dans un cirque* [Larousse, 2010, p. 42] (работники, технический персонал в цирке). *Écosystème* (экосистема) – термин, присущий научному стилю речи и сочетающийся с такими природными понятиями, как почва, лес, пруд, озеро и т.д., например: *écosystème de terres arides* (экосистема засушливых земель), *écosystème de la forêt tropicale* (экосистема тропических лесов). Парадоксальное сочетание научного термина с арготизмом *baltringues* выражает в прагматическом компоненте значения игрового НС ироничную оценку деятельности работников СМИ. Сравнение представителей мира средств массовой информации с теми, кто обслуживает реквизит и арену цирка, создает ироничный намек на то, что политика – это тоже цирк, а политики, чью деятельность работники СМИ обеспечивают информационным освещением сродни циркачам, выступающим на арене перед публикой.

4) *matador hellénique* [Onfray, 2017, p. 57] (эллин-матадор). Так политолог и писатель Мишель Онфрей номинирует греческого премьер-министра Алексиса Ципраса. Слово *matador* (*toréro*, *toréador*) словарь *Le Petit Robert* трактует как «*homme qui affronte le taureau, dans une corrida*» (человек, который противостоит быку в корриде) [Le Petit Robert, 2012, p. 2575]. Как известно, матадор – это главное действующее лицо корриды, традиционного испанского или португальского зрелища. Авторская ирония как номинативное намерение декодируется в макроконтексте, содержащим описание того, как Ципрас во время предвыборной кампании делал невероятно смелые и даже агрессивные обещания: заставить канцлера Германии Ангелу Меркель аннулировать все долги Греции, принудить Германию выплатить Греции контрибуцию за 2-ю мировую войну и т.д., вплоть до выхода Греции из Евросоюза. Но, будучи избранным, новый

премьер-министр Греции Ципрас ничего не сделал из того, что так громко на весь мир обещал своим избирателям. Нарушение сочетаемого предпочтения слова *matador* реализует прагматический замысел автора – иронично и иносказательно выраженный намек на то, что матадор-эллин (Ципрас) так и не сразился с быком (Евросоюзом, Германией, канцлером Меркель). Значение игрового НС развлекает читателя комическим эффектом, способствующим благосклонному восприятию авторского мнения.

5) *la prêtresse de la communication* [Darmon, 2018, p. 183] (жрица коммуникации). «Il n'avait pas été simple d'obtenir ce rendez-vous en tête à tête avec celle (Anne Méaux) que l'on surnomme depuis des années «la prêtresse de la communication» et qui fuit les journalistes» [Darmon, 2018, p. 183] (Было нелегко договориться о встрече один на один с Анн Мэо, которую в течение многих лет называли «жрицей коммуникации» и которая избегала журналистов). Словарь Le Petit Robert, 2012, трактует слово *prêtresse* – «dans les religions païennes, femme ou jeune fille attaché au culte d'une divinité. Ex.: prêtresse grecque, romaine, bacchante, pythie, vestale. Prêtresse de Diane» [Le Petit Robert, 2012, p. 2018] (В языческих религиях жрица – это женщина или девушка, служащая поклонению определенному божеству. Например: греческая, римская жрица, вакханка, пифия, весталка. Жрица Дианы). «Коммуникация» – это концептуальное понятие из области социологических наук, которое явно не входит в набор регулярно присоединяемых смыслов, присущих понятию «жрица». Прагматический компонент значения игрового НС *la prêtresse de la communication* отражает стремление автора иронично-снижительно подчеркнуть успешность общественно-политической деятельности Анн Мэо в последние годы в качестве агентства по связям с общественностью.

б) *un président «vintage»* [Darmon, 2018, p. 36] («винтажный» президент)⁹. Высококачественное дорогое вино, произведенное в год особо удачного урожая, французы называют винтажным (*vintage*). Значение игрового НС интерпретируется соединением слов, нарушающим семантическую сочетаемость по признаку одушевленность / неодушевленность. Таким способом автор интерпретирует ироничную мысль о том, что если от «винтажного вина» не ждут нетрадиционного вкуса, то и от Э. Макрона не стоит ожидать радикальных политических и социальных реформ.

7) *l'extrême centre* [Cayrol, 2019, p. 192] («ультрацентр» о партии Макрона). Понятия «ультра» или «экстремальный» сочетаются с понятиями «правые» или «левые» (о политических силах). *L'extrême centre* – новый концепт, парадоксально номинирующий радикализацию идеологии центристского политического движения.

Таким образом, игровые НС, значение которых интерпретируется с намеренным нарушением лексико-фразеологической сочетаемости, искажающей набор регулярно присоединяемых смыслов одной из лексических единиц, в аналитических публицистических текстах следует рассматривать как авторские иронично-иносказательные суждения – авторские ироничные концепты новых социально-политических реалий.

Классификация исследованного множества неологических сочетаний осуществлена по прагмасемантическим способам интерпретации их фразеологических знаков и представлена в Таблице 3, где неологические сочетания публицистического дискурса предложено дифференцировать исходя из способа интерпретации их фразеологического знака адресантом.

⁹ *Vintage* – mot anglais «millésime; époque» – Porto, champagne millésimé. [Le Petit Robert, 2012, p. 2716] (английское слово «помеченный таким-то годом» – портвейн, шампанское винтажное).

Таблица 3 – Прагмасемантические способы интерпретации НС

Создание образных НС при помощи риторических фигур	Метафоры	Созданные по базовым концептуальным моделям	<i>la tourmente djihadiste;</i> <i>la compétition élyséenne</i>
		Созданные без модели	<i>courir comme des lapins</i> <i>Duracell;</i> <i>se transformer en radeaux de La Méduse</i>
		Ономастические метафоры	<i>gaullisme avec Instagram;</i> <i>le saint-simonisme macronien</i>
	Метонимические сокращения	<i>fraternité du rond-point;</i> <i>pays du non</i>	
	Автономастические комплексы	<i>des Clinton – des «nouveaux</i> <i>Thénardier de la politique</i> <i>américaine»;</i> <i>Machiavel à L'Elysée</i>	
	Перифразы	<i>Interceptions de sécurité;</i> <i>des politiques de retour des</i> <i>illégaux</i>	
	Создание игровых НС различными приемами языковой игры	Вербальная декомпозиция	<i>un président hors sol;</i> <i>sourd comme impôt</i>
Синапсия		<i>démocratie d'irresponsabilité;</i> <i>confettis de souveraineté</i>	
Оксюморонные конструкции		<i>tyrannie démocratique;</i> <i>un monarque républicain</i>	
Нарушение сочетаемостных предпочтений слова		<i>meilleurs ennemis;</i> <i>un président «vintage»</i>	

Множество неологических сочетаний предложено дифференцировать по прагмасемантическим способам интерпретации их фразеологического знака на два подмножества, где первое – образные НС, второе – игровые НС.

Различные типы образных НС и игровых НС в зависимости от идеологически мотивированной оценки, выраженной в структуре их фразеологического значения могут выполнять в текстах различные типы эвфемистических функций (или смягчение отрицательной оценки, камуфлирование неудобного объекта номинации, или ироничное иносказание), и, следовательно, являться эвфемистическими НС. Исходя из характера эвфемистической функции, множество эвфемистических НС предлагается разделять на эвфемистические НС языка политико-административной власти “*langue de bois*” и иронично-эвфемистические НС.

Исследованные в настоящей главе игровые НС часто служат в аналитических текстах иронично-эвфемистическими суждениями, иронично-эвфемистические НС.

Иронично-эвфемистические НС – это авторские ироничные иносказательные суждения – концепты, в парадоксальной форме, с разной степенью ироничной оценки (от доброжелательно-снисходительной иронии до сарказма) номинирующие новые социально-политические явления. Фразеологические знаки иронично-эвфемистических НС интерпретируются их создателями различными образными стилистическими средствами к которым относятся риторические фигуры (метафоры, созданные по моделям и без модели, ономастические метафоры, антономазия, метонимия, антифразис и др.) и игровые техники (вербальная декомпозиция устойчивых сочетаний; соединение синапсией, оксюморонными конструкциями, с намеренным нарушением тенденции сочетаемости предпочтений лексического компонента в сочетании).

Выводы по Главе 3

1. Исследованные инновационные фразеологические синтагмы, интерпретируемые при помощи установленных игровых техник, соответствуют критериям определения неологического сочетания, что позволяет классифицировать их как неологические сочетания.
2. Предложено применить метатермин «игровое неологическое сочетание» к инновационным фразеологическим синтагмам, фразеологические знаки которых интерпретируются отправителями речи различными игровыми техниками как приемами языковой игры на лексико-семантическом уровне.
3. К игровым техникам интерпретации фразеологического знака игровых НС относятся: 1) вербальная декомпозиция устойчивых сочетаний слов, и 2) соединение лексических компонентов в новое парадоксальное смысловое единство с намеренным нарушением сочетаемости (синапсия, оксюморонные конструкции, нарушение сочетаемостных предпочтений одного из лексических компонентов).

Термин «вербальная декомпозиция» (или в таксономии Р. Галиссона «вербальный палимпсест на лексическом уровне») применяется для описания игровых техник, искажающих устойчивые сочетания слов, используемых адресантами при интерпретации фразеологических знаков игровых НС. Значение игрового НС, интерпретируемое при помощи вербальной декомпозиции, формируется на основе: 1) значения исходного, легко узнаваемого коллективным адресатом, устойчивого сочетания, которое передает общий смысл номинируемой ситуации, и 2) значения заменного (или дополнительного) компонента, реализуемого в лексико-грамматической конфигурации исходного устойчивого сочетания и сообщающего ему новые смыслы.

Игровые техники вербальной декомпозиции устойчивых сочетаний могут основываться на:

1) фонетической связи в виде субституции на сходно звучащий лексический компонент;

2) синтаксической связи, которая может быть выражена:

а) заменой антонимом, синонимом, или иной лексической единицей, сохраняющей ритмическое звучание исходного устойчивого сочетания слов;

б) телескопным или амальгамным сложением двух устойчивых сочетаний.

4. Установлены прагматические функции игровых НС в публицистических аналитических текстах:

– функции авторских номинативных намерений, направленные на экономию языковых средств, прерывание монотонности изложения, не прямое выражение различной степени критики (ироничной, сатирической, резко отрицательной и т. д.);

– функции языкового знака игрового НС, реализуемые при его восприятии адресатом в тексте:

а) аттрактивная функция, выражающаяся в привлечении внимания адресата, в улучшении восприятия и запоминания нового языкового знака;

б) гедонистическая функция, выражающаяся в эстетическом удовольствии от удачной словесной находки, комического или сатирического эффекта, интеллектуальной игры, создающих атмосферу культурной общности и эмоционального сближения адресата с адресантом.

5. Игровые НС в аналитическом публицистическом тексте, как правило, представляют собой авторские иронично-иносказательные суждения – иронично-эвфемистические НС, идеологически мотивированные авторские ироничные концепты новых социально-политических явлений действительности, которые, как правило, выполняют стилистическую функцию смыслообразующих единиц в сильных позициях аналитических публицистических текстов, таких как заглавия и резюмирующие фразы.

Заключение

Комплексный анализ исследованного корпуса языкового материала позволяет заключить, что риторические фигуры и игровые техники, основанные на нарушении лексико-фразеологической сочетаемости, представляют собой неисчерпаемый номинативный ресурс для выражения сложных смыслов новых социально-политических явлений.

Неологические сочетания – это функционирующие в современном французском публицистическом дискурсе инновационные фразеологические синтагмы, образные полилексичные номинации, авторские суждения авторитетных языковых личностей, находящиеся в начальной стадии существования в языке и воспринимаемые лингвистическим сообществом как новшества. Возникновение неологического сочетания в публицистическом тексте прагматически мотивировано потребностью автора в создании однозначной номинации, отражающей авторские интенции.

В диссертации предложено разделение множества исследованных неологических сочетаний по способам, используемым отправителями речи при интерпретации фразеологических знаков неологических сочетаний, на два условных подмножества: образные НС и игровые НС. Следует отметить, что два указанных подмножества неологических сочетаний не имеют строго очерченных границ, являясь взаимно пересекающимися. Для наиболее однозначной передачи смысла социально-политического явления сквозь призму авторских прагматических интенций, адресант/автор может интерпретировать фразеологический знак неологического сочетания как одним из установленных способов, так и несколькими одновременно.

Адресанты интерпретируют фразеологические знаки образных НС при помощи риторических фигур (метафор, метафорических сравнений, ономастических метафор, метонимии, антономазии и др.).

Фразеологическое значение неологического сочетания содержит прагматический компонент, основанный на информации

экстралингвистического характера, часто выраженной специфичным национально-культурным маркером.

Прагматические функции неологических сочетаний в публицистических текстах предложено рассматривать в двух ракурсах:

1) функции авторских номинационных намерений – цели, которые адресант/автор ставит перед собой при «закладке здания» нового фразеологического знака неологического сочетания, и которые формируют прагматический компонент фразеологического значения неологического сочетания. Общими для всех неологических сочетаний являются такие прагматические функции авторских номинационных намерений, как:

а) экономия языковых средств, позволяющая избежать дополнительных объемных пояснений при интерпретации нового сложного смысла общественно-политического явления;

б) оценочная репрезентация ситуации, персоналии, факта при помощи нестандартных образных средств выражения;

2) функции фразеологического знака неологического сочетания при его восприятии в тексте адресатом, которые носят либо аттрактивный, либо суггестивный характер.

Понятие «эвфемистические неологические сочетания» объединяет множество различных образных НС и игровых НС, выполняющих эвфемистические функции в публицистических текстах различных жанров. Эвфемистические НС – это ситуативные эвфемистичные суждения об общественно-политических явлениях, прагматически обусловленные авторской идеологической оценочной модальностью. Исходя из авторских идеологической оценочной модальности и номинативных целей, формирующих характер эвфемистической функции (камуфлирование неудобного объекта номинации или ироничное иносказание), авторы выбирают способы интерпретации фразеологических знаков неологических сочетаний.

Сделаны выводы относительно возможности использования исследованных типов неологических сочетаний в публицистических текстах различных жанров в качестве эвфемистических суждений. На Рисунке 10 представлена схема возможности использования различных типов НС в публицистике в качестве либо эвфемизмов языка политико-административной власти “*langue de bois*”, либо ироничных эвфемизмов. Исходя из характера эвфемистической функции, обусловленной авторской идеологической оценочной модальностью, различные типы НС (образные НС и игровые НС) могут использоваться в текстах как эвфемизмы языка политико-административной власти “*langue de bois*” (эвфемистические НС “*langue de bois*”) или как ироничные эвфемизмы (иронично-эвфемистические НС).

Эвфемистические НС языка политико-административной власти “*langue de bois*” создаются и функционируют в информационных официальных публикациях и в публичных выступлениях представителей действующей власти. Способами интерпретации фразеологических знаков эвфемистических НС “*langue de bois*” служат метафоры, созданные по актуальным концептуальным моделям и перифразы с гиперонимами и/или узуальными «стертыми» метафорами. Адресант выбирает указанные способы интерпретации нежелательного, с его субъективной точки зрения, референта-табу не из стремления создать экспрессивную или поэтичную образную номинацию. Напротив – авторское прагматическое номинативное намерение, закладываемое в прагматический компонент фразеологического значения эвфемистического НС «*langue de bois*», направлено на создание максимально неконкретной или обобщенной номинации, которая не должна будет привлечь внимание коллективного адресата. Программируемые автором прагматические функции фразеологического знака эвфемистического НС

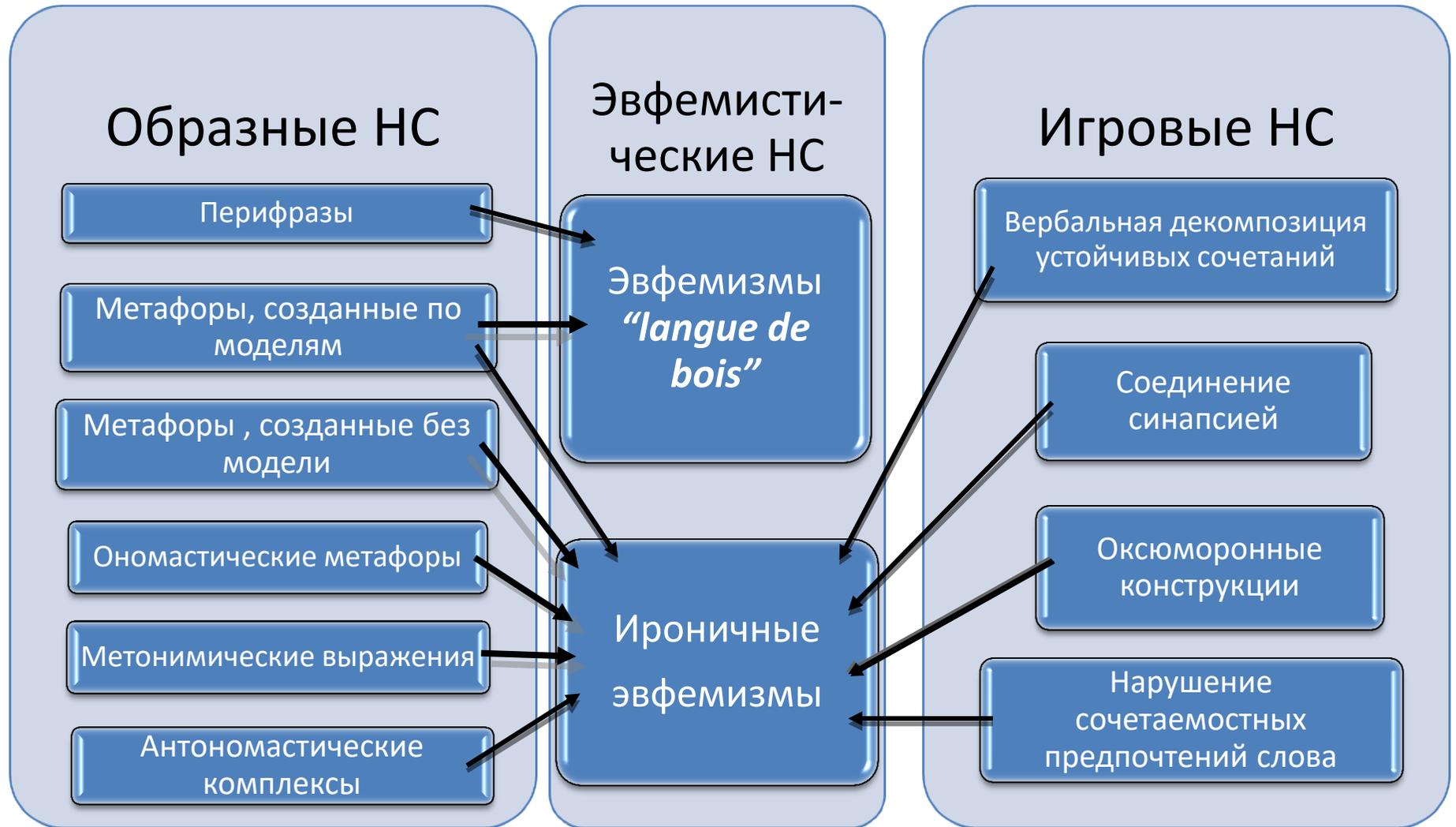

Рисунок 10 – Схема возможности использования различных типов НС в текстах в качестве эвфемистических суждений

“*langue de bois*” в тексте связаны со стратегией формирования общественного мнения и носят суггестивный характер – направлены на снижение критичности и аналитичности восприятия информации адресатом, на редукцию информативности номинации и отвлечение внимания от неудобного или неприглядного реального референта-табу.

В аналитических публикациях эвфемистические НС “*langue de bois*” присутствуют в качестве объектов жесткой критики. Авторы аналитических публикаций разоблачают «чужие» эвфемистические суждения как словарные трюки, отвлекающие внимание от нежелательных для действующей власти прямых номинаций проблемных социально-политических явлений. Критика эвфемистического НС “*langue de bois*” служит для публициста поводом изложить собственную противоположную идеологическую позицию относительно реальной референтной ситуации-табу.

Иронично-эвфемистическими НС предложено называть авторские ироничные иносказательные суждения, значения которых интерпретируются при помощи разнообразных выразительных средств языка: риторических фигур (метафор, созданных по модели и без модели, ономастических метафор, метонимии, антономазии и др.) и игровых техник (вербальной декомпозиции устойчивых сочетаний, соединения лексических компонентов сочетания синапсией, в оксюморонные конструкции, с нарушением сочетаемостных предпочтений слова).

Исследованное множество иронично-эвфемистических НС демонстрирует вербальные проявления ироничной критичности как особенности национального самосознания в политической рефлексии при концептуализации новых социально-политических явлений бытия.

В приведенной ниже Таблице 4 представлены результаты количественного анализа частоты использования различных прагма-семантических способов интерпретации значений неологических сочетаний в процентном соотношении от всего объема выявленного языкового материала.

Таблица 4 – Данные количественного анализа классифицированных типов НС

<i>Образные НС</i>		
Метафорические выражения	Созданные по базовым метафорическим моделям	32%
	Созданные без модели	8%
	Созданные с использованием ономастической метафоры	18%
Метонимические выражения		6%
Антономастические комплексы		7%
Перифрастические выражения		15%
<i>Игровые НС</i>		
Созданные вербальной декомпозицией устойчивых сочетаний		9%
Созданные намеренным искажением лексико-фразеологической сочетаемости	Соединение синапсией	1%
	Оксюморонные конструкции	1%
	Нарушение сочетаемостных предпочтений лексического компонента сочетания	3%

Количественный анализ частоты использования различных прагмасемантических способов интерпретации фразеологического знака НС выявил, что случаи использования риторических фигур при интерпретации значения НС составили 86% общего объема выявленных неологических сочетаний, и в 14% случаев фразеологический знак интерпретирован различными игровыми техниками как приемами языковой игры на лексико-семантическом уровне.

Наиболее продуктивным способом интерпретации фразеологических значений неологических сочетаний (в 58 % случаев) служат различные типы метафор (созданные по концептуальным моделям и без модели, а также ономастические метафоры).

Прагматический анализ неологического сочетания позволяет исследователю встать на сторону адресанта, интерпретирующего, конструирующего новый фразеологический знак неологического сочетания и проследить за используемыми им «технологиями и материалами», создающими программируемый прагматический эффект при восприятии этого фразеологического знака адресатом. Успешность реализации неологического сочетания в тексте возможна только при наличии у адресанта и адресата общего комплекса языковых и неязыковых фоновых и энциклопедических знаний, органично присущих представителям франкоговорящего сообщества, и, как правило, полностью или частично отсутствующих у иностранцев, даже владеющих языком на продвинутом уровне.

Функция экономии языковых усилий, присущая всем типам неологических сочетаний, способствует совершенствованию формы и конкретизации выражения смысла, номинируемого неологическим сочетанием социально-политического явления, снижая речевую нагрузку адресанта и облегчая восприятие адресата. При этом количество языковых единиц, составляющих фразеологический пласт языка, увеличивается, а сам язык обогащается и развивается.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что все неологические сочетания публицистического дискурса содержат в структуре фразеологического значения идеологически мотивированную непрямую авторскую оценку. Таким образом, подтверждается гипотеза исследования – неологические сочетания как новые образные номинации новых социально-политических реалий действительности являются иносказательными

суждениями, прагматически мотивированными авторской идеологической оценочной модальностью.

Результаты диссертационной работы могут представлять интерес для дальнейших исследований в области лексикологии французского языка, затрагивающих пересекающиеся теоретические вопросы фразеологической, сочетаемостной, игровой и семантической неологии. Выводы и материалы диссертации могут быть использованы в дискурсивных исследованиях, направленных на выявление различных аспектов национальной специфики мировидения в вербальных проявлениях политической рефлексии. Перспективным представляется дальнейшее исследование неологических сочетаний французского языка с целью подтверждения полученных выводов на материале других дискурсов.

Список литературы

1. Абабий В.Н. Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж, Воронеж гос. ун-т, 2019. 24 с.
 2. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русской неографии: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. СПб, 1999. 317 с.
 3. Александрова Е.М. Специфика порождения языковой игры в разноструктурных языках // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2016. № 4. С. 218–223.
 4. Алексеева Л.М. Интерпретация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева и др.; под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука: Флинта, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). С. 101–104.
 5. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», 2004. 296 с.
 6. Анисимова Н.П. Два мира – две семантики // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общей редакцией А.А. Залевской. Тверь: издательство Тверского государственного университета, 2018. С. 5–18.
 7. Анисимова Н.П. Историко-эпистемологический анализ французских семантических теорий: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2002. 34 с.
 8. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 кн. / 2-е изд., испр. и доп. М.: Яз. рус. культуры: Вост. лит., 1995.
- Т.1: Лексическая семантика: синонимические средства языка. 472 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 769 с. (Язык. Семиотика. Культура).

9. Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия / Глав. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 140–141.
10. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Русский язык. Энциклопедия / Глав. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 142–144.
11. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
12. Ахматова Г.Х. Структурный, семантический и прагматический аспекты эвфемизмов в политическом дискурсе современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МГПУ, 2020. 22 с.
13. Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева и др.; под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука: Флинта, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). С.104–108.
14. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. / [Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель]; Ред., вступ. статья и примеч. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
15. Балли Ш. Французская стилистика / [пер. с фр. К А. Долинина]; ред. Е. Г. Эткинда; вступ. статья Р.А. Будагова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
16. Баскова Ю. С. Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «слова-прикрытия»: монография. Краснодар: КСЭИ, 2009. 182 с.
17. Босчаева Н.Ц. Контекстуальная эвфемия в современном английском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Ленинград: Ленинград. гос. ун-т, 1989. 16 с.
18. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. М.: Университетская книга, 2007. 320 с.
19. Бредихин С.Н. «Языковая игра» как лингвистический феномен (на материале философских текстов М. Хайдеггера): автореферат дис. ...

- канд. филол. наук: 10.02.19. Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 2003. 22 с.
20. Бугрышева Е.С. Особенности образования ономастических реалий-неологизмов в контексте медийного (TV) дискурса: на материале английского, французского и русского языков: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: Мос. гос. обл. ун-т, 2020. 161 с.
 21. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
 22. Василенко А.П. Семантика фразеологизмов русского и французского языков (сопоставительный аспект): Монография. Брянск: РИЦ БГУ, 2009. 238 с.
 23. Веселова Н. В. Ирония в политическом дискурсе: автореферат дис. ... канд. фил. наук. Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2003. 16 с.
 24. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. Труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
 25. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 173 с.
 26. Влататская М.В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография: монография. Новосибирск: изд-во НТТУ, 2011. 508 с.
 27. Вороничев О.Е. Русский каламбур: семиотика, поэтика, стилистика. Брянск: «Курсив», 2013. 416 с.
 28. Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов: сб. ст. Л., 1978. С. 37–52.
 29. Ганапольская Е.В. Неология во фразеологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2. С. 183–189.

30. Гацалова Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания: на материале русского и осетинского языков: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Нальчик, 2005. 510 с.
31. Горшков А.И. Неологизм // Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук; Гл. ред., [авт. предисл.] Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Изд. дом "Дрофа", 1979. 703 с.
32. Гридина Т.Н. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996. 215 с.
33. Гусева А.Е., Первак Т.В. Лексическая субституция как приём модификации фразеологизмов в теледискурсе (на материале мокьюментари «Штромберг») // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru
34. Демьянков В.З. Интерпретация, номинация и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во МГУ, 1989. 172 с.
35. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17–33.
36. Дзенс Н.И. Прагмалингвистика (основные направления и методология лингвистической прагматики): учебное пособие. Белгород: ИД «Белгород. НИУ БелГУ», 2016. 144 с.
37. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
38. Живутская И.Г. Префиксальные неологизмы во французском и английском языках: на материале прессы и толковых словарей: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05, 10.02.04. М., Моск. гос. обл. ун-т, 2011. 20 с.

39. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1999. 126 с.
40. Заботкина В.И. Прагматика слова и ее реализация в контексте // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. М., 1985. № 6. С. 105–110.
41. Заботкина В.И. Слово и смысл /2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр РГГУ, 2014. 431 с.
42. Золотухина Е. Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Киров: Вят. гос. гуманитар. ун-т, 2009. 26 с.
43. Каграманов К.Р. Антономасия как средство языковой номинации: семантика и прагматика (на материале англоязычной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Мос. гос. лингв. ун-т, 2007. 22 с.
44. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке / Предисл. И.Б. Воронцовой. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2012. 112 с.
45. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
46. Кириллова Н.Н. К вопросу о разграничении лексического и фразеологического значений // Лексическая, категориальная и функциональная семантика. Ленинград, 1990. С. 45–50.
47. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 244 с.
48. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 152–163.
49. Колодочкина Е.В. Ономастические фразеологизмы во французском и русском языках // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Издательство «Языки славянской культуры», 2000. С.168–173.

50. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Отв. ред. Ю.С. Степанов. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с.
51. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Ленинград: Наука, 1978. С. 5–26.
52. Красина Е.А. Лингвистическая прагматика: М.: Издательство РУДН, 2006. 54 с.
53. Крюкова О.А. Эпилингвистическая составляющая политического дискурса (на примере выступлений франкоязычных политиков) // Вестник Московского государственного университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 36–44.
54. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
55. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука в конце XX века. М.: Издательство ФГБУН Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
56. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка: Публицистический и научный: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 232 с.
57. Куманицына Е.И. Лингвокреативный аспект англоязычной массовой коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2006. 25 с.
58. Левицкий А.Э. Горизонты развития неологии XXI века // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 350–364.
59. Левченко М.Н., Кутинова Е.В. Прагматический потенциал эвфемизмов в текстах английского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2017. №1. С. 1–8.

60. Лопатникова Н.Н. Лексикология современного французского языка: учеб. для студентов вузов .5-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2006. 335с.
61. Луев В.И., Минкин Л.М. К вопросу о научном поле прагматики //Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород: изд. БелГУ, 1998. Выпуск III. С. 145–150.
62. Лыков А.Г. Русское окказиональное слово: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. / АН СССР. Ин-т рус. яз. Москва: [б. и.], 1976. 59 с.
63. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 260 с.
64. Можейко М.А. Интертекстуальность // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. С. 333–335.
65. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 7– 89.
66. Наер Н.М. Структура, семантика и прагматика антономазии (на материале немецкого языка). М.: МПГУ, 2011. 140 с.
67. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 287 с.
68. Овчинникова Г.В. Адъективные суффиксы во французском, итальянском и русском языках: дис. ...докт. филол. наук: 10.02.02. Тула, 2000. 300 с.
69. Овчинникова Г. В. Словообразовательные и словопроизводственные процессы в формировании сан-антонионизмов Фредерика Дара // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 218–222.
70. Опарина Е.А. Исследование метафоры в последней трети XX века // Лингвистические исследования в конце XX века: Сборник обзоров. Исследования отдела языкознания / Ред. Березин Ф.М. М.: 2000. С. 152–169.

71. Первак Т.В. Функционирование аллюзий в мокьюментари «Штромберг» (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7. Ч. 3. С. 127–131.
72. Первак Т.В. Языковая игра в теледискурсе: лексический и стилистический аспекты (на материале немецкого комедийного телесериала «Штромберг»): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Мос. гос. обл. ун-т, 2018. 26 с.
73. Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира. Симферополь: СГТ, 2006. 284 с.
74. Порохницкая Л.В. Концептуальная метафора в эвфемии. М.: Спутник+, 2013. 369 с.
75. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
76. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. 126 с.
77. Прядильникова Н. В. Эвфемизмы в современной речи. Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2009. 60 с.
78. Рахимкулова Г.Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: к проблеме игрового стиля: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т, 2004. 46 с.
79. Рацибурская Л. В., Торопкина В. А. Деривационные средства воздействия на читателя в публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 12 (394). С. 78–81.
80. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
81. Рикёр П. Конфликты интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.
82. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. 189 с.

83. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 192 с.
84. Рыжова Л.П. Французская прагматика. М.: Ленанд, КомКнига, 2007. 240 с.
85. Рыжова Л.П., Богданова В.Р. Выражение позиции автора в политических газетных текстах (на материале французской прессы) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». М.: МГПУ, 2018. №4 (32). С. 56–60.
86. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 206 с.
87. Сахно О. С. Фразовая эвфемизация как объект лингвистического изучения. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2018. 164 с.
88. Сегал Н.А. Политический текст: метафорическое моделирование: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 248 с.
89. Сеничкина Е.П., Никитина И.Н. Иронические эвфемизмы как примета времени // Альманах современной науки и образования. 2007. №3. С. 199–201.
90. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб: Наука, 2007. 354 с.
91. Серль Д. Метафора // Теория метафоры: сборник / [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.]; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 307–341.
92. Синельникова И.И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте: моногр. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 188 с.
93. Скоробогатова Т.И., Суралева О.Ю. Семантическое разнообразие компонентов французских фразеологизмов: монография. Ростов-на-Дону: «Мини Тайп», 2017. 132 с.
94. Скуратов И. В. К вопросу об интерпретации неологизмов (на материале французского языка) // Актуальные проблемы лингвистики,

- переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина). Москва: МГОУ, 2017а. С. 25–27.
95. Скуратов И.В. Лексикализация как способ образования неологизмов в современном французском языке. // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2018. №1. С. 108–111.
96. Скуратов И. В. Семантическая неология (на материале французского языка) // Романские языки в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных трудов. Москва: МГУ, 2017б. С. 110–113.
97. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2006. 425 с.
98. Слабухо С.И. Понимание и интерпретация текста в герменевтике и современная парадигма интерпретации: Учебное пособие для ВУЗов. Смоленск: ООО «ПринтА», 2008. 92 с.
99. Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994) // Журналистика и культура русской речи. №1. 1996. С. 13–25
100. Солнцева А.В. Имена нарицательные, образованные от имен собственных, и способы их перевода // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук: теоретические и прикладные аспекты. Сборник научных материалов по итогам международной научно-практической конференции. Антибы, 2017. Орехово-Зуево: изд. ГГТУ, 2017. С. 174–176.
101. Солодилова И.А. Метонимия: границы феномена // Вестник Оренбургского государственного университета, 2017. №1 (201). С. 53–57.
102. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / [пер. с фр. А.А. Холодовича]. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

103. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Монография. Воронеж: «Истоки», 2008. 243 с.
104. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. М.: «Восток–Запад», 2006. 200 с.
105. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
106. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 778.
107. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
108. Тогоева С.И. Современная лексикография и новые единицы номинации. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 147 с.
109. Туницкая Е.Л. Перифразирование в лингвопрагматическом аспекте на материале французского дискурса: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.05. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2010. 44 с.
110. Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.05, 10.02.19. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. 36 с.
111. Хасавов А.Д. Социально-антропологические особенности публицистического дискурса в контексте медийных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Том 7. №2. С. 67–82. DOI 10.21453 / 2311-3065-2019-7-2-67-82.
112. Цыбова И.А. Словообразование в современном французском языке. М.: Московский лицей, 1996. 128 с.
113. Цыбова И.А. О проблемах словообразовательной неологии // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство:

- Сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 375–380.
114. Цыбова И.А. Французская лексикология. Tsybova I.A. *Lexicologie française*. М.: URSS, 2010. 223 с.
 115. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
 116. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006. 256 с.
 117. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов / предисл. Т. А. Бобровой. Изд. 5-е, испр. и доп. Москва: URSS, 2010. 265 с.
 118. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф...дис. докт. филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.
 119. Шилихина К.М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. № 4(38). 2011. С. 177–182.
 120. Шишкарева О.А. Новообразования как проявления языковой игры: структурно-функциональный аспект (на материале нижегородской прессы начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2009. 26 с.
 121. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1988. 91 с.
 122. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Томск, Том. гос. ун-т, 2005. 47 с.
 123. Benveniste E. *Formes nouvelles de la composition nominale* // *Problèmes de linguistique générale II*. Paris : NRF-Gallimard, 1974. P. 163–176.

124. Bonhomme M. Pragmatique de l'euphémisme dans la presse francophone récente de Suisse // *Verhüllender Sprachgebrauch* / éd. E. Garavelli & H. Lenk. Berlin: Frank & Timme, 2017. P. 15–37.
125. Bonhomme M. Pragmatique des figures du discours. Paris: Champion, 2005. 284 p.
126. Bréal M. Essai de sémantique, science des significations // Paris: Hachette, 1897 (Les numéros des pages se réfèrent à l'édition de 1921). 372 p.
127. Ducrot O. Le Dire et le Dit. Paris, 1984, 240 p.
128. Ducrot O. Logique, structure, énonciation. Paris: Minuit, 1989. 191 p.
129. Ducrot O. Présupposés et sous-entendus // *Langue française*. Paris, 1969. № 4. P. 476–485.
130. Galisson R. Les palimpsestes verbaux: des actualisateurs et des révélateurs culturels remarquables pour publics étrangers // *Repères, recherches en didactique du français langue maternelle*. 1993. № 8. P. 41–62.
131. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris: Seuil, 1982. 480 p.
132. Goosse A. La néologie française d'aujourd'hui. Paris: Conseil International de la langue française, 1975. 76 p.
133. Grosse E.-U. Evolution et typologies genres journalistique. Semen 13, 2001[Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/semen/2615> (дата обращения: 20.09.2021).
134. Guilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 285 p.
135. Guilbert L. Théorie de néologisme // *Cahiers de l'Association internationale des études*. Volume 25. № 1. 1973. P. 9–29.
136. Horak A. L'Euphémisme. Entre tradition rhétorique et perspectives nouvelles. Munich: Lincom Europa, 2010. 115 p.
137. Jarrety M. Lexique des termes littéraires. Paris: Le Livre de Poche, 2001. 475 p.
138. Krieg-Planque A. Souligner l'euphémisme: opération savante ou acte d'engagement? Analyse du « jugement d'euphémisation » dans le discours

- politique // Semen. 2004. No. 17: Argumentation et prise de position: pratiques discursives [Электронный ресурс]. URL: https://journals.openedition.org/_semen/2351#citedby (дата обращения: 03.08.2020). DOI: 10.4000/ semen.2351.
139. Krieg-Planque A. Langue de bois. Publicationnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics. Mis en ligne le 12 septembre 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://publicationnaire.humanum.fr /notice / langue-de-bois/> (дата обращения 20.09.2021).
140. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. London, Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 276 p.
141. Matoré G. Le néologisme, naissance et diffusion // Le Français Moderne, 20e année.1952. N°2. P. 10–16.
142. Mejri S. Figement, néologie et renouvellement du lexique // Revue des linguists de l'université Paris X Nanterre. 2005. № 52. P. 163–174.
143. Mejri S. Néologie et unité lexicale: renouvellement théorique, polylexicalité et employ// Langages. 2011/3 (n° 183). P. 25–37.
144. Mejri S. Présentation // Cahiers de lexicologie, 2003-1. №82. Paris: Éditions Honoré Champion, 2012. P. 5–10.
145. Moeschler J., Reboul A. Introduction. Pragmatique, linguistique et cognition // Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. Paris: Seuil, 1994. P. 17–41.
146. Moïnfar M. D. Sur la terminologie de Benveniste // Revue des linguistes de l'université. Paris, Nanterre. 1997. №9. P. 365-374. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/linx/1085> (дата обращения: 29.11.2020).
147. Mortureux M-F. Figement lexical et lexicalisation // Cahiers de lexicologie. 2003-1. №82. P. 11–22.
148. Normand C. Sémiotique et pragmatique : Un aperçue sur leur histoire // Revue de Sémantique et Pragmatique. 1997. №1. P. 105–114.
149. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. Paris: PUF, 2003. 128 p.

150. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. Que sais-je? Paris: Presses Universitaires de France, 2016. 127 p.
151. Rey A. Essays on Terminology. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 223 p.
152. Rey A. Néologisme, un pseudo concept? // Cahiers de lexicologie. 1976. №28. P. 3–17.
153. Sablayrolles J.-F. Des néologismes par détournement ? Ou Plaidoyer pour la reconnaissance du détournement parmi les matrices lexicogéniques. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00735933/document> (дата обращения 20.01.2021).
154. Sablayrolles J.-F. Les néologismes. Créer des mots français aujourd'hui. Paris: Editions Garnier, 2017. 92 p.
155. Sablayrolles J.-F. Neologismes ludiques : études morfologique et énonciativo-pragmatique // Enjeux du jeu de mots. Perspectives linguistique et littéraires / Edited by: Esme Winter-Froemel and Angelika Zirker. Berlin & Boston: De Gruyter. 2015. P. 189–216.
156. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain: монография. М.: МГОУ, 2016. 158 с.
157. Vorger C. Poétique du slam : de la scène à l'école. Néologie, néostyles et créativité lexicale. Littératures. Université de Grenoble, 2011. 659 p.
158. Tournier J. Précis de lexicologie anglaise. Paris: Nathan université, 1988. 207 p.

Лексикографические источники (словари)

159. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. Москва: УРСС (Калуга: ГУП Облиздат), 2005. 569 с.
160. Большой русско-французский словарь = Grand dictionnaire russe-français: 200 000 слов и словосочетаний / [Щерба Л. В. и др.]. 7-е изд., стер. Москва: Русский язык-Медиа, 2007. 560 с.

161. Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Мартин», 2005. 848 с.
162. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1979. 911 с.
163. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 376 с.
164. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / Изд. 2-е, существ. перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376 с.
165. Мультитран. Французско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=4&l2=2> (дата обращения: 24.09.2020).
166. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева и др.; Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука: Флинта (ГУП ИПК Ульян. дом печати), 2003. 694 с.
167. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 5-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 480 с.
168. Guilleron G. 365 expressions populaires. Paris : First-Grunde, 2013. 215 p.
169. Les grands dictionnaires LAROUSSE. Le dictionnaire de l'argot et du français populaire / Nouvelle edition par Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère C. Paris: LAROUSSE, 2010. 978 p.
170. Merle P. Politiquement correct. Dico du parler pour ne pas dire. Paris: Les Editions de Paris, 2011. 188 p.
171. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique. Paris:Le Livre de Poche, 1992. 352 p.
172. Rey-Debove J., Rey A. Le Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2012. 2837 p.

Материал исследования

(публицистические издания на французском языке)

173. Alexandr P., de L'Aulnoi B. La Dame des 35 heures. Paris: Robert Laffont, 2002. 192 p.
174. Algérie-Espagne: la circulation des personnes et les flux migratoires illégaux évoqués [Электронный ресурс] // Algérie Patriotique: [сайт]. URL: <https://www.algeriepatriotique.com/2017/12/13/circulation-personnes/> (дата обращения: 24.09.2020).
175. Barbier C. Les derniers jours de la gauche. Paris: Flammarion, 2017. 303 p.
176. Cayrol R. Le président sur la corde raide. Les enjeux de macronisme. Paris: Calmann–Levy, 2019. 244 p.
177. Chollet M. Valérie Toronian, des nouveautés cosmétiques au péril islamique // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Decouverte, 2018. P. 123–138.
178. Clark C. Les somnambules. Paris: Flammarion, “Champs”, 2015. 928 p.
179. Cyran O. Arnaud Leparmentier et Jean Quatremer, les Zig et Puce du macronisme // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Decouverte, 2018. P. 59–77.
180. Cyran O. Les malédictions de Brice Couturier // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Decouverte, 2018. P. 11–23.
181. Darmon M. La politique est un métier. Paris: L'Observatoire, 2019. 208 p.
182. Darmon M. Macron ou la démocratie de fer. Paris: L'Archipel, 2018. 286 p.
183. De Cock L. Natacha Polony, ou l'insoumission réactionnaire // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Decouverte, 2018. P. 109–121.
184. Dubreuil L. La dictature des identités. Éditions Gallimard, 2019. 128 p.

185. Fontenelle S. Introduction. Editocrates à réaction // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Découverte, 2018. P. 5–9.
186. Fontenelle S. Jacques Julliard, au contact du peuple // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Découverte, 2018. P. 41–57.
187. Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Découverte, 2018. 159 p.
188. Fontenelle S. Les obsessions de Franz-Olivier Giesbert // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Découverte, 2018. P. 25–39.
189. Fontenelle S. Plantu, le trait mal tourné // Fontenelle S., Chollet M., Cyran O., De Cock L. Les Editocrates 2. Le cauchemar continue... Paris: La Découverte, 2018. P. 2.
190. Grossman D. Le vent jaune. Paris: Seuil, 1988. 243 p.
191. Haddad B. Macron et Trump, meilleurs ennemis // Courrier international. 2017. № 1393. P. 14–17.
192. Jauvert V. Les intouchables d'État. Paris: Éd. Robert Laffont, 2018. 252 p.
193. Macron. Ça montre que je ne suis pas sourd comme impôt // Le Canard enchaîné. 2017. № 5046. P. 1.
194. Maillard D. Une colère française. Paris: L'Observatoire, 2019. 132 p.
195. Minc A. Voyage au centre du «système». Paris: Bernar Grasset, 2019. 188 p.
196. Moscou franc. Statistique de choc // Le Canard enchaîné. 2018. № 5096. P. 1.
197. Onfray M. Décoloniser les provinces. Contribution aux présidentielles. Paris: L'Observatoire, 2017. 149 p.
198. Politique migratoire: l'échec moral de l'Union européenne [Электронный ресурс] // Le Monde: [сайт]. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2017/09/07/politique-migratoire-l-echec-moral-de-l-union-europeenne_5182058_3214.html (дата обращения: 20.09.2020).

199. Quatremer J. Les salods de l'Europe. Guide á l'usages des eurosceptiques. Paris: Calmann-Lévy, 2019. 334 p.
200. Thibodeau M. Hollande, «capitaine de pédalo»? // La Presse 15.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lapresse.ca/international/europe/201111/15/01-4467924-hollande-capitaine-de-pedalo.php> (дата обращения 21/10/2020).
201. Vêtue de soi // Le Canard enchaîné. 2019. № 5150. 17.06.2019. P. 7.